

МЕЩАНОВ ЮРИЙ

КНИГА II

**МИЛОСЕРДИЕ
ПОБЕДИТЕЛЯ**

Вторая книга псевдоисторической трилогии «Рустовесье: хроника смуты». Неожиданные вести из Древгорода кардинально меняют расклад сил в государстве. Воспользовавшись удобным моментом, враждебные центральной власти предельные владыки вновь поднимают голову и начинают создавать коалицию. Державный князь тоже не теряет зря времени и собирает силы для подавления мятежа. Грядёт решающая схватка за главенство над Рустовесьем. Кто выйдет из этой борьбы победителем и будет ли победитель милостив к проигравшим?

Глава 1 Возмездие отступнику

В полудне пешей ходьбы от древгородского посада есть старинная берёзовая роща. В ней издревле обретали последний покой представители Великого Дома Строговых. Там же похоронили Лесьяра Строгова. Одетое в богатое платье и доспехи тело завернули в погребальный саван и закопали. Когда-то берёзы этой рощи рубили для погребальных костров. Но по элаитским обычаям сжигать мертвеца не полагалось. Не первым из Дома Строговых, но первым из державных князей, Лесьяр был похоронен по новому порядку. На могильном холме раскрашенными серебряной краской камнями выложили восьмиконечную звезду, полагавшуюся закончившему земную жизнь самовластному правителю Рустовесской державы.

Большая трапезная была занята полностью. Более двухсот знатнейших и богатейших людей Древгорода и Гужвоземья разместились за составленными в четыре ряда столами. За отдельным столом, сидели представители Дома Строговых во главе с новым державным князем и господином семьи. Всеслав без аппетита черпал деревянной ложкой луковую похлёбку и заедал её хлебом. Он всегда знал, что рано или поздно займёт место своего отца. Но был уверен, что до этого момента ему ещё лет пятнадцать или все двадцать ходить в наследниках. Медленно прожёвывая ломоть безвкусного поминального хлеба, молодой державный князь наблюдал за гостями, пришедшими почтить память Лесьяра Строгова. Все вели себя очень вежливо и почтительно, как и полагалось в подобных случаях. Но он понимал, что его тоже оценивают и приглядываются. Внезапно для всех он оказался повелителем их судеб, а значит всем теперь необходимо узнать своего нового владыку получше. Те, что поумнее, озаботились знакомством и заведением дружбы с наследником заранее. Но и они сейчас смотрят, как поведёт себя этот молодой князь в новых для него обстоятельствах.

Поминальный пир суетой и обилием блюд даже отдалённо не напоминал обычное княжеское застолье. По древней традиции, идущей ещё со времён, предшествовавших приходу Второго солнца, в зале никто не разговаривал. Мёртвых было принято поминать в мыслях, а не на словах. Всем известно, что язык мозолей не знает и наговорить может всё, что угодно. И лишь внутри себя человек искренне вспомнит покойного злыми или добрыми словами. Вот и сидели сейчас две сотни знатнейших и богатейших людей Древгорода и Гужвоземья в тишине. Из полагавшейся на поминках еды была луковая похлёбка, пресный хлеб и подслащённая мёдом вода. Пища не должна отвлекать от воспоминаний об умершем.

За дальним столом, Всеслав высмотрел купчиху Ольгу. На похоронах державного князя та горько рыдала и, как ему показалось, готова была вырваться из рук сопровождавших, чтобы броситься за ним в могилу. Сейчас она сдерживала слёзы, но было видно, что даётся ей это невероятным напряжением сил. Похоже, смерть отца была для неё полнейшей неожиданностью. Впрочем, как и для всех. Но тем не менее, если не считать их с братом, то Ольга была последней, кто видел отца живым. Нужно будет через пару дней послать к ней Степана Глазкова, исправника Тайной стражи. Пусть расспросит вдову для порядка.

Когда Всеслав объявил об окончании поминального пира, гости встали со скамей. Затем, в порядке, строго соответствующем их статусу, стали по одному подходить к молодому державному князю. После выражения горести по поводу безвременной кончины отца, каждый высказывал бесконечную верность Всеславу. За процессией высшей военной

знати последовал Гостемил, сын Серафима. Шестидесятилетний Старейшина племенного союза успонов также заверил нового державного князя в верности.

За князьями должны были последовать возглавители ремесленных союзов и богатейшие купцы. Но, вместо поочерёдной цепочки, они обступили Всеслава все вместе. Смотревшие на молодого князя мужи ведали срабатыванием и продажей всего: оружия, кожи, тканей, воска, мёда, стекла, соли, бумаги, драгоценных предметов. Вперёд вышел Позвизд, стареющий возглавитель союза кожевников. После выражения горестей от имени всех присутствующих, старший усмарь перешёл к главному.

— Досточтимый Всеслав! Мы все любили твоего отца и годами верно служили ему и Рустовесской державе. Но постигшая Лесьяра Строгова гибель заставляет нас обратиться к тебе в открытую. Он... Обратил весь Великий Дом в новую веру и боги убили его за это. Мы... Хотим просить тебя отказаться от элаитства и вернуться к благоверию, дабы не накликал на нашу землю ещё больших бед и суровых времён.

Молодой князь ждал подобных просьб, поэтому был готов к разговору. Не был лишь уверен в том, кто именно обратится к нему с такой идеей. Но внезапная смерть отца сделала его неизбежным. Городской люд любил своего правителя и искренне горевал, когда его тело повезли в берёзовую рощу. Однако толки пошли самые недобрые. Все были уверены, что это оскорблённые боги благоверия убили отступившего от них князя самым позорным для воина образом — в постели во сне. Среди подошедших к Всеславу было немало элаитов. Но и они испугались внезапной смерти своего повелителя и могли последовать за ней событий.

— Я благодарен вам, — начал Всеслав, — за то, что вы честно и открыто сказали мне о ваших думах и страхах. Я искренне надеюсь, что мне вы будете служить так же как и моему отцу, — возглавители союзов единогласно подтвердили свою верность новому державному князю. — Вместе с тем я намерен неукоснительно продолжать политику своего отца по укреплению Рустовесской державы. Этого требует от меня долг правителя и долг верного сына. Никакого возвращения к благой вере не будет. Со смертью нашего любимого державного князя смутные времена уже пришли. Война уже на пороге. И чтобы победить мне нужна помощь всех вас. Главное, это наша сплочённость. Я никого не буду притеснять или насильно обращать в элаитство — возглавители облегчённо переглянулись. — Но если кто-то из вас попробует вмешаться в государственные дела, заикнётся об уступках предельным князьям, или иным способом выступит против власти, пусть пощады не ждёт. За измену я казнь любого не задумываясь. Заботьтесь лучше о том, как в полном объёме заплатить подати. А оружейники пусть готовятся к большим заказам от Ратной управы.

Когда купцы и ремесленники наконец ушли, к Всеславу обратился его младший брат. Пётр говорил тихо и осторожно, но было видно, что этот вопрос он готовился задать уже давно.

— Скажи, брат, бывает такое, что простонародье даёт правителю какое-нибудь прозвище. Как бы ты хотел, чтобы прозвали тебя?

— Хм... Даже не знаю. «Всеслав Честный», например. Или «Победитель».

Когда Ольга вернулась в свой терем, то сил сдерживать слёзы уже не оставалось. Горький плач заполнил светлицу, куда она поднялась. Прислужники, поняв, что хозяйку лучше не трогать, попрятались. Старший сын пытался её успокоить, но Ольга отослала его от себя. Она не знала сколько прошло времени с момента её возвращения из резиденции

державного князя... Нового державного князя, сына того, с кем ей больше не свидеться в этом мире.

Ольга вернулась в свою опочивальню с кубком из «слёз Древних» и кувшином хмельного мёда. Из резной шкатулки был извлечён пузырьёк с зелёными кристалликами «Бескрылой бабочки». За что Единый так с ней поступил? Её мужа убили разбойники, их последняя дочь родилась мёртвой. Через несколько лет она стала встречаться с самым державным князем, могучим правителем Рустовесской земли. Он мог выбрать любую женщину из любого Дома, даже самого знатного. Но выбрал её и больше года они были счастливы. Она любила его! А потом он умер из-за неё... И этого уже никак не исправить. Можно лишь отправиться к нему. Ольга высыпала в кубок всё, что оставалось в пузырьёке. Если державный князь умер, выпив лишь четвертую его часть, то ей хватит с лихвой. Налила в кубок мёд и, подождав некоторое время, выпила. Медленно, как совсем недавно вместе с князем. Совсем скоро они вновь будут вместе.

Видогост нерешительно прошёл в женскую половину своей резиденции. Он узнал только что, так как был вместе с Деяном, когда тому доставили срочное письмо из Древгорода. Деян пытался отослать дядю подальше, чтобы ознакомиться с содержанием послания в одиночку. Но не смог, Видогост был непреклонен — наследник должен быть в курсе всех дел. Хорошо, что предельного князя больше не сопровождает Эдуард. Покойный воевода не позволил бы Видогосту послушаться. Весть была невероятна, скорее бы можно было поверить, что в небе вновь засверкало Второе солнце. Оказалось, что Лесьяр, сын Красимира из Великого Дома Строговых мёртв. Нет, конечно же все смертны, но такого развития событий никто ожидать не мог. Эта весть радовала, боги вновь дают ему шанс взять то, чего он достоин. Теперь нужно сообщить жене. Но Видогост колебался. С одной стороны это была самая радостная весть за всё последнее время. С другой, Лесьяр Строгов как-никак был Мирине родным отцом.

Супруга держала на руках их двухлетнюю дочь Софью. Трёхлетний Харитон и шестилетняя Лайна, увидев отца радостно подбежали к нему. Видогост знал, что его старший сын, девятилетний Игнат сейчас со своими сверстниками осваивает деревянный меч. Но где близнецы, рождение коих семь лет назад несказанно обрадовало Видогоста?

— А где Павел и Стоум?

— У искусного сейчас, грамоте учатся.

— Послушай, Мирина, есть важный разговор, срочно.

Мирина без вопросов отдала Софью на руки Лайне и отошла с мужем в сторонку, где они присели на скамейке в углу. Хотя и были они далеко от остальных воспитанниц свиты, суесящихся по своим делам, всё равно заговорили шёпотом.

— Что такое, — начала первой Мирина, — ты какой-то неуверенный. Что случилось?

— Даже не знаю как сказать. В общем, только что пришло письмо от твоего брата, Всеслава. Лесьяр Строгов, ну... То есть твой отец умер.

Видогост внимательно следил за выражением лица своей жены, готовый если надо утешить возлюбленную. Но Мирина была спокойна. Лишь слегка опустились уголки её губ и немного грустными сделались глаза.

— Его наказали боги за отступничество, — она тяжело вздохнула. — Он был хорошим отцом, я не могу вспомнить ничего дурного о нём. Благодаря ему мы с тобой обрели друг

друга, — Мирина посмотрела мужу в глаза и задумчиво улыбнулась. — Жаль, что теперь его душа попадёт к Хладу...

Видогост обнял жену за плечи и прислонил свою голову к её. Одна из девушек свиты взяла с рук Лайны расплакавшуюся Софью и явно попыталась вслушаться о чём же шепчется со своим мужем главная женщина Миргорода. Но строгий взгляд Мирины заставил девушку отойти подальше и отвернуться.

— Но теперь нашего князя не защищает слово и сила моего отца. Мой брат, Всеслав, не сможет оказать Деяну никакой помощи. Во всяком случае немедленно.

— Ты права. На него сейчас такие проблемы свалятся, самому бы устоять.

— Пора его свергнуть! Хватит этому недоноску над тобой стоять.

— Да, — Видогост нетерпеливо потёр руки. — В самое ближайшее время я всё организую.

— Что с воинами?

— По его душу хватит. После того как он назначил воеводой Петра Родникова, Старшая дружина его возненавидела. Четыре сотни дружинников за мной пойдут в любом случае, остальные мешать не станут. Игорь Сурин обещал, что не меньше тысячи бойцов его Поместной стражи на мою сторону встанут. Да и у меня две сотни собственной охраны.

— Деян хоть и наивный, но не совсем лопух. Он ведь понимает, что означает смерть моего отца, тоже станет готовиться к бою. Сколько он сможет людей собрать?

— Головоломный вопрос. Сегодня же напишу мудрейшему Валентину. Он обещал мне Храмовую дружину на вспоможение. Лишней она не будет. Да, ещё. Устрой, чтобы Агата у Деяна почаще ночевала. Пусть вызывает у него всё что только можно.

— Любимый, сделай все приготовления как можно быстрее. А то скоро могут появиться трудности.

— Ты про что толкуешь?

— Наша соглядница в положении.

— Ну мой племянник озорник! А я то думал они по ночам друг другу сказки рассказывают.

Видогост засмеялся, нескромно пощупал жену за коленку и подмигнул. Мирина с притворным возмущением смахнула его руку и поправила платье.

— Ты уверена? — спросил Видогост — Её повитуха осмотрела?

— Нужны мне ещё лишние люди в таком деле. Зря я что ли восемь раз рожала? Сама проверила. Месяца три примерно срок у неё. Агата довольно тонкая в поясе, скоро заметно станет. Не хватало ещё, чтобы Деян об этом прознал. Ещё вздумает жениться на ней, тогда всё значительно усложнится.

Мирина обняла мужа и положила голову ему на плечо.

— Наконец-то мы как никогда близки к власти над Миргородом. Кстати говоря, — прошептала Мирина на ухо Видогосту, — я тоже беременна и на том же сроке что и Агата.

— Даааа... — задумчиво протянул Видогост, — Ооочень хорошо.

Но Мирина не поняла, относятся ли слова мужа к её положению или к близости власти над Миргородом.

В полной тишине Всеслав разглядывал медвежью шкуру, аккуратно расстеленную на ложе. Он рассудил, что переберётся в покои отца и будет спать с женой здесь. Прислужники

уже перетащили сюда их вещи. На сундуке, в котором хранилась одежда отца, лежал его меч. Могучее боевое оружие, которое Лесьяр Строгов не выпускал из рук всю свою жизнь. Именно этим мечом он рубил врагов во время Киврийской войны. Теперь он по праву принадлежит Всеславу, как новому державному князю. Как ему распорядиться этим наследством?

Отец победил. Но без него самого эта победа ничего не стоит. Он держал на себе всё государство, а теперь? Можно не сомневаться, что те, кто трепетал перед ним, сейчас поднимут головы. А те, кто был им недоволен, выступят в открытую без всяких стеснений. Отец принял Элая, поверив что Единый бог истинный, а боги благоверия ложные. Но он ошибся. Старые боги так же реальны как и бог элаитства. Они убили его за то, что он попросил защиты у Элая в деле укрепления государства. Теперь Всеслав принял из его мёртвых рук меч борьбы. Боги благоверия тысячелетиями правили разрозненными людскими общинами и им не нужно никакое единое государство. И любой, кто хочет его построить, бросает им вызов. «Пусть меня уничтожат, — твёрдо решил Всеслав, — но я продолжу дело отца!»

Скрипнула дверь и в комнату бесшумно вошёл Лютогост. Всеслав поднял глаза на брата.

— А я удивился, — сказал Лютогост, — когда мне передали, что ты меня сюда зовёшь.

Даже уточнил несколько раз.

— Теперь я буду ночевать здесь. Вот, тряпки уже принесли.

— А Зима где?

— На женской половине. Она рожает.

— О... Ну надеюсь, что на этот раз всё хорошо будет. Родит тебе сына, как и положено!

Зачем ты меня сюда позвал?

Всеслав подошёл ближе к брату и посмотрел ему прямо в глаза.

— Послушай, Лют. Мы никогда не были с тобой близкими друзьями.

— Но и не ссорились никогда, — заметил Лютогост.

— Да, верно. И это чудесно. Теперь всё изменилось. Грядёт большая война, а нас и наш Дом больше не защищает отец, его сила и слава. Те, кто служил отцу, нам в лучшем случае не друзья. Всё зависит только от нас с тобой. Значит мы должны доверять друг другу, стать не только братьями по крови, но и друзьями. Мы должны доверять друг другу как самим себе.

Всеслав повернулся к сундуку и взял отцовский меч. Протянул его Лютогосту. Тот бережно взял клинок в руки, но Всеслав пока не отпускал оружие, тоже продолжая сжимать его пальцами.

— Для начала я отдаю тебе меч отца, — сказал Всеслав — он должен принадлежать тебе. Ни для кого не секрет, что ты владеешь оружием намного лучше меня. А сейчас давай вот здесь, в этой самой опочивальне, где умерла наша мать и умер наш отец. Без всяких посторонних глаз, лишь перед взором Единого. Держа в руках меч Лесьяра, сына Красимира из Великого Дома Строговых, поклянёмся друг другу в верности. Я клянусь, что никогда не предаю тебя и всегда буду тебе верным другом и братом.

— Я тоже клянусь! Клянусь, — воодушевился Лютогост, — всегда защищать тебя как брата, друга и своего державного князя. Клянусь, что никогда не предаю тебя.

Всеслав передал меч Лютогосту. Тот вынул клинок и покрутил его в разные стороны, с особым наслаждением разглядывая как переливаются смертоносные грани.

— Так ты уверен, что будет война?

— После того, как умер наш отец, даже не сомневайся. Мятежи начнут появляться как грибы после дождя. Я...

— Это очень хорошо!

— Слушай, я...

— Война для меня это праздник. Меня родили для войны. Прости, ты что-то хотел сказать?

— Я назначаю тебя воеводой Старшей дружины.

Лютогост убрал клинок в ножны и посмотрел на Всеслава, не в силах произнести ни слова от нахлынувших на него чувств.

— Всеслав, ты не шутишь? Ты правда доверишь мне командование Старшей дружиной?

— Никаких шуток. Я назначаю тебя воеводой. Никого из нашего Дома бойцы не уважают так, как тебя. Никто в нашей семье так мастерски не сидит в седле и не владеет оружием как ты. На этой должности мне нужен именно ты.

Не скрывая своего восторга, Лютогост крепко обнял брата.

— Спасибо тебе! Я многие годы мечтал быть хотя бы сотником, но ты доверишь мне всю дружину! А ведь начальник тяжёлой конницы может вместо державного князя вести в бой всё войско. Спасибо, брат!!! Знай, я не подведу тебя.

— Даже не вздумай меня подвести, — засмеялся Всеслав. — Ладно, давай, ступай в казармы, принимай командование.

Лютогост направился к выходу, но затем задумавшись, остановился.

Слушай, мне стало интересно. Когда мы нашли здесь отца, ты сказал, что он ошибался насчёт древних богов. А на поминальном пиру возглавителем ремесленных и купеческих союзов ответил, что никакого возвращения к благоверию не будет. Как тебя понять?

— Отец всегда говорил, что древние боги ложные. Что их просто нет. Но я думаю, что они есть. Именно они начинают войну против государства. Как тебе объяснить?

Лютогост недовольно покачал головой.

— Да мне всё равно как там да что. Главное, что будет война. А это по мне!

Чернек Озеров подал знак офицеру своей охраны и тот объявил, что присутствующие могут расходиться. Просители, писцы, старшие офицеры, посыльные и члены семьи потянулись к выходу. Чернек откинулся на спинку фамильного престола и прикрыл глаза. Предельный князь всегда испытывал облегчение, когда иссякал поток просителей и жалобщиков. Гораздо приятнее гонять воинов на плацу или вести конников на врага. Волк, старший сын и наследник Чернека, стоявший всё время приёма по правую руку от отца, медленно подошёл к нему. В руках он крутил берестяной футляр, переданный ему от посыльного из Тайной стражи. Пеньковые верёвочки на футляре были скреплены печатью Дома Строговых.

Владыка Старогуля и предельный князь Суломатья уже отдал распоряжение готовить ладьи в верховьях реки Мицальты. Лёд только что сошёл и можно было выдвигаться со Старшей дружиной в Древгород, чтобы присягнуть Лесьяру Строгову именем нового бога. Уже было готово собственной рукой начертанное письмо, предупреждавшее хозяина Рустовесской земли о скором прибытии его подданного из Дома Озеровых. Но Чернек пока медлил с отправкой гонца. А вот теперь письмо из Древгорода лежит в его руках. Что там в нём?

Предельный князь Суломатья взломал печать на футляре и свитке. Глаза привычно перескочили описание титулов державного князя, уже спустились к содержанию письма. Но что-то было не так в титулах. Чернек поглядел ещё раз и понял, что необычного рассмотрел взор. «Всеслав, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых...» С каких пор он взял на себя право писать письма предельному владыке? Чернек вскочил с престола, словно это был муравейник.

— Что там, отец?

— Лесьяр Строгов мёртв!

Чернек протянул сыну письмо. Волк внимательно прочитал его.

— Ничего себе... Как же так? Не указано в чём причина смерти. Убийство, болезнь, нечаянность?

— Какая причина тебе нужна?! Это было возмездие древних богов отступнику! Они убили его за то, что державный князь посягнул на благую веру. Такого же никогда не было раньше!

Волк пристально посмотрел в глаза отца. В них кипела долго копившаяся ярость, которая нашла сейчас неожиданный выход. Чернек Озеров был в бешенстве. Вот что копилось у него на душе, когда он сосредоточенно молчал на протяжении последних месяцев. С того времени как вернулся с Великого совета и мудрейший Вейкко поднял восстание. Предельный князь ругался на весь зал.

— Теперь наш долг силой оружия заставить его наследника вернуть благую веру. Да и вообще пора показать Древгороду, что он не смеет лезть в дела предельных князей! Сын Лесьяра всего лишь сморкач недоношенный. Он даже не тень своего отца, а просто никто. Этот мальчишка сидел на Великом совете. Знаешь, что он там делал? Улыбался как чушка. Покажем ему, кто в Рустовесской земле настоящий хозяин!

— Но... Отец, мы совсем недавно распустили войско по домам. Ратники пол-зимы простояли у наших стен. Усталость...

— Войско подождёт! Хоть Всеслав и молокосос, у него найдётся достаточно воинов и опытных советников. Война с Древгородом дело рискованное. Мы соберём наши силы после того как закончится сев. Пока есть время, я найду союзников. Начнём с Юрьевых. Я уверен, что Хотен Юрьев меня поддержит. А уж вместе мы уймём этого Всеслава.

Чернек хотел схватить топор, найти где-нибудь бревно и порубить его в мелкие щепки. Лютости нужно было дать выход. И тут предельный князь вспомнил посыльного Тайной стражи Филиппа Серебрянкина, сидевшего у него в плену с того самого момента, как он нечаянно оскорбил Дом Озеровых. Весь гнев Чернека направился на этого человека, который сидел у него под стражей, бесцельно проедая княжеские запасы. Он держал его как главного созерцателя, могущего нашептать державному князю нехороших слов. После своей присяги Лесьяру Строгову Чернек намеревался выпустить посыльного на все четыре стороны. Восстание Вейкко закончилось, Чернек присягнул, что он может плохого наболтать? Ничего! Но Позар и Светлоба распорядились иначе. Лесьяр Строгов мёртв, а Чернека обуял свирепый гнев. Филиппу Серебрянкину придётся ответить за всё!!! За что именно? За всю досаду, которая накопилась у Чернека Озерова на Великий Дом Строговых и на их власть над ним. Скоро он разматывает их полки и спалит Древгород. Но пока ближе этого пленного посыльного никого из Древгорода здесь нет. Чернек окликнул двух своих стражников и велел следовать за ним.

Филипп Серебрянкин сидел на скамье в комнатке, отведённой ему в казармах Старшей

дружины. В руках он держал глиняную крынку, из которой пил свежее молоко. На бороде его оставались белые капли. Когда вошёл Чернек с охранниками, посыльный встал и поклонился. Но предельный князь не обратил на вежливость пленного никакого внимания.

— Что, посыльный, молоко моё пьёшь?

— Да, князь, благодарю Вас, что не морите голодом.

— Много же ты снеси моей перевёл за все эти месяцы!

Чернек Озеров схватил Филиппа левой рукой за шиворот, в правой его руке сверкнул кинжал.

— Вы что, князь?

Чернек молча вонзил кинжал в сердце посыльного. Филипп Серебрянкин дёрнулся, пытаясь схватить князя за руку, но было поздно. Крынка с молоком грохнулась об пол. Черепки хрустнули под сапогами предельного князя. Пятно крови стало растекаться рядом с лужицей молока. Чернек обратился к своим охранникам:

— Выкиньте его труп в болото!

В приоткрытые ставни был виден кусочек города. Белошумье, столица предела Густошумье ещё спал. Смотритель Тайной стражи Гойник Бурин лежал на скамье, положив голову на скрещённые замком руки. Из предрассветной тьмы рядом со смотрителем вынырнул один из бойцов. Постоял в нерешительности и ушёл. Видимо не захотел будить. Но Гойник Бурин не спал. Он глубоко вдыхал тянувшийся с улицы воздух и думал.

Лёгкое весеннее солнце показалось из-за крепостных стен, окропив крыши строений золотыми лучами. За два часа до рассвета сорок бойцов Тайной стражи во главе с приставом скрытно покинули Белошумье. Нужен был кто-то, чтобы отвлечь на себя внимание Хотена Юрьева, и как можно дольше не дать предельному князю организовать погоню. Смотритель и ещё десяток бойцов вызвались сами.

Гойник Бурин восхищался талантами своего командира. Пристав Тайной стражи в Белошумье Трифон Кривин не переставал удивлять тайных стражников. Он был прекрасным бойцом и отличным наездником. Помимо этих, необходимых любому воину качеств, Трифон Кривин обладал и другими. За что и получил такое высокое офицерское звание именно в Тайной, а не Рубежной или Поместной страже. Пристав обожал разгадывать загадки и плести заговоры. Всё Белошумье и значительная часть предела были опутаны сетью его тайных осведомителей или доброжелателей. Он показал Гойнику как можно незаметно вскрывать печати писем, а затем запечатывать их обратно. Пристав обставил дело так, что через его руки шла вся переписка предельного князя Хотена Юрьева. Умея расположить к себе людей, он завёл кучу друзей в Поместной страже Густошумья, в Старшей дружине и Железном войске. И через знакомцев знал всё, что происходит в доверенных ему землях. Помимо друзей в ратной среде, было у Трифона Кривина ещё несколько подружниц, которые естественно не догадывались друг про друга. При этом от любовниц пристав узнавал столько полезных слухов, что стражники диву давались. Всё это конечно же жутко злило предельного князя Юрьева, но сделать он ничего не мог. Тайную стражу защищал авторитет Лесьяра Строгова.

Два дня назад пришло письмо для предельного князя и уточнительная бумага для Тайной стражи от Всеслава Строгова. Из сообщения следовало, что Лесьяр, сын Красимира мёртв. Всеслав пояснял, что Тайная стража должна действовать исходя из обстоятельств.

Если есть возможность, лучше уходить. Так как помочь он пока ничем не может, а сами стражники княжеский бунт вряд ли подавят. Когда Трифон Кривин приказал готовиться к уходу в Хладоручье, встал вопрос о том, что кому-то придётся их прикрыть. Гойник Бурин вызвался сам. Он был благовером, но ни секунды не сомневался в том, что служба державному князю, превыше всего. В свои двадцать три года он твёрдо решил принять смерть в бою за правителя Рустовесского государства и своих товарищей.

Предельный князь уже прочитал письмо из Древгорода, можно не сомневаться. С улицы донеслись крики десятков людей и характерный звон оружия. Терем Тайной стражи начали окружать. Гойник Бурин вскочил со скамьи, подпоясался ремнём с саблей и кинжалом, надел шлем и отправился к своим бойцам.

Во дворе суетились облачённые в доспехи копейщики Железного войска и пешие бойцы Старшей дружины. Позади них Гойник заметил Хотена Юрьева, владыку Белошумья и предельного князя Густошумья. Князь был одет в доспехи, в руках держал меч. Он и его ратники не оставляли сомнений в том, что тайных стражников сейчас будут убивать. Остаётся лишь протянуть время как можно дольше.

— Трифон, — выкрикнул Хотен Юрьев, — сдавайся по хорошему и я обещаю казнить вас быстро и без мучений!

— Нам надо подумать! — ответил за пристава смотритель Гойник Бурин.

Главное тянуть время как можно дольше. Двое лучников расположились за ставнями, готовые по команде пустить стрелы в княжеских ратников. «Подумайте», — согласился предельный князь. Тем временем, к терему продолжали прибывать новые бойцы. Блестящие на утреннем солнце кольчужные тела заполонили весь двор и были видны даже на улице. Стражники стали нервничать. Гойник подмигнул своим людям, чтобы приободрить их.

— Сдавайтесь! — крикнул через четверть часа предельный князь.

— Мы подумали, — отвечивал Гойник, — если хотите, можете попробовать взять нас!

Один из лучников Тайной стражи выпустил стрелу. Княжеский пехотинец повалился на землю и застонал. Остальные бойцы мгновенно прикрылись щитами и бросились к дверям. «Убить их всех!» — приказал Хотен Юрьев. Бревно с хрустом стало бить в запертые на дубовый засов ворота терема. Стражники приготовились к смерти. Гойник обнажил саблю вслед за своими людьми. Лучники смогли убить ещё одного и ранить двоих пехотинцев из тех, что ломали двери.

Створки дверей обрушились и в терем вломился поток ратников Дома Юрьевых. Бой был очень коротким. Гойник Бурин сумел ранить одного старшего дружинника, но был прижат к стене щитами. Сразу четыре копыя пронзили его тело. Гаснущий разум заметил убежавшего на место побоища предельного князя с мечом в руках.

— Я не понял! Два, три, четыре, семь, десять... Всего десяток Где остальные?! Куда они спрятались?

Максим Можаров, пристав Тайной стражи в Удольчине проснулся. Сладко потянувшись, он подошёл к ставням и отворил их. Комнату наполнил прохладный морской воздух. Максим посмотрел в даль. Морская гладь, открывавшаяся взору из-за крепостных зубцов, уже очистилась от льда. Весна! Привезённая вчера разъяснительная бумага с печатью Дома Строговых лежала на скамье. Он собирался прочесть её, но забыл. Бывшее

вместе с ней письмо к предельному князю Солоплажа он немедленно передал получателю.

Со двора донёлся шум. Максим Можаров посмотрел вниз. В открытые ворота входила двойная колонна полностью вооружённых копейщиков Железного войска. Во дворе колонна разделялась, охватывая кольцом терем, в котором располагались его люди. Максим сбежал вниз и вышел во двор. Копейщики выставили перед собой щиты, давая понять, что пропускать его никто не намерен. Пристав окликнул офицера.

— Что всё это значит? Кто приказал?

Офицер Железного войска с нескрываемым удовлетворением повернулся к приставу и громогласно произнёс:

— По приказу Олега, сына Далибора из Большого Дома Волковых, владыки Удольчина и предельного князя Солоплажа, до особого распоряжения вам и другим бойцам Тайной стражи запрещено покидать место вашего расположения. При любой попытке выйти за ряды моих ратников вы будете убиты на месте.

Дабы ни у кого не оставалось сомнений, пехотинцы направили в сторону Максима Можарова копьё.

Глава 2 Проигравший теряет всё

Эта ночь была одной из самых прекрасных за всё время их нечастых свиданий. Деян брал её уже много раз, но желание не слабело. После короткого отдыха, растворённого в жарких поцелуях, юный князь вновь притянул Агату к себе. Тело его любовницы благоухало пьянящим ароматом свежей молодости. Вдыхая её запах, он чувствовал как кружится голова и бегают по жилам кровь, не давая заснуть или думать о чём-то постороннем. Прикасаясь к её коже, Деян впитывал в себя поток удивительной силы, шедший от его разгорячённой взаимной страстью беззаконницы. Он словно припадал к чудному пульсирующему источнику, помимо наслаждения, наполнявшего его душу и мышцы ещё и солидным запасом крепости. Деян чувствовал как несравнимая ни с чем, копится она внутри. И можно использовать её для любого дела немедленно, а можно скопить, чтобы потратить позже. «Неуёмный ты мой», — прошептала Агата, когда между коленями девушки оказались бедра сызнова нависшего над ней Деяна. Юный князь вмял любовницу в медвежью шкуру, оглушённый на левое ухо выдавленными в такт его движений пылкими стонами.

Уже весь город знал о смерти державного князя. Это известие потрясло всех от мала до велика. Расклад сил в Рустовесской земле серьёзно изменился, будут очень опасные последствия. Агата обвила руками шею временно притихшего любовника. Не ради их сладострастных утех Мирина забрала к себе сегодня Веру, младшую сестру Деяна. Нужно точно узнать, что замыслил делать юный князь. Крепкие пальцы Деяна погладили гибкую спину Агаты, она положила голову ему на грудь. Мирина пообещала ей, что Деяну не причинят вреда. Просто лишат власти и сошлют командовать крепостёнкой на Засечной черте. Узнав всё, что нужно Агата наконец-то сможет искупить вину перед своим Домом. Хотя искупив одну вину, девушка не избежала другой. Как подтвердила Мирина, она уже третий месяц носит в себе ребёнка от Деяна. Что дальше? Жена Видогоста велела ей с последствиях не переживать.

Потеряв власть и оказавшись на границе Кочевых степей, Деян не сможет жениться на Дарине Строговой. Разум Агаты озарил неожиданно яркий образ. Она увидела себя рядом с опальным владыкой Миргорода. Искусный в безвестном остроге благословил их брак именами пресветлых богов. Они живут вместе и не нуждаются в том, чтобы скрывать свои отношения. Бывший предельный князь уходит с отрядом в походы, чтобы отразить набеги кочевых разбойников. А она молится за него и нянчит их общих детей. На душе Агаты вдруг стало необъяснимо тепло и уютно от таких мыслей. Почему бы и не сбыться этим мечтам? Если Деян потеряет власть, то Мирина с Видогостом возьмут под своё покровительство Дом Лоскутовых, а она сможет удалиться с князем в изгнание и никому мешать не станет.

— Любимый, — обратилась Агата к Деяну.

— Что, милая?

— Я хотела тебя спросить. Если державный князь умер, то кто поможет тебе в борьбе против Видогоста?

— Его сын, Всеслав. Я уже послал ему письмо. Но он пока что не сможет мне помочь.

— Как же так?

— У него сейчас много своих проблем. Так что на его поддержку мне вряд ли можно рассчитывать, — голос Деяна звучал слишком спокойно.

— Но если Видогост нападёт и ты проиграешь, то мы больше никогда не увидимся. Я не

хочу тебя потерять.

— Всё будет хорошо. Ты никогда меня не потеряешь.

Деян явно не намеревался раскрывать любовнице своих замыслов. Но ведь нужно их узнать! Агата нежно обняла юного князя и ласково прикоснулась губами к его глазам.

— Я не хочу потерять тебя, — тихо повторила она, удивлённо осознав что не врёт. — У меня никого кроме тебя нет.

— Доверься мне, я решу все проблемы.

— Мне такое уже говорили, — с болью в голосе ответила Агата. — Помнишь ту ночь, когда я впервые осталась у тебя?

— Я помню каждую нашу ночь, любовь моя.

— Когда ты впервые овладел мной вот на этом самом ложе, — Агата хлопнула ладонью по медвежьей шкуре, — ты ведь понял, что я не досталась тебе девственницей?

Деян понял. Он всегда знал об этом, но не хотел думать о том, что у его Агаты был кто-то другой. Что кто-то другой целовал её, прикасался к ней и наслаждался её ласками. Зачем она завела такой разговор?

— У моего отца шесть дочерей и четыре сына, — продолжала Агата. — Я пятая его дочь. Мой отец заботился о том, чтобы устроить нашу жизнь. Сам понимаешь, денег для приданного за всех просто не хватало. Мой Дом богатством никогда не славился. Только войнами. Когда мне было семнадцать лет, наш острог посетил глава Малого Дома князь Игнат Зотов со своим сыном и наследником Андреем. И я с ним подружилась. А потом мы поняли, что любим друг друга.

Деян Булатов до белизны сжал губы, чтобы не дать кипевшей в нём ревности проявиться неосторожным словом. В отблесках светильника он увидел скопившуюся в её чёрных глазах сырость. Ей тоже было больно.

— Агата, любимая, зачем ты решила мне это рассказать?

— Мы ведь не должны таиться друг от друга. Я знаю, что ты скоро женишься. Я много чего про тебя знаю. Но ты никогда не спрашивал меня о моей жизни. Я хочу, чтобы ты знал меня лучше. Мне это очень важно. Тебе не интересно как я жила до нашей встречи и почему оказалась в Миргороде?

— Да... Да, расскажи о себе. Я хочу знать.

— Наша влюблённость не стала тайной и мой отец предложил нас поженить. Но Игнат Зотов попросил слишком большое приданное, так как подыскивал для Андрея невесту из более богатого и сильного Дома. У моего отца не было таких денег. Свадьбы трёх моих старших сестёр стоили дорого. В то время отец с трудом соскребал на приданное для четвёртой дочери, моей сестры Марины. У неё уже был жених, а моя очередь ещё не пришла.

— И что было дальше?

— Дальше... Мы почти год писали друг другу письма. И однажды он написал, что мы будем вместе вопреки любым преградам. В письме он изложил свой замысел.

— Что же он предложил?

— Всё было просто. Наши отцы должны были отлучиться. И вот когда их не было, я сбежала к Андрею.

— Вот так просто? А как же его мать, семья?

— Мать его давно умерла. Почти всю семью отец увёз с собой. Андрей как наследник остался управлять родовым острогом. А я увела лошадь и приехала к нему. Но искусный отказался благословить наш брак, потому что не имел согласия родителей. Андрей тоже

говорил чтобы я доверилась ему, что он решит все проблемы. Я верила ему и любила его, поэтому не сомневаясь разделила с ним ложе. Я не жалела, когда отдала ему своё девичество. Летом прошлого года меня тоже убеждал любимый человек, что ничего страшного не будет.

Деян обнял плечи Агаты и прислонил свою голову к её. Всё о чём он не хотел думать, сейчас вылилось на него из уст возлюбленной. Она любила какого-то Андрея, он первым попробовал вкус её поцелуев и познал прелести её нежного тела. Просто воспользовался доверием девушки. Многократно повторённое Агатой «тоже» больно било Деяна словно плетью. Он сам то чем лучше?

— И... Долго вы жили?

— Неделю. Потом его отец вернулся и всё открылось. Андрей тоже обещал защитить меня. Но в решающий момент промолчал. Я сожгла его письмо и сказала, что сама решила сбежать. Мой отец взял с Дома Зотовых денег, за обещание не требовать их к ответу по суду. Я покрыла свой Дом позором. Когда подтвердилось, что я от Андрея никого не прижила, мой отец дал взятку Видогосту и выдворил меня в свиту к Мирине. Теперь у меня нет семьи, мой Дом меня не защищает. Булатовы могут поступить со мной так как им вздумается. И вот я опять слышу, что должна довериться тому, кого полюбила. Боги прокляли меня!

Деян сел на ложе, притянул Агату за плечи и посмотрел в её наполненные слезами глаза.

— Агата, я не такой! Я клянусь, что не предаю тебя никогда. Этот Андрей мерзавец. Я не допущу, чтобы ты пострадала ещё раз.

Агата прикоснулась ладонями к гладко выбритым щекам Деяна.

— Докажи мне это! Откуда мне знать, что ты победишь? Как именно ты сможешь одолеть Видогоста?

— Через три дня я нанесу внезапный удар. Когда он не подозревает. Под видом тренировок соберу севернее посада все свои силы.

— А что у тебя есть?

— У меня сотня телохранителей, Тайная стража, триста бойцов Поместной стражи, двести ополченцев из элаитов. Но самое главное, Старшая дружина!

— А Железное войско?

— Всесвет Булатов за мной не пойдёт, ему я не доверяю. Завтра я отправлю Железное войско в тренировочный поход за два дневных перехода к югу от Миргорода. Пока они отсутствуют, всё уже случится.

— Старшей дружине тоже нельзя доверять, — уверенно произнесла Агата.

— Почему ты так думаешь? Бойцы Старшей дружины заверяли меня, что выполнят любой приказ. Пойдут со мной против любого врага.

— Против любого иноземного врага. С Видогостом они ради тебя воевать не станут.

— Откуда тебе знать?

— Ласточка на крыльях принесла, — улыбнулась Агата. — В свите у Мирины полно жён дружинников. Они много чего рассказывают. Вся Старшая дружина возмущена, что ты над ними Петра Родникова поставил. Его они слушаться не станут. Наоборот, многие Видогоста хвалят.

— Хм... Очень хорошо, что ты сказала. Умничка моя, — Деян поцеловал Агату. — Тогда я их тоже в поле отправлю, пусть тренируются. Я выступаю в полдень, а они пусть на два часа раньше уходят.

— Ну, дальше что?

— А дальше я с верными ратниками быстро подхожу к резиденции Видогоста и арестовываю его. У него обычно не больше полусотни охраны там есть, к тому же ворота всегда открыты.

— Думаешь, всё получится?

— Не сомневайся, любимая. А теперь слушай внимательно. В означенный день ты под любым предлогом уйдёшь из резиденции Видогоста на Западную пристань.

— Зачем?

— Там будет стоять ладья под знаменем моего Дома. Парус будет выкрашен зелёными полосами, этим она отличается от остальных моих кораблей. Команда будет предупреждена, тебя встретят. Если всё пройдёт удачно, то к вечеру проводят обратно. Если я проиграю бой, то приду туда и мы с тобой вместе уплывём в верховья реки Лумы.

— В Хладоручье?

— Да. Укроемся у Клыковых в Камнеграде и будем ждать помощи от Всеслава. Я эту возможность ещё с его отцом проговаривал. Всеслав в курсе. Не бойся, мы в любом случае будем вместе, я не подведу тебя!

Деян обнял Агату и крепко прижал к своей груди, давая понять, что не даст её в обиду. Греясь в его сильных руках она заглянула в потаённый уголок своей души. Туда, куда почти девять месяцев назад спрятала свою любовь к Андрею Зотову. И с тех пор старалась этот уголок не тревожить, чтобы не отравить себя болью горькой обиды. Но заглянув туда сейчас, она осознала, что не чувствует к нему любви, которая так долго жгла её сердце томящим огнём. Теперь её сердце бьётся чаще при мысли о другом мужчине. Впервые Агата поняла, что отвечая на поцелуи и ласки Деяна, пуская его в себя, она испытывает к нему самые тёплые чувства. В отличие от их первых свиданий нисколько не лукавя, когда произносит слова любви. К тому же сейчас она ещё носит его ребёнка. Мысль об этом была несказанно сладка. Агата решила немедленно рассказать Деяну о своём положении. Но готовые слететь с её уст слова признания, были остановлены поцелуем его губ.

Свет луны и звёзд освещал дорожку между домами. Воздух пах весенней свежестью, по обочинам сочно зеленела во тьме свежая трава. Видогост не обманул их, в этом конце города стражников не было. Их было четверо, Гирявый шёл впереди. Следом за ним вышагивали Гнусавый и Мрак. Невзор замыкал цепочку. Впервые Гирявый разрешил ему пойти на дело. До этого Невзор только стоял на стрёме, пока Гирявый со своими лихими ребятами грабил одинокие купеческие ладьи в низовьях реки Сувы.

Невзор снял с пояса топор и потряс им в руке. Прикоснулся к ножнам с кинжалом. От предвкушения дела кровь забегала по жилам быстрее. Добычей был Войтек Медовик, прозванный так за то, что торговал в основном воском и мёдом. Ограбить и убить купца прямо в предельном городе, о таком деле Невзор и не мечтал. Но Гирявый взял его, значит доверяет. Главное, не проявлять жалости и не забыть выкрикнуть «за Единого бога» и «слава Деяну». Когда Невзор спросил, зачем нужно такое кричать, Гирявый велел ему меньше думать. Мало ли зачем это нужно? «Купчишек убьём, теремок ограбим, а Видогост нам ещё и денег даст», — сказал Гирявый, весело покрутив плешивой головой. Так главарь банды делал каждый раз, когда чуял лёгкую добычу. Купец не из самых крупных, охраны с ним не будет. Несколько его бойцов сторожат ладью с припасами на городской пристани. Неясно

лишь чем так насолил купец наследнику Миргорода, что он решил напустить на него лихих людей.

Невзора подсадили и он с лёгкостью перемахнул через забор. Сторожевой пёс, огромная лохматая тень которого бросилась на него из темноты, был убит на месте ударом топора по башке. Невзор застыл на месте, напряжённо вглядываясь во тьму, готовый рубануть с плеча любую животину, которая посмеет на него броситься. Но пёс был один. С улицы в ворота тихо, но настойчиво постучали. Раздался голос Гириявого:

— Невзор, ты там окошел что ли? Давай открывай, шило тебе в пердак!

Невзор приоткрыл ворота и тени Гириявого, Мрака и Гнусавого прошмыгнули внутрь двора. Молодой разбойник последовал за ними. Купеческий прислужник заподозрил неладное и решил выйти на крыльцо, чтобы посмотреть что да как. Гириявый и Гнусавый зарезали его своими кинжалами. Теперь можно было не скрываться.

— За Единого бога!

— Слава Деяну!!!

Невзор перешагнул через труп юноши, чтобы первым ворваться в купеческие хоромы. Но Мрак одёрнул молодого за рукав, не дав ему ступить и пары шагов.

— Куда вперёд меня прёшь?

Невзор был вынужден уступить дорогу. Мрак был в банде намного дольше и имел право приказывать юнцам. Надменно улыбаясь, лиходей пошёл вперёд. Это и стоило ему жизни. Мрак не заметил как на его пути вырос хозяин дома с коротким мечом в руках. Мощным ударом Войтек Медовик отрубил ему руку и вогнал сталь в грудную клетку. Правда вытащить для нового удара не успел, Невзор зарубил купца топором.

— Хээээ... Молодец, мелкий, шустро ты его! — сказал Гириявый, прыгая вперёд через трупы купца и Мрака.

В комнате, куда они ворвались раздался истошный женский вопль. Кричала супруга убитого купца. Но кинжал Гириявого отправил её к мужу. Их дочь попыталась убежать, когда Гнусавый подсёк девушку и она повалилась под ноги Невзору.

— Невзор, прибей её!

Юный душегуб осмотрел девицу хищными глазами. Она была хороша собой, стройна и привлекательна. Напомнила ему Тамару, надменно отвергшую его ухаживания незадолго до отплытия в Миргород. «Удиви меня подарком... Серьгами!» — со смехом бросила она молодому лиходею. Тогда он решил, что ради её ласки обязательно раздобудет серьги. А вот они, кстати, украшают ушки онемевшей от страха купеческой дочки. Вполне сойдут! Да и привлекательностью она Тамаре ничем не уступает, даже будет посвежее его знакомой беспутницы. Невзор отложил топор в сторону, содрал с девушки юбку и срезал кинжалом остальную одежду. Обнажённое тело девицы вызвало возбуждение. Он начал оголяться сам, когда с улицы донеслись крики. Гириявый, набивавший купеческими монетами карманы, весьма болезненно пнул Невзора в бок.

— Ты чего удумал, похабник мерзкий? Времени нет! Прибей её, я тебе сказал!

Невзор разочарованно замялся на какое-то время, затем с досадой натянул штаны. Закрыв ладонью рот попытавшейся закричать девушке и взмахнул кинжалом. Она попробовала остановить его своими руками, но заточенная сталь прорезала до костей мягкие пальцы и рассекла горло. Брызнувшая во все стороны кровь окропила одежду Невзора. С улицы усиливались крики потревоженных горожан. Пора было уносить ноги. Хорошо хоть догадался ворота запереть.

Невзор поглядел на тело убитой им красотки. Снасильничать девицу не удалось, но из её смерти он извлечёт для себя пользу. Юный разбойник наклонился к покойнице и двумя движениями срезал серьги вместе с кончиками ушей. Потом отмоев их и подарит Тамаре. Пусть она только попробует после такого подарка не уединиться с ним на ночь! Прирежет так же как дочку купеческую, рука не дрогнет. Разбойники выскочили из теремка и, обойдя его кругом, побежали прочь.

— За Единого бога!

— Слава Деяну!!!

Лодка была там, где они её оставили, в зарослях камыша на берегу реки Лумы к северу от Миргорода. Запыхавшиеся разбойники повалились наземь, пытаясь отдышаться. Гнусавый дёрнул Гирявого за рукав. Голос его звучал встревоженно. Таким его Невзор ещё не видел.

— Говорю тебе, уходить надо!

— Куда уходить? Нам Видогост ещё не заплатил.

— Я чувствую, что западня здесь какая-то. С чего бы князю платить таким людям как мы?

— Да мало ли чем себя знать развлекает! Всё ведь было как он сказал. Стража попряталась, охрана у купца ушла. Обожди немного.

— Мало ли мы что ли денег взяли за такое дело кровавое?

— Взяти предостаточно. И ещё Видогост нам заплатит. Боги любят нас! Если тебе не нравится ждать, можешь свою долю мне отдать.

— Любят... А ты, малой, что думаешь, — обратился Гнусавый к Невзору, — надо нам Видогоста ждать?

— Я... О... Гы... — Невзор не ожидал, что его мнение кому-то может быть интересно. — Золото и серебро хорошо. Ну... А много золота и серебра ещё лучше! Э...

— Да чтобы вас! — Гнусавый плюнул и грязно выругался. — Ладно, подождём...

Через какое-то время издали послышался топот десятков копыт. Вскоре разбойники были окружены и прижаты к воде группой всадников в тяжёлых доспехах. В руках у некоторых из них были факелы. Их предводитель выехал вперёд.

— Хэээ... Видогост, — Гирявый настороженно улыбнулся. — Ну мы тут того... Всё как ты приказал!

Невзор попятился назад, но наткнулся спиной на щит княжеского пехотинца, по щиколотку стоявшего сапогами в речной воде. Бежать было некуда, разбойники оказались в кольце. Предводитель ратников, которого Гирявый назвал Видогостом, снял шлем и посмотрел на окружённую троицу.

— Да какой приказ? Ты мне хорошую службу сослужил, — в руках Видогоста появилась набитая деньгами монетница. — А за службу платить принято.

— Это да, это да, — радостно закивал плешивой головой Гирявый.

— Вас вроде четверо было?

— Мрак у купца в гостях остался... Навсегда.

— Вон оно что! Ну так даже лучше, вам больше добра достанется.

Донёсся топот, подъехала ещё группа конных стражников и латников. Они тащили на верёвках нескольких человек. Офицер обратился к Видогосту:

— Князь, мы их схватили! Пытались удрать, но не вышло.

Видогост указал рукой на Гирявого, Гнусавого и Невзора.

— Этих тоже вяжите. И языки всем выдрать, чтобы не трепались!

Солнце жарко припекало. Деян Булатов поправил шлем и оглядел сквозь прорези личины своих людей, шестьсот пятьдесят бойцов. Все собрались вовремя. Пётр Родников, пристав Тайной стражи был рядом с князем. Вчера утром Железное войско покинуло Миргород, уйдя по приказу предельного князя в тренировочный поход. Два часа назад бойцы Старшей дружины также вышли из казарм и уехали в поле. Всё шло по задуманному.

Кругом суетились мальчишки, тявкали бегавшие рядом с ними дворовые шавки. Жители окраин посада озадаченно наблюдали за своим князем и собравшимися вокруг него воинами. После случившихся этой ночью страшных убийств горожане были напуганы. Плохо было то, что неизвестные разбойники убили трёх купцов, которые не стесняясь высказывали своё неодобрение Деяну Булатову. Князь потребовал объяснений от Игоря Сурина, исправника Поместной стражи. Но тот ответил, что все бандиты ушли. Времени разбираться уже не было, сейчас нужно арестовать Видогоста. С разбойниками можно разобраться позже. Деян дал команду, его бойцы подняли щиты и копья. Пора! Отсюда прямая дорога до городской площади и логова его дяди. Предельный князь вспомнил о своей возлюбленной. Агата умная девушка, наверняка она уже в ладье на пристани. Ждёт, когда её победоносный любовник даст знать, что опасность миновала. Вперёд!

Слух пошёл с невероятной быстротой. Небывалое доселе дело. На городской площади прямо у стен резиденции Видогоста Булатова купцы выставили свои товары. По смешным ценам они вдруг решили распродать свежее мясо, рыбу, мёд и отменного качества ткани. Народ стекался со всего города. Купцы не торговались. За таким делом горожане даже позабыли, о случившихся ночью ужасах. И почти никто не обратил внимания, что ворота резиденции Видогоста наглухо закрыты. Охранники в полном вооружении пристально следили за улицей и площадью сквозь бойницы.

С нижнего конца улицы показались ряды вооружённых ратников, во главе которых на коне ехал юный предельный князь. Над воинами развевалось знамя Дома Булатовых — чёрный глаз в золотом круге на красном поле. Горожане, увлечённые покупками, не сразу заметили это воинство. Зато охранники Видогоста немедленно приготовились к бою. Увидев запертые ворота резиденции, Деян Булатов обратился к приставу Тайной стражи:

— Молодец, Пётр! Хорошо, что посоветовал таран взять и лестницы.

— Конечно, князь! В бою нужно всё предусматривать.

Воины Деяна приблизились к воротам, вынося вперёд массивное бревно с железным набалдашником. Горожане стали отходить в сторону и в недоумении переглядываться друг с другом. «Слава предельному князю!» — крикнули бойцы. Но в этот момент на них со стен резиденции полетели стрелы. Упали первые убитые и раненые. Остальные подняли щиты и под их прикрытием начали ломать ворота. Часть бойцов приставила к стенам лестницы и полезла вверх.

Деян наблюдал за действиями своих людей и охранников дяди. Телохранители сработали гладко, никакой суеты или испуга. Одни пускали стрелы, другие бросали камни, третьи с копьями в руках уже кололи заседавших воинов юного князя. Один боец, появившийся между зубцов деревянной стены не делал ничего. Деян узнал его мгновенно. Видогост был в кольчуге и шлеме, когда только успел облачиться? Дядя сложил ладони у рта и, перекрывая шум побоища, над площадью раскатами прогремел его могучий голос:

— Люди Миргорода! Что же творится такое незаконное?! Мою жену и детей хотят убить среди бела дня!!! Спасите моих детей, не оставляйте на погибель жуткую!!!

Деян повернул коня боком и глядя на стену, помахал Видогосту сталью обнажённого меча.

— Сдавайся, дядя! Никого я убивать не буду. Я здесь не ради кровопролития.

Толпа горожан, с ужасом отпрянувшая к окраинам площади понемногу приходила в себя. Раздались ободряющие Видогоста выкрики. Многие мужчины схватили камни и стали метать их в воинов Деяна. Один из верных предельному князю поместных стражников пошатнулся и упал на землю, когда увесистый булыжник стукнулся о его железную шапку. Несколько лучников натянули тетивы, чтобы припугнуть толпу, но Деян запретил им стрелять. Тем временем Видогост продолжал громогласно молить о помощи.

— О себе не страшусь! Не дайте жене и детям пасть смертью лютой!!!

Медленно, но верно бойцы молодого предельного князя пробивали оборону охранников Видогоста. Уже многие из них были убиты и ранены. Понесли потери и воины Деяна. Не сомнений в близкой победе не было, ворота уже начали поддаваться. Кое-где стены были осёдланы взобравшимися по приставным лестницам бойцами, на них всюю шла жестокая рукопашная. Деян с удовлетворением отметил, что Видогост перестал взывать о помощи, в руках его появился меч. Скоро всё будет кончено.

В этот момент открылись ворота его собственной резиденции. Колонной по двое из них потекли пешие бойцы Старшей дружины в полном вооружении. Пётр Родников обратил на это внимание молодого князя. Около четырёх сотен старших дружинников быстро развернулись в пеший порядок, выставили из-за щитов копья и пошли на отряд Деяна. Это была полная неожиданность. Дружинники словно ждали подходящего момента, чтобы вступить в бой. Князь приказал разворачиваться в их сторону и сомкнуть ряды. Положение резко изменилось. Горожане восторженными возгласами приветствовали появление бойцов Старшей дружины.

Линии противников сошлись, закипела жестокая драка. Бойцы Деяна были вынуждены бросить таран и оставить стены резиденции, чтобы усилить свои шеренги. Охранники Видогоста били их из луков в спины. Превосходно обученные всем видам боя старшие дружинники стали перемалывать разнородную массу сторонников юного предельного князя. Число убитых и раненных неуклонно возрастало. Деян понял, что нужно отступить. Его ратникам не сладить с закованными в сталь бойцами, чьи железные личины грозно сверкали в лучах весеннего солнца.

— Отходим вниз по улице! — крикнул Деян.

Его люди начали организованно пятиться назад, когда князь заметил, что навстречу им поднимаются воины Поместной стражи. Их было около тысячи, вёл их исправник Игорь Сурин. Сейчас их зажмут с двух сторон и истребят. Деян выкрикнул необходимые команды. Всё же выучки его отряда хватило, чтобы не ломая рядов уйти из-под удара и, вдоль стен княжеской резиденции начать отступление на соседнюю улицу.

Из свалки боя вынырнул пристав Тайной стражи Пётр Родников. С лица офицера ручьями катились крупные капли пота, меч был окровавлен, а щит с серебряной звездой Державного Дома сильно посечён. Стараясь перекричать шум драки, пристав схватил юного князя за поножи и потянул на себя, Деян наклонился с коня ближе.

— Деян, бой проигран! Уводи отряд! Мои бойцы тебя прикроют. Ты должен спастись! — впервые за всё время их знакомства он обратился к князю на «ты». — И слезь с

коня, ты на нём главная мишень.

Словно в доказательство его слов рядом с Деяном просвистела стрела. Он спешился.

— Спасибо, Пётр! За всё спасибо!!!

Пристав толкнул князя в сторону соседней улицы.

— Быстрее уноси ноги! Им трёх минут хватит, чтобы меня раздавить.

Тайная стража и до полусотни ополченцев и поместных стражников во главе с Петром Родниковым бросились на соединённые силы верных Видогосту бойцов. Деян с остатками своего отряда кинулся бежать. Когда они вышли за поворот, перед ними оказалась большая дружина ратников в отлично справленных доспехах. Над стройными рядами бойцов развевалось красное солнце на зелёном поле — знамя храма Агуна и Кесы. Они здесь откуда?! Но размышлять было некогда, храмовые лучники выпустили по отряду Деяна стрелы. Прикрыться щитами успели не все. Второй залп покалечил и убил ещё несколько человек. После чего храмовые дружинники пошли в рукопашную. Деян с двумя телохранителями успел бежать.

Горожане уже знали, что на площади между резиденциями случился большой бой. Когда Деян с охранниками пробирались к пристани, люди с ужасом шарахались от них в разные стороны. Теперь оставалось лишь бежать в Хладоручье, чтобы там просить убежища у Ростиха Клыкова. И там ожидать, когда Всеслав Строгов сможет помочь своему подданному вернуть трон. Похоже, что Деян упустил его надолго. Но сможет ли Всеслав помочь такому горюне? Лесьяр Строгов был великим политиком и полководцем, а его сын? Деян с горечью вспомнил отца. Благослав Булатов не знал себе равных, а его сын бездарно лишился законного княжения, проиграв в общем-то небольшую стычку. Остаётся надеяться лишь на то, что Агата сумела бежать и уже ждёт его на борту ладьи.

Но Агаты на пристани не оказалось. Вместо команды из верных людей около ладьи толпились бойцы Поместной стражи во главе с одним из офицеров личной дружины Видогоста. Пара лучников мгновенно извлекла из колчанов стрелы. Сопровождавшие Деяна телохранители были убиты. Юный князь приготовился к смерти. Но лучники не спешили извлекать новые стрелы. Офицер Видогоста заулыбался.

— Деян, сдавайся! Ты проиграл. Взять его живым!

Несколько пеших стражников извлекли сабли. Деян смекнул что к чему.

— А... Значит меня убивать не велено? Ну что, налетайте кому жить надоело!

Один из стражников, видимо десятник, уверенно шагнул вперёд. Слишком уверенно, через мгновение, тяжело раненный в руку, он отпрянул назад, за спины своих товарищей. Остальные решили нападать вместе. Деян собрал в кулак все свои силы и злость. Пусть он ничего не смыслит в кознях, и проиграл дяде схватку за власть, но никому не одолеть его в рукопашном бою!

Князь был одет в кольчугу и пластинчатый доспех, это делало его менее юрким, чем стражники, но намного лучше защищённым. Прикрываясь щитом Деян убил одного из врагов. Его нагрудник несколько раз поцарапали удары сабель, но князь не сдавался. Лицо другого бойца обезобразила жуткая рубленая рана, ещё одним меньше. Стражник с копьём согнулся пополам, получив колющий удар меча в брюхо. Упал на доски пристани, заливая их кровью и закричал. Смертельная рана, ему не выжить. Но Деян не заметил как два бойца бросились на его щит и пригнули его к земле. Пока он не успел высвободиться, на юного князя навалились ещё трое. Деян лишь изловчился и порезал одному из них ногу.

Юного князя прижали к доскам пристани и обезоружили, отобрав щит и меч. Стащили с

головы шлем. Подбежали другие стражники, не осмелившиеся до того вступить в бой. С Деяна срезали нагрудник и другие доспехи, стащили кольчугу.

— Может убивать тебя и нельзя, а вот отдубасить никто не запрещал!

На Деяна посыпался град ударов. Били ногами и кулаками по лицу, животу, бокам.

— Не запрещали, верно, — послышался голос офицера из охраны Видогоста, — я даже наоборот, разрешаю!

— Давай, князь, забирайся наверх! Твоё время пришло.

Игорь Сурин, исправник Поместной стражи, зло ухмыляясь, указал Деяну на помост. Его скотили очень быстро и поставили на нём новенькую плаху. Сооружение приятно пахло свежими досками. Ещё ни одна капля крови не пролилась там. Всё впереди. Деян не шевелился.

— Ну, чего ждёшь? Если надо, мои бойцы тебя на руках втащат. Хочешь позориться перед всем городом?

— Иди, князь, коли так надобно, — избитый и связанный Пётр Родников с трудом ворочал языком. — Тебе вряд ли что-то сделают...

Деян, хромя, поднялся на помост, где стражник развязал ему руки. Видогост уже ждал его наверху. Заплывшие от синяков глаза на какое-то время ослепли от яркого утреннего солнца. Затем взгляд выхватил небывалое зрелище. Казалось, что весь Миргород собрался сегодня на площади. Огромная масса горожан всех возрастов запрудила пространство между двумя резиденциями, подступая прямо к помосту с плахой. Сдерживала их только двойная линия копейщиков Железного войска в полном вооружении. От этой людской лужи тянулись ручьи на соседние улицы. Похоже, готовится небывалое зрелище. Дядя Видогост решил широко осветить свою победу, наглядно предьявив её результат всему городу. А заодно показать, что будет с теми, кто осмелится бросить ему вызов.

У подножия плахи стояли связанные люди. Два десятка из тех, кто пошёл за Деяном в бой, но проиграл по его вине. Были ещё какие-то разбойного вида люди с отрезанными языками. Солнце поднялось выше, Видогост решил, что можно начинать.

Видогост подошёл к краю помоста и высоко поднял правую руку, словно стараясь достать ладонью заползавшее на небо солнце. Постепенно толпа умолкла и над площадью воцарилось напряжённое безмолвие.

— Миргород! Люди!!! Я всегда верно служил своему брату, почтенному предельному князю Благославу. Я исполнял все приказы его сына, моего племянника Деяна. Но все вы также знаете, — Видогост обвёл дланью толпу горожан, — что я всегда был крепок в благой вере и всегда защищал простых жителей Крайнестьочья.

Толпа одобрительно загудела. Младшего брата Благослава любили всегда. Деян даже не мог понять за что. Возможно, потому что он очень напоминал своего брата внешне, манерой разговора и характером. Твёрдый взрослый муж, отец шестерых детей, участник множества схваток с кочевниками. А он, Деян? Юный князь опустил глаза вниз и тяжело вздохнул. Видогост продолжал.

— Но то, что я был твёрд в почитании старых богов, некоторым не давало спокойно жить! Я не хотел предавать веру предков и этим вызвал озлобленность элаитов. Деян, мой племянник, сын моего любимого брата, сговорившись с единобожниками, замыслил убить мою жену и детей. Замыслил убить меня!

Толпа взорвалась возмущением. На помост поднялся Всесвет Булатов, князь-воевода Железного войска. Никто не заметил, как он обменялся лёгкими кивками с Видогостом. Всесвет поднял руку, призывая чернь к тишине. Постепенно улица угомонилась, желая услышать ещё одного представителя Дома Булатовых. Князь-воевода с ненавистью посмотрел на Деяна и заговорил.

— Я тренирую Железное войско. Я делаю это очень хорошо. Любой враг Рустовесской земли может испытать мастерство моих ратников на своей собственной шкуре! Так же я и мои пехотинцы защищаем благоверие. Именно поэтому наш предельный князь, владыка Миргорода Деян, отправил меня в ненужный поход. Чтобы я и мои воины не могли помешать замышленному им беззаконию. Теперь я понимаю зачем!

Видогост махнул своим подчинённым. На плаху поднялся палач, держа в руках остро заточенный топор. Деян поглядел на изогнутое лезвие и ему стало не по себе. Вновь вспомнилось проклятие казнённого по его приказу уговорщика, посулившего молодому князю скорую гибель.

Первыми вывели людей с отрезанными языками. Видогост указал на них пальцем.

— Вот эти душегубы, которые убили моих друзей из купеческого сословия. За то, что в открытую, не таясь высказывали мне одобрение. И не просто убили, а вырезали всех их домашних вместе с прислужниками.

«Казнь, казнь, казнь!» — выкрикивала толпа горожан. Когда головы первых разбойников скатились с плахи, люди разразились одобрительными возгласами. Стражники вытолкали на помост ещё троих. У одного была на голове огромная плешь, второй имел необыкновенно отвратительную рожу, а третий, самый молодой, летами уступал, похоже даже Деяну. Как говорили, это именно они разграбили теремок Войтека Медовика, убив помимо самого купца ещё его жену и дочь. Деян недолюбливал Войтека за его открытые разговоры о том, что Миргородом должен править Видогост. Но он никогда не желал купцу такой ужасной смерти. А тем более его жене и дочери. Зачем же эти лиходеи сотворили такое? Как им не помешала стража? Леденящая кровь догадка озарила разум Деяна. Видогост сам натравил разбойников на своего союзника, чтобы обвинить в этом предельного князя. Потому у всех негодаев отрезаны языки. Чтобы не проговорились о том, чего знают. На какое ещё преступление способен его дядя ради достижения власти?

Когда отсекли голову разбойнику с гнусной рожой, настала очередь плешивого. Но тот не спешил подставлять шею под топор. Сплюнул розоватую слюну под ноги Видогоста и шагнул ему навстречу. Непонятно, что разбойник хотел сделать. Выскочивший из-за спины князя стражник с размаха ударил плешивого по лицу кулаком и тот пошатнулся. Злодея немедленно поставили на колени. Два удара топора отсекли его голову от тела.

Настала очередь молодого. Он в ужасе посмотрел на Видогоста, затем на толпу горожан и Деян понял по его глазам, что лиходей на что-то решился. Молодой разбойник махнул связанными руками в сторону площади и затем его указательный палец укоряюще затрясся, направленный на Видогоста. Над толпой клочками полетели возгласы безъязыкого молодца.

— Эа ох! Ох ас аял уихь упькха!!! Ох!!!

«О чём он, о чём?» — зашептались между собой горожане. Но дядя предельного князя не растерялся.

— Люди Миргорода! Видите, разбойник признаёт перед смертью, что хотел убить меня!!! Он указывает на меня, значит и мне была уготована смерть как и горемычным купцам.

Горожане с готовностью приняли услышанное. Видогост толкнул немого обвинителя в сторону плахи и через мгновение юный лиходей был казнён. За ним последовали взятые в плен бойцы Тайной стражи и выступившие за Деяна офицеры Поместной стражи.

— Прости меня, князь, — сказал Пётр Родников, когда настал его черёд. — Прости, что не смог привести тебя к победе.

— И ты прости меня, — ответил ему Деян. — Ты был мне близок как брат.

Три удара топора, и покотившаяся по доскам голова Петра Родникова, ознаменовала уход пристава Тайной стражи в мир покойников. Все приближённые Деяну люди были казнены. Он остался один. Что теперь будет делать Видогост со своим племянником, неужто решится казнить его? Такого в истории Рустовесского государства ещё не бывало. По крайней мере, Деян таких случаев не знал. Всякое, конечно, бывало. Чтобы пробиться к власти, наследники травили князей на пирах, подсылали убийц или убивали их в битве, когда поднимали бунты. Но чтобы казнить предельного князя как разбойника или мятежника? Видогост вновь обратился к горожанам.

— Миргород, люди!!! Коварным элаитам хочется искоренить древнюю веру из наших земель. Моего любимого племянника сманил на сторону злостного Хлада вероотступник Лесьяр Строгов. Строговы уже много лет грабят Крайнесточье несправедливыми поборами. Они грабят вас! Лесьяра Строгова боги покарали за то, что он бросил им вызов. Зарвавшиеся элаиты, ведомые Деяном, не думали остановиться на моём убийстве. Они хотели разграбить и испепелить весь Миргород! Я же клянусь защищать вашу веру, ваши семьи и ваш достаток.

Бесстыжее дядино враньё вызвало в груди Деяна нарастающую бурю негодования. Он решил не отмалчиваться, а в открытую обвинить того во лжи. Деян поднял глаза с окровавленных досок помоста и обвёл взглядом толпу горожан, собираясь с мыслями. Впервые за всё время своего стояния у плахи, он оглянулся назад, на стены своей резиденции.

По пояс возвышаясь над бойницами, там стояла Мирина Булатова, жена Видогоста. Видимо, для неё соорудили специальную подставку, чтобы она могла видеть всю площадь и плаху как на ладони. Рядом с ней стояли её дети — девятилетний Игнат, семилетние близнецы Павел и Стоум, а также шестилетняя Лайна. Харитон и Софья, как самые младшие, по всей видимости, были с няньками. Рядом с Мириной, по левую руку, стояла девушка с необыкновенно стройной фигурой и заплетёнными в две небольшие косы каштановыми волосами. Внезапно залитые кровью доски поплыли из-под ног Деяна. Рядом с женой его дяди спокойно стояла Агата Лоскутова.

Деян был уверен, что его возлюбленная мертва. Задушена или зарезана. Возможно, её пытали, чтобы узнать про их отношения. Но Агата стояла рядом с Мириной, будто её подруга. Не на шаг позади, как полагалось девушкам свиты, а именно рядом. Как такое возможно?!

Очень просто. Рухнувший мир разбился на тысячи тысяч осколков, а потом мгновенно собрался воедино. Но получившееся, никак не соответствовало тому, что думал себе Деян последние полгода. Он зря благодарил богов за посланную ему обоюдную любовь красивой девушки Крайнесточья. Обнажённая красавица на его ложе была не тем, чем ему всегда мнилось. Она не была частью окружавшего могучего предельного князя заслуженного величия. Подарком, которым боги украсили великого мужа, обладающего умом, землями, войском и славой. Её страстная ласка была тёмной тропинкой по которой вздумал гулять простодушный глупый юнец, возомнивший о себе не весть что. И его

откровенность с любовницей, которая всё это время служила его врагу, привела Деяна сюда. К полному краху его никчёмной власти. Именно его собственная глупость поставила его на залитый кровью помост, заваленный головами его верных слуг. Деян лишь приоткрыл рот, не в силах уже произнести ни слова. Князь почувствовал, что где-то рядом с ним сейчас находится Мора, приковывающая к себе взгляд умирающих мужчин. И впервые в жизни подумал, что заслужил встречи с ней.

Тем временем, взбудораженная речами Видогоста толпа бушевала, требуя войны с Древгородом. Дядя вновь поднял в небо руку, требуя её внимания. Постепенно горожане угомонились.

— Миргород, люди!!! Я как наследник Деяна не могу осудить его на смерть. Больше того. Из любви к своему покойному брату, предельному князю Благославу, я прошу вас помиловать его нерадивого сына. Пусть катится в Древгород, к своим любимым Строговым.

Горожане в нерешительности замерли. Капризное настроение толпы зависло между воинственной жестокостью и жалостью. Но сторонники Видогоста твёрдо помнили наказ своего господина. С разных концов площади донеслись отдельные крики: «Казнить! Война!» Миг спустя площадь взорвалась яростными требованиями расправы.

Палачу подали новенький топор. Его блестящее искривлённое лезвие было наточено так остро, что могло использоваться для бритья. Предельный князь безвольно положил шею на плаху. Агата Лоскутова в ужасе зарыдала. Мирина успокаивающе обняла девушку как родную сестру. Но Деян не увидел слёз своей любовницы. Сверкнувший на ярком весеннем солнце топор поставил в жизни юного предельного князя кровавую точку.

Глава 3 Законные притязания

Вдоль стен резиденции владыки Старогуля и предельного князя Суломатья выстроились ровными рядами ратники. Поместная стража, Железное войско и Старшая дружина. Над воинами трепетали знамёна Дома Озеровых. С левой стороны от ворот, прямо напротив пеших бойцов Старшей дружины, возвышался на коне Селиван, новый мудрейший храма Юма и Живы. На эту сцену смотрели сотни самых знатных и богатых горожан Старогуля. За их спинами собрались тысячи простых жителей предельного города.

Над городом поплыл доносившийся со стен резиденции гул боевых рогов. Резко затрещали полтора десятка барабанов. Горожане замерли, некоторые от любопытства разинули рты. Ворота княжеской резиденции отворились и в них показался сидящий на коне Чернек Озеров. Предельный князь подъехал к мудрейшему и спешился. Селиван сделал то же самое.

— Князь Суломатья, — провозгласил Селиван, — желаешь ли ты искренне открыть свои мысли пред взглядами людей и взорами богов?

— Желаю, — Чернек Озеров опустился перед мудрейшим на колени. — Пред подданными моими и благими богами хочу я просить прощения за то, что не поддержал мудрейшего Вейкко в святой войне против Строговых.

Горожане загудели, одобряя честность своего правителя. Селиван очертил над головой коленопреклонённого князя круговое благоосенение. Чернек Озеров поднялся.

— Клянусь не убирать меч свой в ножны, пока не одержу победу над Строговыми и всеми врагами благой веры. Пока не заставлю их всех признать законные притязания древних богов на главенство в земле Рустовесской!

Чернек отступил чуть в сторону, встав лицом к площади, и подал знак своим людям. В распахнутых воротах резиденции появились отроки, несшие в руках увесистые мешки с монетами. Юноши с почтением сложили деньги у ног мудрейшего Селивана.

— Из своей собственной казны, — произнёс Чернек, — я жертвую храму Юма и Живы тысячу золотых калист и четыре тысячи серебряных ул! На эти деньги мудрейший сможет восстановить Храмовую дружину.

Восхищению горожан щедростью своего князя не было границ.

— Также я предлагаю почтенному Селивану в любом насущном количестве брать оружие из моих арсеналов.

— Благодарю могучего князя за столь невероятное великодушие! Храм с радостью принимает Вашу помощь.

Чернек Озеров продолжал улыбаться и смотрел приветливо, но от него явственно потянуло угрозой. Едва заметно для всех остальных, князь приблизился к мудрейшему. Могло показаться, что он заключил главного хранителя благоверия в братские объятия. Жёстко и твёрдо, так что слышал лишь Селиван, Чернек процедил сквозь зубы:

— Вы что умыслили, мудрейший? Сговор был, что Вы откажетесь от моего оружия!

— Ох, — притворно опомнился Селиван, — я и забыл! Конечно же — мудрейший обратился к горожанам. — Храмовая дружина не так велика как силы князя. Так что нет необходимости нам лезть в предельные арсеналы. На пожертвованные деньги мы купим мечи и кольчуги у оружейников Старогуля.

Стоявшие промеж иных богатых горожан оружейники, заметно оживились. Мысль

мудрейшего пришло им по вкусу. Чернек с довольной улыбкой глянул на Селивана. Хитрец хотел под шумок и деньги у себя оставить, и оружие получить. За ним глаз да глаз нужен.

Тем временем на площадь вынесли столы и храмовые писцы, разложив на них бумагу и чернила, объявили исключительный набор в дружину. Все ратники храма Юма и Живы сложили свои головы в Орешкином овраге и на Михайловом лугу. Требовалось срочно собрать нужное число воинов. Но Чернек и об этом позаботился. Он заранее пустил слух о готовящемся действе. И сейчас к столу потянулись молодые люди, желающие служить под красным солнцем на жёлтом поле. Третьи и четвёртые сыновья Ратных и Малых домов, кому уж точно не светило отцовское наследство. Дети лесных охотников с готовностью записывались в лучники. Подходили даже простолюдины. Из всех них умелые офицеры и жестокие тренировки выкуют сильное войско.

— Для подготовки Храмовой дружины я предоставляю мудрейшему Селивану своих офицеров. Бойцы могут обучаться в казармах Поместной стражи.

— Благодарю Вас, князь.

Рядом выставили отдельный стол с большим посеребрённым блюдом. В него каждый благовер мог сложить монетку в качестве пожертвования храму на святую войну. Горожане, воодушевлённые примером своего князя, охотно откликнулись на предложение и рядом с очередью добровольцев, возникла цепочка желающих поделиться имевшимися накоплениями. С приятным позвякиванием в блюдо стали обильно падать медные резы, серебряные улы и даже золотые калисты.

— Эх, — немного раздосадованно произнёс Селиван. — Надо было три разных блюда выставить. Под каждую монету своё. А то теперь перебирать придётся.

— Не расстраивайтесь, мудрейший, — улыбнулся князь. — Не вам же их перебирать.

Чернек заметил подходящего к столу рослого парня со светлыми волосами. Князь без труда узнал его. Офицер его собственной Поместной стражи Егор Михайлов. Как он здесь оказался? Предельный князь знал, что бойцы его стражи, которых он подставил Вейкко в Орешкином овраге погибли либо там, либо на Михайловом лугу. Те, кто попал в плен были обезглавлены по приказу Лесьяра Строгова как изменники. Сопоставив известные сведения, Чернек Озеров легко понял что к чему. Еле сдерживая довольную ухмылку, предельный князь осторожно подошёл за спину писцу с которым разговаривал Егор.

Бывший пристав заметил его, но упёр взгляд в писаря, делая вид, что не обратил внимания, кто стоит за его спиной. Писарь по всей видимости был «знающим» — старшим учеником в школе мудрости храма. Не проявляя никакого особого интереса к Егору, он монотонным голосом задавал заученные вопросы.

— Из какого сословия?

— Из воинского. Малый Дом князей Михайловых.

— Наследник?

— Нет. Четвёртый сын.

— Какому виду боя обучен?

— Пешему и конному.

— Конному в тяжёлой броне или лёгкой?

— Лёгкой.

— Ты ведь знаешь, что Храмовой дружине никто не платит?

— Знаю.

— Ну куда тебя? Хм, — писарь задумался. — Давай в лёгкую конницу.

Старший ученик взял бумагу со списком имён тех, кого записали в лёгкую кавалерию. Потянулся кончиком пера к глиняной чернильнице. Но Чернек Озеров остановил его.

— А не хочет ли офицер моей Поместной стражи рассказать как он тут оказался и с чего вдруг решил стать храмовым дружинником?

— Князь, — Егор почтительно поклонился. — Я...

— Ты ведь бился в Орешкином овраге? — перебил Егора Чернек.

— Бился.

— И судя по всему, не погиб там.

— Нет. Меня...

— Взяли в плен?

— Да...

Вокруг столов, помимо тех, кто записывался в дружину, сгрудилось большое количество зевак, привлечённых перепалкой. Всем стало интересно, что же будет дальше. Предельный князь продолжал глумиться над своим бывшим офицером.

— Я слышал, что Вейкко казнил тайных стражников, а бойцов Поместной стражи призвал вступать в Благоую рать. И все вступили.

— Это так, князь.

— Стало быть и ты вступил?

— И я вступил, — Егор давно понял куда загоняют его вопросы владыки Старогуля.

— Но никто из Поместной стражи не пережил битвы на Михайловом лугу. Одни погибли в сражении, другие были казнены. А как тебе удалось выжить?

Егор сжал кулаки, чтобы сдержаться. Его лицо было бледным как волосы, а уши налились кровью. Их пунцовое сияние ещё ярче было заметно на фоне светлых волос и белой кожи.

— Я... Я не участвовал в битве, — еле слышно выдавил он.

Толпа взорвалась насмешками. Предельный князь торжествовал.

— То есть ты признаёшься нам всем, что предал мудрейшего Вейкко и дезертировал в тот самый миг, когда ему нужны были все его бойцы? Ты побоялся погибнуть в сече за веру своих предков! А теперь такой предатель как ты хочет вступить в храмовую дружину. Зачем, чтобы опять предать веру?

— Но ведь Вы тоже, князь, — гневно бросил Егор, перекрикивая толпу.

— Что я?

— Вы не оказали мудрейшему никакой помощи. Я слышал слова Вейкко. Он надеялся, что Вы приведёте свои войска и вольётесь в Благоую рать. Но не пришли в его лагерь. Вы виноваты в гибели мудрейшего намного больше, чем я!

— Что?! — взорвался Чернек. — Да как ты смеешь так говорить со мной, выблевок? За такие слова я прикажу скинуть тебя с городской стены.

Чернек подал знак и Егора немедленно окружили шестеро стражников. Никого из них он не знал. Все его сослуживцы погибли в овраге и на лугу. Лишь некоторые спаслись, но они поступили умнее, попрятавшись кто где. Один Егор захотел искупить свою вину службой в Храмовой дружине и по глупости приехал в Старогулье, когда услышал о наборе воинов.

— Скажи спасибо, что я не хочу кровавить руки в такой значительный день. Выкиньте его за ворота. Всем запомнить этого предателя! Знай, Егор Михайлов, если ещё раз явишься в мой город, то будешь казнён как преступник.

Под улюлюканье и свист горожан, стражники поволокли Егора к воротам.

Отмывшись в бане после тренировки, Лютогост направился в Ратный зал. Увидев брата, он остановился в дверях. Всеслав не заметил его появления. Он напряжённо разглядывал разложенный на столе чертёж Рустовесской державы. Заходил с одной стороны, потом с другой. На лице его плясали мрачные тени тяжёлых мыслей. Постояв немного в дверях, Лютогост шагнул в зал.

— В чём тягости, брат?

— Вот в этом, — в руке Всеслава оказались два свёрнутых листа бумаги со сломанными печатями, видимо письма. — Юрьевы и Озеровы ответили на моё к ним послание. В общем, надеюсь, что ты будешь хорошим воеводой. Войны не избежать, теперь уже точно.

— А что они там пишут?

— С большим нахальством требуют возвращения к благоверию, отмены всех приказов отца, роспуска Тайной и Рубежной стражи, снижения налогов в три раза и отмены права решающего голоса державного князя на Великом совете. А Озеровы ещё и денег с меня требуют, за погром в своих землях, который там якобы наш отец учинил.

— Уххх, — присвистнул Лютогост. — С чего же такое мордоплюйство?

— Предельные князья очень сильны. Они давно тяготились державной властью. Отец задумал как их приструнить, постепенно, без войны. У него бы получилось. Но теперь, когда он мёртв, те кто был им недоволен станут мне открытыми врагами. Теперь только война.

— Война мне по душе. Кто против нас, кто за нас?

— Озеровы и Юрьевы однозначно наши враги. Думаю, сейчас они попытаются сговориться.

— Булатовы?

— Дом Булатовых будет на нашей стороне, если Деян сможет победить. Он ведь должен летом жениться на Дарине.

— Да, она уже вовсю готовится к замужеству. Только об этом и думает.

— Хорошо бы мечты сестры сбылись. Войска её жениха нам нужны как воздух.

В двери зала постучали. Вошёл Степан Глазков, исправник Тайной стражи. Офицер почтительно наклонил голову. Всеслав сразу же перевёл внимание на него.

— Что поведаешь, Степан? Ты посылал верного человека к Ольге, купеческой вдове?

— Я лично к ней ходил, князь.

— Расспросил её?

— Не вышло, она тяжело больна.

— Не притворяется?

— Нет, я поднялся в её опочивальню, хоть её сын и пытался мне помешать. Но отступил, когда узнал кто я и по чьему приказу явился. В общем, это не лукавость. Она и правда очень тяжело больна. Сильный жар, головные боли, сердцебиение. Всё время шепчет, что должна умереть.

Всеслав задумчиво вздохнул.

— Да, похоже, что она приняла смерть отца ещё ближе, чем мы. Что же, это похоже на женщин. Ладно... Что с другими вопросами?

— От Тайной стражи в Белошумье и Удольчине никаких вестей.

— Чего и следовало ожидать. Как думаешь, они перебиты?

— За Трифона Кривина, пристава Тайной стражи в Белошумье я не переживаю. Хитрый и толковый офицер. Наверняка ушёл в Хладоручье. Мы так оговаривали.

— Да, я помню, ты говорил.

— Он даст знать в скором времени, найдёт способ. Насчёт Удольчина не могу быть так уверен.

— Хм... Подождём значит. А что думаешь насчёт пристава Тайной стражи в Миргороде, Петра Родникова? У меня он совсем доверия не вызывает. Суждения обстоятельные пишет, я их все читал. Но вот каков его замысел на случай прямой смуты в Крайносточье, совсем непонятно.

— Я предлагал Вашему отцу заменить его. Во время Великого совета он говорил с Деяном Булатовым насчёт этой возможности. Но молодой князь упросил его оставить. Вроде как доверяет ему и сильно привязался. Словом, не могу поручиться, что Родников сладит как нужно.

— Хорошо. Посмотрим что будет. Готовь Тайную стражу к серьёзным испытаниям. Война неизбежна.

Степан Глазков удалился прочь. Лютогост несколько раз обошёл стол, глядя на чертёж Рустовесской державы.

— Дела, дела, дела, — задумчиво повторил он. — Как быстро всё стало рушиться со смертью нашего отца.

— Всё только на нём и держалось.

— Если в Удольчине Тайную стражу перебили, значит Волковы тоже против нас?

— Пока не знаю. Олег Волков вообще на моё письмо не ответил. И Ростих Клыков тоже. Но за Клыковых я не беспокоюсь, они верны державному Дому. Хотя насчёт Волковых тоже есть надежда.

— Какая же? — поинтересовался Лютогост.

— Ну ты ведь женат на их дальней родственнице, — улыбнулся Всеслав.

— Да куда уж там, — отмахнулся Лютогост. — Каплины всего лишь боковая ветка Дома Волковых.

— Ну хоть какая-то надежда.

Братья засмеялись.

— Как думаешь, — спросил Лютогост, — Деян Булатов сможет одолеть своего дядю?

— Будем надеяться. Но не знаю. Деян хороший человек, но справится ли он? Видогост очень хитёр. К тому же наша сестра, Мирина умом в отца пошла. Уж она найдёт как мужу подсобить. Родников писал, что Деян себе любовницу завёл. Какая-то Агата Лоскутова. Если ему верить, редкой красоты девица.

— Ну... Не нам с тобой, брат, его за это винить, — Лютогост засмеялся.

— Плохого то ничего нет, если не только лишь о похоти размышлять.

— А Дарина знает?

— Ну сам подумай, зачем невесте про жениха такое рассказывать?

— Действительно, незачем. Как ты думаешь, у нашего отца был ещё кто-нибудь кроме этой купеческой вдовы?

— Не знаю. Вряд ли, не похоже. Он в отличие от тебя скрываться не умел.

— Да что я, — подмигнул брату Лютогост, — ты сам кого угодно поучить можешь! Отец ведь только про ту твою беззаконницу знал, ну как её? Которая из Приречного стана.

— Айра. Из Ратного Дома. Просто я с ней дольше всех был. Когда отец меня удумал

женить, то позвал к себе и спокойно объяснил, почему я должен с ней расстаться.

— И что, расстался?

— С ней, да. Её потом замуж за какого-то пожилого бойца из Младшей дружины выдали. Она сына родила, — Всеслав слегка задумался, — от меня. Больше я о ней не слышал. Эх, всё-таки отец умел шутить как никому не дано! Мне когда передали, что он из Хладоручья едет с Зимой, я не поверил. Думал, какая может быть зима в начале лета?! Только потом растолковали, что это наречённую мою Зимой зовут.

— А что, мне нравится! Как звучит, державный князь Рустовесского государства, что граничит с Великим ледником, не побоялся саму зиму в жёны взять! Да все враги в ужасе разбегутся. К тому же у тебя теперь и законный сын есть, наследник!

— Да, в этот раз всё хорошо прошло. Зима родила мне сына.

— Уже решил как назовёшь его?

— Пока нет — Всеслав шлёпнул ладонью по расстеленному на столе чертежу. — Какие могут быть заботы об именах, когда на нас государство вот-вот обрушится.

— Не переживай, мы победим. А имя сыну дай. Негоже воину безымянным ходить.

Охота удалась на славу. Прислужники жарили добытое пиками князей кабанье мясо, пока Чернек Озеров и Хотен Юрьев расселись на брёвнах под навесом. На небольшой походный стол им поставили пару кубков из «слёз Древних». Поодаль от князей расположились их телохранители. Заливались лаем взбудораженные охотничьи собаки.

— О, дорогая утварь, — сказал Хотен Юрьев, указав на кубки. — К чему такое великолепие?

— Ну уж точно не к пиву, — усмехнулся Чернек Озеров, подавая знак прислужнику.

Подошедший отрок поставил на стол перед князьями запечатанный глиняный кувшин. Чернек стукнул ногтем указательного пальца по гладкому боку сосуда и велел откупорить.

— Видел, что у меня есть? Из Южных стран, пойло тамошнее. Пробовал такое?

— Доводилось, — ответил Хотен. — Купцы как-то раз подносили.

— А я купил. Пятьдесят калист выложил.

— Дорогая вещь.

— Ещё бы. Купцы утверждают, что в тех землях его пьют так же как мы здесь мёд и пиво хлебаем. Говорят, разные породы этого напитка есть. Но это там, — Чернек махнул рукой в южном направлении, — в странах где снега никогда не бывает.

— Вот сколько раз я про такое слышал, но всё в толк взять не могу. Как возможно, что круглый год лето? И вообще снега нет.

Прислужник наполнил кубки алым напитком. Хотен Юрьев взял один из них в руку и, прищурив глаза, посмотрел сквозь стекло на гладь лесного озера, на берегу которого была их стоянка. Весеннее солнце разбилось в мутноватом вине на несколько искрящихся кристаллов.

— Красное, — сказал владыка Белошумья, — как знамение начатого нами благого дела. Как кровь наших врагов, которую мы прольём во славу Позара и Светлобы.

— Истинно так, — поддержал его Чернек Озеров, делая глоток. — Я рад, князь, что мы понимаем друг друга.

Через некоторое время на стол выставили жаренное мясо молодых кабанчиков. Проголодавшиеся князья принялись с аппетитом есть, запивая лакомство южным вином.

Когда вино было выпито, кубки наполнили мёдом. Наконец, мясо было съедено. Прихлёбывая мёд, Хотен Юрьев первым нарушил молчание.

— Охота удалась на славу, мясо было вкусным, за вино и мёд тебе большая благодарность. Но, как мы оба сразу поняли, наша встреча состоялась вовсе не для того, чтобы есть, пить и развлекаться. Обсудим главнейшее.

— Согласен, тянуть больше незачем. Как мы оба понимаем, со смертью нашего господина Лесьяра Строгова всё в Рустовесской земле изменилось. Его сын, Всеслав, не сможет удержать страну. Не говоря уже о том, чтобы выполнить безумные замыслы своего отца.

— Лесьяр Строгов был величайшим правителем, — подтвердил Хотен Юрьев. — Перед ним я преклонял колени без всякого стыда. Но его сын... Просто ничтожество. Помнишь Великий совет? Как он сидел там и безмолвно улыбался словно дурачок. И этому юнцу нам теперь клясться в верности? Ни за что!

— Ты прав, благие боги наказали Лесьяра за вероотступничество. Волею судьбы теперь мы защищаем Позара и Светлобу от Мроза и Килмы. А это означает войну.

— Всё так, — согласился Хотен. — Но выступление против державного князя, кем бы он ни был, это мятеж.

— Во все нет. Война против Лесьяра была бы мятежом. Ибо мы присягали ему. Но от клятв его сыну мы свободны. Значит война против Строговых сейчас это восстановление справедливости. Это наше законное право, но нам придётся отстоять его с оружием в руках.

— Ну... Рассуждая так, мы всего лишь играемся с законами и обычаями, — словно разговаривая сам с собой, произнёс Хотен Юрьев, — С другой стороны, мы всё равно должны пойти выбранным путём... Так что, когда выступаем в поход?

— Как только поля будут засеяны. Но для начала я хочу создать союз. Подумай, Хотен, мы два предельных князя из пяти подвластных Древогороду.

— И что? Мы можем победить Всеслава. Наших сил на это вполне хватит.

— Согласен, но нужно добиться такой победы, чтобы у Строговых больше никогда не возникало сомнений в том, что они всего лишь первые среди равных. А для этого мы соберём всех их врагов. Сделаем то, что не удалось мудрейшему Вейкко. Чтобы одно осознание, что против них всё Рустовесье, уже лишило Древогород желания сражаться. Нужна такая победа, которая будет одержана раз и навсегда.

— Толково излагаешь, я с тобой согласен. Так что будем делать?

— Я выберу острог в своей земле. И в нём мы проведём Совет всех предельных князей и мудрейших храмов Пресветлых богов.

— Ну всех не получится. Клыкеры точно будут горой за Строговых. Эти хитроумные псы всегда одобряли любое решение своих хозяев. Булатовы... Помнишь, Деяна? Да он едва Лесьяру и Всеславу в рот не заглядывал. Храм Благопроявлений вряд ли присоединится. Он пикнуть боится лишней раз.

— Истинно так, ты прав. Но всё равно мы позовём всех. Если Видогост сможет взять власть в Миргороде, то у него не будет выхода кроме как стать нашим союзником.

— А он сможет?

— При живом Лесьяре это было немыслимо. Но сейчас... Всеслав не сможет помешать Видогосту.

— Согласен.

— Олег Волков тоже дал добро на переход в другую веру только под давлением

державного князя. Все храмы наши союзники, сомнений нет. И что останется у Всеслава? Войско Строговых и сидящие в своём ледяном захолустье Клыкеры! Наша победа неизбежна.

— Всё правильно. Я поддерживаю твой замысел, Чернек.

— И так, считай, что ты уже приглашён. Теперь я вернусь в Старогулье и напишу письма всем остальным князьям и храмам.

— Я тоже напишу. Пусть видят, что ты не одинок в своих замыслах. Но куда их звать?

— Куда звать, — задумчиво повторил Чернек Озеров, глядя на рябь, прошедшую по поверхности озера. — В острог Вежинский, в моих землях.

Глава 4 Вежинское содружество

Походные слуги возились с ремешками и завязками на тяжёлых тренировочных доспехах. Тусклая сталь нагрудного и спинного панциря была посечена во множестве учебных боёв. Всеслав давно не облачался для тренировки. Сегодня новый державный князь Рустовесского государства решил немного наверстать упущенное. Война неизбежна, но союзы ещё не были созданы и противники не до конца определились. Сегодня нужно было немного помахать утяжелённым «потешным» мечом, чтобы не утратить сноровку. Да и голову необходимо немного выветрить. А то от изводящих разум мыслей и забот, она иногда начинала болеть. Ещё не хватало тронуться в такой опасный момент.

Молодой державный князь встал со скамьи и с довольством отметил, что тело легко осилило навешанную на него броню. Главное начать упражнения, а там пойдёт как надо. Всеслав надел на голову шерстяной подшлемник и принял из рук походного слуги шлем. Надвинув железную личину, он увидел сквозь прорези глазниц вошедшего в казарму Степана Глазкова. По лицу исправника Тайной стражи Всеслав догадался, что о занятии с мечом можно забыть. Глаза офицера напряжённо двигались то в одну, то в другую сторону. Так бывало всякий раз, когда он намеревался доложить важные новости. «Свободны», — махнул князь походным слугам. Юноши удалились.

— Государь, — исправник почтительно наклонил голову.

— Слушаю тебя, Степан. Снова дурные вести?

— Других и быть не может.

— Что на сей раз?

— Видогост Булатов захватил власть в Миргороде. Его племянник, Деян, обезглавлен на городской площади.

Всеслав с досадой бросил тренировочный меч на пол. Закусил нижнюю губу и сжал кулаки.

— Прах его возьми!

— Видогоста или Деяна, государь?

— Обоих!

Молодой державный князь понимал, что такое возможно и готовился к последствиям. Но в тайне продолжал надеяться, что владыка Миргорода сможет отстоять свою власть над Крайнесточьем. Это было одинаково важно для них обоих. Деян уже лишился головы, как долго после его падения продержится сам Всеслав? У Видогоста теперь не остаётся иного пути как присоединиться к врагам Древгорода. И это очень весомая сила.

— Ты получил письмо от Тайной стражи Крайнесточья?

— Нет, князь. Все погибли в бою или были казнены.

— А сведения точные? Как ты можешь быть уверен?

— Ошибки нет. У меня есть надёжные оповестители. Весь город видел бой между воинами Видогоста и Деяна. На следующий день все горожане были созерцателями казни юного предельного князя. Мелких подробностей столкновения я не знаю. Но в главном ошибки нет. Деян мёртв, а Видогост сумел повернуть всё так, что простонародье требовало войны против державной власти.

В казарму вошёл разгорячённый тренировкой Лютогост.

— Ну ты где, брат? Сколько можно тебя ждать, учение не ждёт!

— Учение отменяется, когда приходит настоящая война.

— Ну... Ты прав. А что случилось?

— Деян Булатов мёртв.

— Хм... Похоже и правда пришло время облачаться в боевую сталь.

Всеслав задумчиво молчал. Исправник Тайной стражи и воевода Старшей дружины внимательно за ним наблюдали. Вся Рустовесская земля ждёт, что сделает молодой державный князь. Наверняка и древние боги с насмешкой глядят, как поступит наследник Лесьяра, загнанный теперь как мышонок в угол. Как поступили бы отец с дедом?

— Озеровы и Юрьевы уже открытые враги, — проговорил наконец Всеслав. — Булатовы тоже. Из Солоплажа нет никаких вестей. Что там замыслил Олег Волков можно лишь гадать. Если им всем дать сговориться, то поражение неминуемо. Как быть?

— Будем драться, — без тени сомнения произнёс Лютогост. — Я прикажу собрать военный совет.

— Драться придётся в любом случае. Да, созови совет. Но что ещё можно сделать? — спросил сам себя молодой державный князь. — Степан!

— Да, государь.

— Срочно подбери мне посыльного из твоих людей.

— Сделаю.

— Но такого, чтобы не слишком умного. Кто хуже всего справляется.

— Хорошо, найду такого, — ответил исправник Тайной стражи и понимающе прищурился.

Сняв тренировочные доспехи, Всеслав направился на женскую половину. Необходимо было поговорить с сестрой. Дарина стояла у детской колыбельки и баюкала его сына.

— А где моя жена? — шёпотом спросил он Дарину.

— Вон туда отошла, — улыбнулась сестра, указывая головой.

Всеслав подозвал её. Зима тут же оказалась рядом с мужем. Она уже давно задавала ему один и тот же вопрос и сейчас её взгляд всё так же побуждал мужа к ответу. Князь взял своего сына на руки и передал его Зиме. В момент когда ребёнок был на руках обоих родителей, Всеслав чмокнул жену в губы. Она смотрела на него всё так же вопросительно. Он погладил её голову, потом прикоснулся к спящему сыну.

— Моего первенца будут звать Красимир. В честь его прадеда, павшего в битве при Чёрном кургане.

Лицо Зимы озарила радостная улыбка. Наконец-то, у её сына появилось имя! Всеслав приобнял Дарину за правое плечо и отвёл в сторону. Она почувствовала неладное.

— Что случилось, брат?

— Послушай, Дарина. Ты... Должна была стать женой Деяна Булатова. Но ничего не получится.

— Но как же так, он расторг помолвку?

— Не совсем. Он погиб.

Лицо Дарины помрачнело как осенняя туча. Глаза наполнились слезами. Всеслав обнял сестру, стараясь успокоить.

— Наш отец умер, — всхлипнула она. — Мой жених тоже мёртв... Когда же это закончится?

— Ну... Не надо плакать. Со временем я подберу тебе другого мужа.

— Мне не нужен другой! Деян был такой хороший, такой милый.

Деян Булатов, молодой правитель Крайнестьочья был мёртв. Юный владыка Миргорода нравился Петру Строгову. Он не раз задумывался над тем, как тяжело приходится Деяну в одиночку управляться с такими огромными землями. Весь восток Рустовесского государства был ему подвластен. Был... Всеслав сказал, что Деяна Булатова казнил его дядя Видогост, муж их старшей сестры Мирины. Деян продолжал дело их отца, державного князя. Так сказал брат.

Не в силах больше оставаться в пределах укреплённой резиденции, Пётр направился в западную часть Древгорода. Решил поглядеть с высоты каменных стен, как провалится весеннее солнце за горизонт. Попадавшие на пути стражники приветствовали Петра. Многих из них он тоже знал. Как учил отец, нужно знать своих подданных, чтобы управляться с ними. Но Пётр не понимал, зачем ему нужно знать организацию войск и устройство земель. Правителем всё равно быть старшему брату, Всеславу и его сыновьям. Потом шёл Лютогост и его отпрыски. Пётр же всегда знал, что ему не быть державным князем, и это его только радовало. Слишком уж тяжкое бремя, вести за собой обитателей Рустовесья.

Разгоравшаяся война не давала ему покоя. Пётр понимал, что боги благоверия сильны, им бесполезно противостоять. Его великий отец, глава Дома Строговых умер в постели как обычный простолюдин. Это случилось после того, как войско под его командованием разгромило Благоую рать мудрейшего Вейкко. Деян Булатов пытался продолжать его дело в подвластном ему пределе, но был казнён. Это ли не доказательство того, что нельзя бросать вызов Позару и Светлобе?

Пётр несколько раз пытался заговорить с Всеславом, чтобы убедить его отказаться от элаитства. Но было бесполезно. Старший брат всегда был намного умнее его. Всегда мог чётче излагать свои мысли. Пётр чувствовал, что тот не прав, но никогда не мог пробиться сквозь стройные ряды умозаключений Всеслава.

Его брат Лютогост не питал склонности к сложным беседам о богах. Но он любил войну. И грядущая резня, похоже, была ему по душе. Что теперь будет с его братьями? Ведь боги не станут их щадить. Хватит, решил Пётр. Терпеть это больше нельзя. Ему уже почти четырнадцать лет и он сам может решать свою судьбу.

Пётр вернулся в резиденцию и пошёл на конюшню. Решение созрело само собой. Если нельзя изменить политику брата, то можно изменить свою жизнь. Отправиться туда, где старых богов чтут и уважают, туда, где есть знакомые люди. Пётр нашёл своих старинных приятелей, братьев-близнецов Кузьму и Германа. Они оказались на княжеской конюшне ещё года три назад и стали Петру близкими друзьями. Насколько вообще могут быть близки люди столь разного положения как сын державного князя и сыновья конюха. Но Пётр им доверял.

— Подготовьте трёх крепких коней, — сказал им Пётр. — Нам предстоит большое путешествие.

— Путешествие это хорошо! — обрадовался Кузьма. — Он всю жизнь мечтал посмотреть на другие земли и других людей.

— А это не очень опасно? — поинтересовался более осторожный Герман.

— Это опасно. Поэтому, если вы по какой-то причине не можете поехать со мной, я не буду вам приказывать. Если вы не поедете, то подготовьте мне одного коня к завтрашнему

дню. Но никому ни слова!

Братья переглянулись и какое-то время мялись в нерешительности. Затем страсть к неизведанному всё же взяла верх. Они дружно закивали головами.

— Мы едем!

— Да, да мы едем с тобой, князь!

— Это прекрасно, я очень рад, что мы будем вместе.

— Но куда мы направимся?

— В Крайнестьчье, в Миргород. Но сначала заедем в храм Агуна и Кесы.

— Ого...

— Ничего себе! Но нас никто туда не отпустит.

Всё будет в порядке, — успокоил друзей Пётр. — Я скажу брату, что мы с вами едем охотиться на уток. Так у нас будет несколько дней в запасе, прежде, чем нас хватятся. Тем более, так я смогу не таясь взять оружие, еду и деньги.

Ратный зал был увешан знамёнами и оружием. Серебро восьмиконечных звёзд, блиставших на красных полях полотнищ, полностью укрывало собой грубую кладку каменных стен. Рядом со знамёнами державного Дома соседствовали прилаженные в специальных креплениях копья, боевые топоры и мечи. Смертоносная сталь, призванная убивать под тенью боевых стягов. Всё это глупость, подумал Всеслав. Но так спокойнее собравшимся здесь ратным командирам. В том числе и самому державному князю.

Помимо нового главы Дома Строговых на срочном военном совете присутствовало всё высшее военное руководство державных земель. Начальствующий над латной конницей, воевода Старшей дружины, Лютогост сидел по правую руку от Всеслава. Напротив него, по левую руку от державного князя, сидел Кари Слетаев, князь-воевода Железного войска. Рядом с Лютогостом расположился князь-воевода Младшей дружины Вадим Камушкин. Напротив начальника Младшей дружины было место Игоря Строгова, князя-воеводы Поместного войска, набираемого из сыновей племенного союза успонов. Также на военный совет явились исправники всех видов стражей. Степан Глазков из Тайной, Николай Строгов из Дворцовой и Будимир Строгов из Поместной.

Всеслав переглянулся со Степаном Глазковым. Тот подбодрил своего государя, подчёркнуто медленно прикрыв очи и едва заметно для прочих наклонив голову. Лютогоста Всеслав обо всём предупредил заранее, иначе брат мог испортить дело своим вмешательством. Можно было начинать.

— И так, военный совет повелеваю считать начатым, — впервые в жизни Всеслав открывал собрание государственных людей не как преемник отца, а как самостоятельный властитель. — Начну с самого первостепенного. Деян Булатов был казнён по моему приказу. Видогост в точности выполнил всё, что было предписано.

Вихрем захвативший Ратный зал шум голосов был подобен сосне, что внезапно рухнула на повозку со стеклом. Военачальники наперебой восклицали своё недоумение. Лишь исправник Тайной стражи и Лютогост, знавшие что к чему, сдержанно молчали.

— Что это значит?

— Как же так?

— С каких пор наследник может убивать предельного князя?

— Твой отец говорил, что Деян наш союзник!

Всеслав с трудом угомонил офицеров, успокоительно помахав над столом расправленной пятернёй правой руки.

— Это задумал ещё мой отец. Деян был слишком неискущён, глуп и ненадёжен. Почтенный исправник Тайной стражи, — Всеслав наклонил ладонь в сторону Степана Глазкова, — добыл сведения о том, что юный Булатов вступил в стовор с мятежниками Юрьевыми и Озеровыми.

— Истинно так, — подтвердил исправник.

Военачальники с брезгливой опаской посмотрели на главного наушника державного князя. Человека, чьи лазутчики рыскают по всей стране, и по чьему навету на плаху может легко отправиться даже владыка предела.

— Поэтому я приказал Видогосту свергнуть его с престола Миргорода. Новый предельный князь Крайнесточья наш верный союзник. Тем более он родственник мне, ибо женат на моей родной сестре. Итак, ситуация с мятежом Юрьевых и Озеровых скоро разрешится в нашу пользу. Через Крайнесточье открывается прямая дорога в Хладоручье, где собирают войско Клыковы.

— А что с Волковыми? — поинтересовался Игорь Строгов, князь-воевода Поместного войска.

— Волковы пока вне схватки. Но как только мы уничтожим главных зачинщиков бунта, у них не останется иного выхода, как присягнуть мне, — непринуждённо, как о давно решённом ответил Всеслав.

— О... Ну это хорошо.

— Так вот, — продолжал державный князь, — я поручаю моим опытным офицерам продумать путь продвижения моей рати во владения храма Агуна и Кесы.

— Почему туда, государь? — спросил Кари Слетаев, князь-воевода Железного войска.

— Там моя рать соединится с силой Булатовых и войском Клыковых. После чего, мы объединённой силой пойдём в Суломатье и там утопим мятежников в крови. Какие будут соображения о походе?

Офицеры принялись по очереди высказывать свои мнения. Когда разговор перешёл к обсуждению путей выдвижения полков, а на столе был развёрнут чертёж Рустовесской земли, Всеслав подал знак Степану Глазкову. Исправник Тайной стражи отлучился и через некоторое время привёл посыльного. Боец, увидев такое скопление высоких офицеров, растерянно замялся в дверях Ратного зала.

— Это самый худший, — прошептал исправник на ухо Всеславу.

— Чудесно. Пусть постоит немного.

Офицеры живо обсуждали предстоящий поход. Из скопления склонившихся над чертежом тел, непрерывно доносились словосочетания «храм Агуна и Кесы», «наш друг Видогост», «объединим полки трёх Домов» и «совместный поход». Посыльный сделал несколько робких шажков к княжескому столу. Но увидев вставшего державного князя, отскочил в назад и забился в угол.

Всеслав подошёл к посыльному вместе со Степаном Глазковым. Передал бойцу опечатанный туес с письмом для Ростиха Клыкова.

— Отправишься в Камнеград тайно.

— Да, государь.

— Держи путь через Густошумье, по рекам Рустовесь и Кульма. Это самый короткий путь. Помни, что Юрьевы нам враждебны. Не верь никому.

— Слушаюсь, князь.

Трясущимися руками посыльный взял туес и откланялся.

— Нет сомнения, что поручение он провалит, — сказал Степан Глазков, когда боец прикрыл за собой массивную дверь Ратного зала.

— На это вся надежда.

— Скажите, князь, но если он всё же сможет пробраться в Хладоручье, не получится ли так, что Ростих Клыков зря явится к храму Агуна и Кесы?

— Нет, Степан. Если боец окажется в Камнеграде, Ростих поймёт, что письмо ложное. На листе есть особый знак.

— Вы очень предусмотрительны, государь.

— Спасибо. Ладно, первое дело сделали, теперь пора провести настоящий военный совет.

Всеслав с исправником Тайной стражи вернулись к столу. Молодой державный князь обратился к офицерам.

— Должен сказать вам, что Видогост не союзник державной власти. Деян Булатов был свергнут и казнён вопреки моей воле. Хочу принести извинения, что заставил столь уважаемых и опытных мужей обсуждать ложную новость.

— Что?

— Я ничего не понимаю.

— Как же так?

— Что всё это значит?!

— Так было нужно, — ответил Всеслав. — Если кто-то понял мой замысел сейчас, то это хорошо. Если нет, то когда он сработает, вы поймёте.

— Хаааа, — исправник Дворцовой стражи Николай Строгов задумчиво почесал затылок и улыбнулся. — Так вон оно, что!

— Я ничего не понимаю... — Вадим Камушкин, князь-воевода Младшей дружины оторопело уселся на скамью.

Так поступили и остальные. Лишь Кари Слетаев, дядя Всеслава по матери, князь-воевода Железного войска, раздражённо вскочил из-за стола. Державный князь больше всего опасался именно его гнева. Ещё никогда в жизни Всеславу не доводилось заставлять подчиняться старшего брата своей матери. Теперь момент настал. Как бы неприятно это не было, нужно показать командиру Железного войска, что Всеслав теперь не просто племянник и юнец, а державный князь и повелитель.

— Да как ты посмел так шутить над нами, Всеслав? Мы кто по-твоему, мальчишки из подворотни? Немедленно объяснись!

— Кари, успокойся, — попытался утихомирить офицера Вадим Камушкин.

— Нееееет! Какое там спокойствие? Ты что тут с нами в игры играешь, развлекаешься? Ты не понимаешь, что война началась?! Да твой отец никогда бы...

— Немедленно сядь за стол, дядя, — Всеслав поднялся со скамьи и расправил плечи.

Князь-воевода Железного войска удивлённо взмахнул руками и губы его забулькали варевом густо слипшихся сердитых слов, застрявших в горле.

— Дха... Пфу... Хэ... Ты... Как тебе вообще...

— Сядь за стол, дядя, — со скрежетом холодного камня в голосе повторил Всеслав.

Дядя прожог племянника испепеляющим взглядом. Молодой державный князь не стал отводить глаза. Всеслав никогда не смог бы победить в этом состязании. Но пляшущее за

дядиным плечом пламя факела, утопило его кипящие яростью зрачки в полумраке, смягчив их напор. И тот же факел озарил лицо Всеслава подобно утреннему солнцу. Казалось, что само время застыло, ожидая кто проиграет первым. Наконец, Кари Слетаев не выдержал взгляда племянника и отвёл очи в сторону.

— Ну... Хорошо, — сказал он, садясь на скамью. — Ты теперь державный князь, тебе и командовать. Так объяснишь, зачем это надо было?

— Нет, — отрезал Всеслав. — Если получится, вы сами всё увидите. Если не получится то забудьте.

Князь-воевода Железного войска нервно сжал руку, словно собираясь с силами для новой перепалки. Но через мгновение кулак брызнул в стороны лучами мускулистых пальцев и Кари Слетаев провёл по своим губам мягкой ладонью. Всеслав победил.

— И... Как же обстоят дела на самом деле? — поинтересовался наконец Игорь Строгов, князь-воевода Поместного войска.

— Дела обстоят хуже некуда, — не стал скрывать Всеслав. — Юрьевы и Озеровы в открытую готовятся к войне. Крайне сточье теперь нам тоже враждебно. После убийства законного предельного князя, у Видогоста не остаётся другого выхода как воевать с нами. Олег Волков не ответил ни на одно моё письмо. В благонадёжности Клыковых у меня нет сомнения. Но в сложившихся обстоятельствах толку от них мало.

Офицеры молчали как на похоронах. Отец часто говорил Всеславу, что в опасный момент вождь должен единолично решать как поступить. Совет спрашивать бессмысленно. Ратники пойдут за своим офицером, а подданные за государем, что бы он ни надумал. Лишь сейчас Всеслав понял, насколько отец был прав. Судя по лицам собравшихся, они бы одинаково одобрили как решение капитулировать, так и приказ драться до конца. Лишь Лютогост без сомнения посоветовал бы войну. Но брат жил ради неё, так что его мнение всегда склонялось к более кровавому выбору.

— Я намерен воевать до конца, — подытожил Всеслав.

С этого момента он стал державным князем не только по титулу. Теперь они видели в нём своего вождя. Пусть молодого и неопытного, но того единственного, кто только и может им приказать. Никто не возразил.

— Какие будут распоряжения, государь?

Вот ещё одно подтверждение слов отца. Правитель Рустовесского государства всегда должен знать что делать, иначе он и не правитель. У Всеслава был ответ.

— По завершении посевных работ, бойцам всех отрядов быть готовыми по первому же зову прибыть на службу. Вадим!

— Да, государь, — тут же отозвался князь-воевода Младшей дружины.

— Сегодня же распорядись призвать на службу четыреста конников. В первую голову разведчиков. Твои люди совместно с конницей Поместной и Дворцовой стражи отправятся к границам Гужвоземья. Организовать дозоры на направлениях возможного продвижения полков Юрьевых, Озеровых, Волковых и Булатовых.

— Слушаюсь, князь.

— Будимир!

— Да, государь — отозвался исправник Поместной стражи.

— Немедленно прикажешь начать строительство сигнальных вышек. О вторжении мы должны будем узнать мгновенно. Старшим над конными дозорами я также назначаю тебя.

— Слушаюсь.

— Всем подать в Ратную управу прошение на заблаговременное изыскание в ваши отряды новобранцев. Для перекрытия будущих потерь.

Офицеры согласно закивали.

— Так же я выделю из казны деньги на заказ у ремесленников нового оружия.

— Но зачем? — возразил Кари Слетаев. — Арсеналы Древгорода наполнены сталью до отказа.

— Истинно так. Но если под мои стены явятся рати четырёх Больших Домов, мы соберём ополчение. Оружия должно хватить на всех мужчин Древгорода и округи.

Офицеры удалились выполнять распоряжения державного князя. Лютогост и Всеслав остались в Ратном зале одни. Всеслав загнул край карты, поставил на освободившуюся часть стола чернильницу, положил лист бумаги.

— Что будешь писать, брат? — поинтересовался Лютогост.

— Попробую завлечь Волковых на нашу сторону. Тебе тоже сейчас нужно перо и бумагу в руки взять.

— Это зачем ещё? — удивился Лютогост.

— Ну как зачем? — улыбнулся Всеслав, прикусывая кончик пера. — Я же приказал подать прошение в Ратную управу. А ты теперь не просто лихой конник в латах, а воевода Старшей дружины. Привыкай управлять ей.

В зал вбежал запыхавшийся Степан Глазков.

— Государь, ваш брат...

— Что такое, — Всеслав выронил перо из рук.

— Ваш брат, Пётр... Он сбежал.

— Как сбежал? — Лютогост удивился пуще Всеслава. — Куда?

— Он отпросился у меня поохотиться на уток.

— Да, — подтвердил Степан. — Уехал с одним княжеским сынком и двумя конюшонками. И мои люди присматривали за ними. Только что прискакал мой стражник. Они снялись с места и уехали примерно на северо-восток, вдоль русла Хиля.

— В Крайнесточье, — сообразил Лютогост. — К Мирине значит подался. Вот дрянцо!

— Ну да, — задумчиво подтвердил Всеслав. — А по пути, видать, в храм Агуна и Кесы хочет заглянуть.

Державный князь закрыл лицо ладонями и с силой растёр усталые глаза. Теперь понятно, к чему Пётр последнее время заводил эти разговоры про древнюю веру. Что же на него так повлияло, смерть отца? Или это было лишь последней каплей? В любом случае, замысел младшего брата шит белыми нитками — задумал вернуться в благоверие. Вот он, ещё удар, ещё одна месть от Позара и Светлобы.

— Так чего ты ждёшь, Степан? — Лютогост был похож на грозную тучу, сеющую карающие молнии. — Немедленно схватить негодника! Схватить и приволочь сюда!

— Будет исполнено, — Степан Глазков повернулся к выходу.

— Нет, — решительно остановил его Всеслав.

— Нет? — выкрикнул Лютогост. — Что значит «нет»?!

— Пусть уезжает, — Всеслав был непреклонен.

— Но как это?

— Мои люди без сомнения его поймают, — заверил исправник Тайной стражи.

— Да, поймают, — согласился Всеслав. — А что потом?

— Это же измена! За измену знаешь, что полагается?

— И что, — Всеслав посмотрел в глаза Лютогосту, — убьём родного брата, сына нашего отца? И что про нас скажут люди? Или бросим его в темницу? Любой из этих вариантов плох и губителен для нас.

— Ты прав, — согласился Лютогост. — Но нельзя же его просто отпустить.

— Брат, началась смута. И если Пётр выбрал в ней другую сторону, пусть это останется на его совести. Лучше враг, чем ненадёжный друг.

— Ну... Не знаю... Помяни моё слово, ты ещё дорого заплатишь за своё милосердие!

Степан Глазков удалился, так и не получив приказа организовать погоню. Всеслав написал в листе бумаги всего несколько строчек, сложил его и запечатал родовым гербом Строговых.

— Что это у тебя? — Лютогост кивнул на бумагу.

— Записка Олегу Волкову.

— Две строчки?

— Да. Надеюсь, любопытство у него сильнее чувства долга. Я еду на берег Лантины. С мной будет Знаменный отряд и сотня Старшей дружины. Ты остаёшься в Древгороде.

— И чем же ты будешь заниматься на берегу Лантины?

— Нам нужны Волковы. Так что попробую с ними поговорить.

Видогост знаком отослал из Большого зала своих охранников. Теперь, сидя на престоле владык Миргорода в полном одиночестве, он удовлетворённо оглядел просторное помещение. Пляшущее в креплениях стен пламя факелов и масляных светильников, бросавшее причудливые тени на вывешенные знамена Дома Булатовых. Стены, скамьи, сама резиденция. Отполированный седалищами предельных князей престол. Вырезанный на спинке властного кресла огромный глаз родового герба, веки и зрачок которого ощущались спиной через льняную рубаху. Теперь всё это принадлежало ему.

В зал проскользнул женский силуэт. Через мгновение, Видогост узнал свою супругу. Мирина шла через ярко освещённую отблесками факелов и светильников середину. Приблизилась к престолу и встала перед ним на колени.

— Что ты делаешь, любовь моя? — удивился Видогост.

— Как что, — раздался игривый голос супруги, — я преклоняю колени перед предельным князем Крайнесточья. Единственным, кто достоин этого титула. Наконец-то я делаю это без брезгливости!

В миг Мирина оказалась рядом с мужем и поцеловала его в губы.

— Наконец-то! Я так счастлива!!! Теперь мы добились того, что твоё по праву.

Видогост обнял жену за бёдра и потянув на себя, усадил рядом. Вот теперь, пожалуй, всё именно так как и должно быть. Миргород в его власти и возлюбленная супруга в его объятиях.

— Теперь будет война, — произнесла обеспокоенная Мирина. — Тебе нужны союзники.

— Ты права. Все эти годы я был слишком обеспокоен завоеванием Крайнесточья. Мало времени уделял поиску друзей за его границами. Но союзники мне нужны. Чернек Озеров созывает всех врагов Древгорода в остроге Вежинском, что в Суломатье. Там будут Юрьевы, может быть Волковы. Ещё все храмы пресветлых богов. Мудрейший Валентин направился туда.

— А ты?

— Я хотел бы видеть столь могучих владык своими соратниками. Но не уверен, что они желают того же.

— То есть?

— Чернек Озеров написал письмо мне. А вот Хотен Юрьев приглашал вступить в союз Деяна. Как так? Он звал моего врага! Я решил, что не буду спешить. Посмотрю, что там будет. Может они ослабят друг друга, воюя против Строговых и я смогу добиться победы даже не участвуя в сражениях.

— Ты прав, любимый! Лучше подождать.

— А что там с Агатой? Когда Деяну отрубили голову, я даже на помосте услышал её рыдания. Хорошо, что ты быстро её увела. Она могла испортить своими слезами всё действие.

— Расстроилась, бедняжка. Не ожидала, что мы Деяну голову отрубим. Я ей сказала, что с ним всё хорошо будет, на Засечную черту у кочевых степей сошлём.

— Судя по её слезам, ты правильно сделала, что не раскрыла наш замысел. Знай она правду, могла бы из тёплых чувств рассказать ему всё. Так что с ней?

— Да чего с ней может быть? Сидит в твоей старой резиденции под охраной. Я к ней хожу частенько, беседую. В слезах всё время сидит. Сказала мне, что не хочет замуж за Андрея Зотова.

— Вот как? — удивился Видогост.

— Ага. По правде говоря, это и к лучшему. Лоскутовым мы помогли очень сильно. Я передала князю Константину деньги на приданное для его незамужних дочерей. Потом поможем сыновей пристроить в войско и в стражи. Да и хватит с них. Как мне донесли, Андрей Зотов плевать хотел на свою бывшую любовь. Отец его очень удачно женил, тот брак было бы очень трудно и хлопотно расстроить. Но раз Агата сама уже передумала, то тем лучше.

— Как её беременность?

— Без затруднений. Она молодая и сильная, такие легко рожают.

— Отправим её ребёнка в храм Агуна и Кесы. Будет там дружинником или хранителем. Или в школу лекарства пойдёт, если Агата девочку родит. Объясни ей.

— Она это понимает, и плачет ещё горше. Да пусть она к Мрозу в гости идёт!

Мирина прижалась к мужу и жадно припала к его устам. Видогост ощутил влечение к горячему телу близкой супруги.

— Пойдём в опочивальню, — сказала она. — Я желаю, чтобы ты овладел мной на ложе предельных князей Крайнесточья. Прямо сейчас. Хочу, чтобы подлинный владыка Миргорода был во мне.

— Ещё есть дела, — неохотно попытался возразить Видогост, с готовностью следуя за Мириной. — Тебе ещё можно?

— Конечно можно! Рожать мне только поздней осенью. Дела завтра сделаешь. Скоро тебе в поход, и я хочу тебя, пока ты рядом!

Покачивавшийся в седле мудрейший Валентин притомился. Но было уже совсем близко, до Вежинского острога оставалось меньше часа пути. Так сказали конники из разъезда, выставленного Чернеком Озеровым, попавшиеся им на дороге и отправившиеся сопроводить почётного гостя. Валентин, окружённый группой храмовых латников, приказал своему бойцу

развернуть знамя. Несколько мгновений спустя, над ними взошло красное солнце на зелёном поле. Пусть караульные на острожных башнях издали заметят приближение мудрейшего храма Агуна и Кесы.

Наконец, после суровой зимы, Позар и Светлоба благословили Рустовесскую землю тёплым южным ветром и ярким солнцем. Еловый лес, через который они ехали, дышал весенними ароматами. Вокруг их коней вилось большое количество мух. Ещё немного и появятся комары.

При помощи воинов мудрейшего Валентина, к власти в Миргороде наконец пришёл Видогост. Мудрый муж, хороший воин и ревнитель благоверия. Валентин был уверен, что Видогост не допустит насаждения в землях Крайнестьчя чуждого бога. Но пока сильны Строговы, никто не может чувствовать себя уверенно. У Древгорода хватит сил, чтобы сокрушить любого самовольного предельного князя. Не говоря уже о храме. Опыт зимнего восстания Вейкко был печальным уроком каждому, кто задумает в одиночку бороться против державного князя.

Поэтому, узнав о том, что Чернек Озеров созывает на встречу всех, кто готов с оружием противостоять власти Строговых, Валентин поблагодарил Агуна и Кесу. Такому авторитетному князю вполне по плечу собрать сильный военный союз.

Конные латники, во главе с мудрейшим, выехали из леса на большую поляну, примыкавшую дальним концом к водам одного из притоков реки Мицальты. На берегу речки стояла крупная деревянная крепость. Это и был Вежинский острог. Караулившие на одной из башен бойцы, заметив их, трижды протрубили в рог. Похоже, что глава храма Агуна и Кесы прибыл последним. Мудрейший разглядел на стенах острога знамёна. Серебряная молния Дома Озеровых, хозяев Вежинского острога. Подле них зелёное солнце Дома Юрьевых. Гербы храмов пресветлых богов. Жёлтое солнце на красном поле — храм Аурина и Зары, что в Густошумье. Жёлтое солнце на зелёном поле — храм Сияя и Кипины и Солоплаже. Красное солнце на жёлтом поле, герб храма Юма и Живы из Суломатъя.

Предельные князья и мудрейшие собрались подле пламени, горевшего в местном становом подворье. Приняв благословение от мудрейших, князья решили начинать. По предложению Хотена Юрьева разговор перенесли ближе к обеду. Когда утренний завтрак будет далеко позади, а в воздухе начнёт витать аромат готовящихся к обеденному пиру блюд. Пустой желудок и запах снеди делают голову и язык более покладистыми. Первым заговорил Чернек Озеров, хозяин Вежинского острога и главный зачинатель съезда.

— Благодарю вас, почтенные хранители, что откликнулись на мой зов и приехали гостями в мои земли.

— Да уж не все, — сказал Филипп, мудрейший храма Аурина и Зары, намекая на отсутствие главного хранителя Рустовесской земли.

— Зато здесь все, кто не трепещет перед Древгородом и защищает благую веру, — вышел из положения Чернек. — Покойный Лесьяр Строгов попытался отнять у нас веру предков. И боги покарали его. Позар и Светлоба показали нам, что продолжают защищать нас. Теперь и мы должны выполнить свой долг, защитить их и наши земли. Строговы забыли, на ком держится их власть. Они не дают нам, предельным князьям, заботиться о наших землях так, как мы считаем правильным. Грабят нас налогами. Они запрещают вам, мудрейшим храмов пресветлых богов поступать вольно в вопросах защиты благоверия, в делах хозяйствования. Мешают вам набирать больше воинов в дружины.

— Всё верно, — согласился Максим, мудрейший храма Сияя и Кипины. — Но что ты

предлагаешь нам делать, Чернек?

— Я предлагаю заставить Строговых отказаться от безумных замыслов обратить нас всех в элаитство. Завоевать возможность каждому из нас жить по собственной правде. Новый державный князь, Всеслав, просто миздрюшка.

— Может и так, — возразил мудрейший Валентин. — Но у Строговых вполне хватит сил раздавить любого из нас.

— К этому я и веду, — подтвердил Чернек Озеров. — В одиночку никому из нас с Древгородом не сладить. Но вместе мы победим. Поэтому я предлагаю заключить союз. Организовать содружество тех, кто выступит в поход и заставит державного князя соблюдать нашу корысть.

— Но как нам это сделать? — поинтересовался Селиван, мудрейший храма Юма и Живы. — Мы не воины, мы всего лишь мирные хранители. Мудрейший Вейкко попытался поднять знамя войны и теперь лежит в могиле, вместе с тысячами своих людей.

— Всё верно, — Чернек отметил, что Селиван вмешался в разговор как раз тогда, когда было оговорено. — Вы не воины, но мы, князья, умеем держать мечи и командовать полками. Вам воевать не придётся. Просто дайте нам ваши дружины и ваших воевод.

— Ну хорошо, — сказал мудрейший Филипп. — Но здесь, среди нас я вижу только Озеровых и Юрьевых. А что с остальными князьями, каково мнение Клыковых, Волковых и Булатовых?

— С Клыковыми всё прозрачно, — ответил Хотен Юрьев. — Они всегда были послушными шавками Древгорода. Так что Клыковы нам враги.

— Я думаю, что Волковы пока не готовы воевать, — заметил Чернек. — Олега Волкова нет здесь, но он и Строговых не поддержал. Скорее всего, не решил на чью сторону встать. Но после нашей первой победы, он присоединится к нашему содружеству.

— Видогост Булатов с удовольствием поддержит нашу войну, — подтвердил мудрейший Валентин. — Моя дружина помогла ему победить племянника. Он знает, что в Древгороде такое никогда не простят. Уверен, что он скоро будет с нами.

Хотен Юрьев явно захотел возразить. Набрал в лёгкие воздух, чтобы наполнить им свой голос. Но в последний момент по лицу его проскользнуло сомнение, и вместо поперечной речи он лишь шумно выдохнул. Притянул к себе за локоть Чернека Озерова и зашептал ему на ухо.

— Послушай, Чернек, насчёт Видогоста Булатова я сомневаюсь, что он нам друг. Есть надёжные известия...

— Не здесь, Хотен, — перебил его Чернек, — к чему нам сеять рознь в незрелом союзе?

— Согласен, потом.

— Так что скажете, почтенные хранители? — поинтересовался Чернек Озеров у мудрейших.

В станом подворье повисла тишина. Было слышно лёгкое шелестение длиннополых одежд мудрейших. Трепетали языки священного пламени в очаге. Раздавалось напряжённое дыхание размышлявших мужчин. Раздумья не были долгими. Все были согласны с тем, что сказал владыка Старогуля. Все хранители были рады, что им не придётся брать на себя тяжесть командования военными походами. Как и ожидал Чернек, первым нарушил молчание мудрейший Селиван, остальные потянулись за ним.

— Храм Юма и Живы вступает в содружество. Я предоставлю своих ратников для войны.

— Храм Сияя и Кипины тоже участвует.

— Я тоже присоединяюсь. Дружина храма Аурина и Зары в вашем распоряжении.

— Храм Агуна и Кесы в содружестве.

— Это прекрасно, — подытожил Чернек. — Наши рати, освящённые силой Позара и Светлобы добьются быстрой победы над отступниками Строговыми. Теперь я предлагаю проследовать в...

— Подождите, князь, — возразил мудрейший Валентин. — Нам нужно решить важнейший вопрос. Без этого всё наше предприятие будет не прочнее стеклянного кубка.

— В чём же дело?

— Мы должны прямо сейчас решить, кто будет командовать объединённой ратью нашего... Хм... Вежинского содружества! Вот. Вежинского содружества, — повторил Валентин понравившееся ему придуманное название. — Кто будет полководцем? Вы или князь Юрьев? Может кто-то из наших воевод? А когда придёт войско Видогоста, как быть с ним? Ведь если не выбрать военного предводителя, нас ждёт беспредельщина.

— Я очень рад, мудрейший Валентин, что Вы озаботились таким вопросом. Он действительно очень важен. Теперь начинаю жалеть, что не предложил Вам прямое участие в ратных делах.

— Не надо отшучиваться, князь.

— Простите, мудрейший, — Чернек сделал примирительный полупоклон. — Я думал о том, что Вы сказали. Действительно, если не избрать военачальника, то порядка никакого не будет. Но если назначить кого-то одного, то другие будут ревновать к нему, ибо мы все значительные люди. Поэтому как только наше войско соберётся для войны, я организую Совет ратных начальников. Это как Совет сильных мужей в былые времена, когда ещё не было Рустовесского государства. С согласия присутствующих я, как создатель нашего Вежинского содружества, возьму на себя дело взаимосвязи между княжескими войсками и храмовыми дружинами.

— Полностью поддерживаю Вашу задумку, князь, — мудрейший Валентин согласился первым.

Остальные мудрейшие также одобрили начинание князя Озерова. Когда вопрос был улажен, Чернек повёл своих гостей в терем местного князя, владевшего Вежинским острогом. Князь Роман из Малого Дома Легостевых был озадачен негаданным наплывом такого количества высоких гостей. Чернек Озеров озадачил его ещё сильнее, когда повелел самому начать угощение мудрейших. Сам же предельный князь Суломатья сообщил, что они с князем Юрьевым подойдут на пир чуточку позже.

— Что там у тебя насчёт Видогоста Булатова, Хотен?

— Пойдём со мной.

— Князя направились в заключенницу Вежинского острога.

— Мои люди его на реке Рустовесь взяли. Купчишкой прикидывался. А сам посыльный, из Тайной стражи Всеслава, письмо вёз Клыковым. Держи, полюбуйся.

— Любопытно...

Хотен и Чернек вошли в небольшое прохладное помещение пыточной. На дыбе висел человек. Его худощавое тело было покрыто синяками и немногочисленными порезами, разбитые глаза закатились. Либо спит, либо без сознания. В нос шибал резкий запах пота, мочи и испражнений, особенно заметный после свежего воздуха. Пыточных дел мастер сидел на корточках в уголке и грыз ногти. Его отвратительная харя заросла густой щетиной,

почти начавшей походить на бороду.

— Твой? — кивнул Чернек на мастера страданий.

— Нет, местный.

— Уже лето на дворе почти, а ты всё с бородой ходишь. Почему не бритый?

Чернек многое видел в жизни, но взгляд этого человека, едва не заставил князя поёжиться. Хотя он и сделал почтительный полупоклон, бесцветные глаза его ощупали тело князя оценивающим взором знатока. Сейчас он выведывает секреты, необходимые хозяину острога или владыке Старогуля. Но точно также сможет вырезать сведения из тела самого Чернека Озерова. И ни одна струнка в его чёрной душе не дрогнет. Предельный князь даже испытал жалость к висящему на дыбе бойцу Тайной стражи. Пыточных дел мастер провёл ладонью по щеке и шумно всосал воздух уголком плотно сжатых губ.

— Хэээ... Да я это, князь. Того в общем! Побреюсь, да. Хэээ...

Чернек выудил из кармана четыре медные резы и протянул их пыточному знатоку.

— Сходи к цирюльнику, побрейся.

Тот взял монеты в ладонь, понюхал их, после чего втянул уголком рта воздух.

— Хэээ... Благодарствую, князь, благодарствую... Схожу сегодня же. Хэээ...

— Стало быть Видогост в сговоре со Строговыми, — обратился Чернек к Хотену Юрьеву.

— Ну да, ты погляди как чётко умыслили. Убирают Деяна, Видогост нас отманивает своей ложью о союзничестве. А тем временем войско Строговых, Булатовых и Клыковых соединяется в Крайнесточье. И всё, у них перевес.

— Но зачем им убивать Деяна? — Чернек решил попробовать привести доводы против, хотя картина складывалась вполне однозначная. — Помнишь, на Великом совете он во всём поддержал замыслы Лесьяра. Да и всем известно, что Видогост всегда недолюбливал державную власть.

— «Недолюбливал», это шаткое умозрение. А вот то, что он женат на дочери Лесьяра Строгова это явь. И у него от неё шестеро детей. Кстати, племянники и племянницы Всеслава. Уж куда более надёжный друг, чем Деян. Мало ли что молодому в голову взбрело? Да и на войне Видогост гораздо опытнее того мальчика будет.

— Всё верно... Но всё же, не может ли это быть обманом?

— Чернек покосил взор на письмо, где после приказа Ростиху Клыкову следовать с войском в Крайнесточье, красовалось странное пятно. То ли клякса чернил, то ли небрежно прорисованный жук. В письмах державного князя ему такого видеть не доводилось. Хотя... Он помнил лишь двух державных князей, а этот третий.

— Не может. Послушай, что посыльный говорит. Эй, — обратился Хотен Юрьев к пыточных дел мастеру, — разбуди его.

Тот плеснул на несчастного водой из ведра и стал бить по щекам.

— Ты, продирай zenки, погань! С тобой господа говорить желают.

Стражник с трудом очнулся и некоторое время приходил в себя. Наконец, сообразил что происходит и прокашлялся.

— Расскажи князю Чернеку, всё что мне поведал, — Хотен Юрьев ударил посыльного по щеке.

— Я... Видел их, — пленник с трудом шевелил окровавленными потрескавшимися губами. — Когда зржвный кнзь мне письмо двл... Давал, — тяжело выдавливал он из себя. — Там бли вс... Все... Были.

— Кто все?

— Все офсры... Офицеры. Стрша... Старшая дружина, Жел... Жлзн... Железное войско, вся... Вся рать.

— О чём они говорили?

— Про п... поход.

— Поход куда? — задал наводящий вопрос Хотен Юрьев.

— К храму Агуна и Кесы вместе с Булатовыми и Клыковыми, — на одном дыхании выпалил посыльный и голова его безвольно повисла.

— Помер что ли? — спросил Чернек.

— Хэээ... Нет... Живой! Хэээ... Очнись, гниль!

— Не надо, — остановил пыточных дел мастера князь Юрьев. — Он всё сказал, что нам надо.

— Хэээ... И что с ним делать теперь? — пыточник смотрел на Озерова.

— Хотен, твой пленник, тебе решать.

— Нам он больше не нужен, — отмахнулся князь Юрьев. — Прирежь его.

Через пару мгновений хозяин пыточной камеры перерезал своему пленнику горло. Выйдя на свежий воздух, Чернек Озеров приказал найти своего наследника.

— Волк!

— Да, отец?

— Слушай меня внимательно, — Чернек изложил суть дела.

— Ничего себе!

— Удивляться потом будешь. Мудрейший Валентин уверяет, что Видогост в скором времени может совершить ко мне визит. Ты возьмёшь тысячу конников Младшей дружины и встанешь с ними на пути из Крайнесточья. Встретишь Видогоста на границе. Слушай внимательно! Ни в коем случае не провоцируешь никакого кровопролития. Любезно поговоришь с ним. Выуди с него всю правду, чтобы мне не отвлекаться. Я пока войском займусь. Только очень вежливо и без кровопролития! Вроде всё гладко, но чувствую какой-то подвох. Давай, докажи, что ты достойный наследник.

— Я не подведу тебя, отец.

Глава 5 Островок

Находясь в одном дневном переходе от храма Агуна и Кесы, Пётр Строгов узнал, что в храмовом держании остановился проездом Видогост Булатов. Новый предельный князь Крайнесточья ехал на важную встречу в Суломатье. Пётр приказал выждать. Он рассчитывал представиться Видогосту, когда тот будет рядом с женой, родной сестрой Петра Мириной. Говорить с владыкой Миргорода один на один никакого желания не было. Видогост казнил своего собственного племянника. Что он вздумает сделать с ним, родным братом державного князя?

К счастью, Видогост вскоре покинул храм Агуна и Кесы. Когда Пётр открылся мудрейшему Валентину, тот не мог поверить своим ушам. Главный хранитель благой веры в Крайнесточье подъял руки к солнцу и громогласно возблагодарил Позара и Светлобу. Пётр просил очистить его от скверны элаитства немедленно. Но мудрейший велел ждать и молиться.

Петра и его спутников поселили рядом с покоем самого Валентина. Они трапезничали самыми лучшими яствами, коими были богаты закрома храма Агуна и Кесы. Вернее сказать, трапезничали спутники Петра — Ян Ледков и братья-близнецы Кузьма и Герман. Сам же Пётр, наблюдая как непривычные к богатому столу братья жадно поедают ароматное мясо, хлебал пресную похлёбку. Тем временем мудрейший, хитро улыбаясь, отговаривал его возвращаться в благоую веру. «Меня проверяют», — понял Пётр, и держался непреклонно. Наконец, день очищения настал.

В жарком летнем небе пылал ослепительным золотом солнечный шар. Лишь изредка на него набегали лёгкие облачка. Пётр Строгов стоял перед входом в приземистое помещение хранилища. Тяжёлые двери были наглухо заперты. По бокам, преграждая путь скрещёнными копьями, стояли два храмовых дружинника, одетых в блестящие доспехи. По правую руку от Петра горел костёр. Сухие берёзовые дрова весело трещали и почти не дымили. Сын Лесьяра чувствовал, как внутри копится небывалое воодушевление. Ещё немного и он разорвёт липкую паутину элаитства, державшую его душу в мучительном плену. Ещё чуть-чуть и старые боги вновь примут его обратно под свою защиту.

Пора. Пётр подошёл к запертым дверям и опустился перед ними на колени. Сапоги на его ногах привычно скрипнули. Дружинники не шелохнулись. Порыв ветра направил на него жар костра, глаза слегка заслезились от дыма. Пётр смиренно опустил голову и стал ждать. Порог хранилища был выложен плитами, выточеными из валунов. Вдоль трещинки в одной из плит шустро бежал маленький чёрный муравей.

— Кто явился? — спросил, наконец, дружинник, стоявший слева.

— Пётр, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых.

— Зачем явился? — строго вопрошал стоявший справа.

— Молить Позара и Светлобу о даровании благодати быть взятым под их защиту.

— Готов ли ты отвергнуть свои заблуждения?

— Готов!

Пётр неуклюже снял с себя всю одежду. Оголяться перед незнакомцами было неловко, но он заставил себя не замечать своей наготы. Глаза дружинников продолжали безучастно смотреть в пустоту перед собой, словно были стеклянными. Как у них так получается? Ворох одежды Пётр решительно бросил в костёр. На мгновение ему стало жаль почти новые

сапоги, справленные на совесть известным древгородским кожевником. Но он отмахнулся от этих глупых сожалений. Встал в полный рост лицом к дверям. Кожу приятно грело тепло костра сбоку и солнечный свет сверху. Друзинники убрали копыя и тяжёлые двери медленно распахнулись. Хор ищущих пел хвалебный гимн Позару и Светлобе, а также Агуну и Кесе. Поклонившись, Пётр шагнул в хранилище.

После жаркого зноя летнего дня, полумрак хранилища неприятно холодил тело. Кожа покрылась мелкими мурашками. Он спустился по каменным ступеням, и сразу оказался среди знающих. Старшие ученики школы мудрости стояли по правую и левую руку от Петра, образуя для него коридор, ведущий прямо к очагу. С каждой стороны их было по двенадцать. Не привыкшие ещё к тьме глаза, узрели храмовое пламя, зажжённое много тысячелетий назад. Также он заметил, что каждый знающий держит в руках большой кувшин.

Хор ищущих начал петь заклинания, умолявшие древних богов простить вошедшему его былые заблуждения. Он сделал несколько шагов по студёным плитам каменного пола, когда на него хлынул поток жидкого льда — первый знающий выплеснул ему на голову содержимое своего кувшина. Началось очищение. От внезапного холода перехватило дыхание. Ком воды, окатив его тело с шумом разбился о каменный пол. Ухнуло сердце, но Пётр продолжил идти к огню.

Двадцать четыре больших кувшина с ледяной водой омыли его тело, пока младший сын Лесьяра Строгова добрался до храмового очага, где его ждал мудрейший Валентин. От холода Пётр практически не чувствовал кончиков пальцев. В руках мудрейшего оказался какой-то продолговатый предмет из которого вырывался столбик яркого пламени. Изгнание Хлада было завершено, теперь нужно было пройти очищение огнём. Словно плетью, Валентин несколько раз хлестнул Петра ярким пламенем. Оно не причинило ожогов его промокшей коже. Наоборот, подарило тепло, благодатью растекшееся по сведённым холодом суставам. Валентин торжественным голосом провозгласил, что заблудшая душа Петра вернулась в объятия Блага.

Получив новую одежду и новые сапоги, Пётр вышел из хранилища под тёплые лучи дневного светила. Горячий ветер окутал его своими волшебными прикосновениями. От воодушевления хотелось прыгать и петь. Наконец-то он вернулся в лоно древней веры, вновь боги приняли его к себе! Теперь нужно было помочь своей семье обрести Позара и Светлобу. И вернуть всю Рустовесскую землю на правильный путь извечного противостояния Мрозу и Килме.

От торжественных мыслей Петра отвлёк парень, подошедший к юному Строгову и подчёркнуто вежливо поклонившийся.

— Хвала Агуну и Кесе, Вы вновь обрели истинную веру!

— Воистину хвала.

— Вы не узнаете меня, господин?

Пётр внимательно пригляделся к юноше. Просторная летняя рубаха, зелёный пояс, штаны, лапти. Решительное, с чуть острыми чертами лицо, и добрый с лёгкой хитринкой взгляд. Они точно уже встречались. Но где?

— Ты... — задумчиво протянул Пётр.

— Я Митрофан, воспитанник в Доме мальчиков из храма Благопроявлений, — подсказал юноша. Мы встречались в Древгороде этой зимой. Вы помогли мне выйти за городские ворота, мимо стражи.

— Да... Точно. Да, конечно, я тебя помню. Но как ты здесь оказался? Ведь ты должен

был доставить послание к мудрейшему Вейкко.

— Я так и сделал, а он отправил меня сюда. Так что я не видел сражения и гибели Благой рати.

По тому как Митрофан говорит, немного нерешительно переминаясь с ноги на ногу, Пётр понял, что тот имеет к нему какую-то просьбу.

— Скажи, ты что-то хотел от меня?

— Нет, господин... Вернее, да. Да, у меня есть к Вам просьба.

— Какая же?

— Если Вы позволите, то я хочу просить о даровании мне права стать Вашим слугой.

— Хм... — Пётр был рад такому предложению и уже мысленно принял Митрофана в свою «свиту», но для солидности решил потянуть время. — Мне предстоит долгая дорога и большие трудности.

— Я не боюсь трудностей и лишений, господин. Я прошёл почти полное обучение ратному мастерству в Доме мальчиков храма Благопроявлений.

— Это очень хорошо. Мне нужны те, кто умеет держать в руках оружие. Если ты поклянёшься мне в верности, то я готов принять тебя.

— Клянусь именами Агуна и Кесы, что буду верен Вам до конца.

Мудрейший Валентин благословил своих воинов на ратные подвиги во имя благой веры. Дружина храма Агуна и Кесы выступала в поход. Бойцы, звякая кольчугами и латами, собирались у крепостных ворот. Всего чуть больше тысячи воинов, не считая походных слуг и небольшого числа ополченцев. Пётр видел в своей жизни и куда более многочисленные рати. Но какой мальчишка откажется лишней раз взглянуть на войско?

В сопровождении своих приближённых сын Лесьяра Строгова ходил среди бойцов. В душе его боролись смешанные чувства. С одной стороны, дружинники были воинами, шедшими биться за благою веру, что он полностью одобрял. С другой стороны, они должны были убивать воинов его брата Всеслава. А что если, он попадёт к ним в плен? Они убьют его или будут пытаться?

— Храмовые дружинники ничуть не уступают княжеским, — стоявший недалеко от Петра воин обращался к юному князю. — Жаль только, что их очень мало.

— Да, — согласился Пётр. — Тысяч десять было бы в самый раз.

Он пригляделся к заговорившему с ним бойцу. Высокий рост, крепкое телосложение. Из-под дешёвой железной шапки выбивалась густая чёлка светлых волос. Одет он был в простое суконное платье, подбитое пенькой и обшитое железными кольцами. На поясе его висела сабля, а в руках ратник держал копьё. Вроде вооружён как простой ополченец, но дорогие ножны для сабли и ладно скроенные сапоги говорили за его высокое происхождение. Да и оружие он держал с лёгкой небрежностью, свойственной тем, кто привык использовать смертельную сталь по прямому назначению. Устав гадать, Пётр спросил прямо:

— Кто ты, ратник?

— Я Егор, сын Андрея из Малого Дома князей Михайловых.

— Ого! Так ты не просто ополченец?

— Ну, — Егор, покривив губы, насмешливо оглядел надетое на него снаряжение. — По положению я примерно ополченец. А так из «вольных ратников». Но в храмовом арсенале

не нашлось хорошей брони. Сабля моя собственная, а копьё мне дали. Хотя моя подготовка вполне позволяет быть в лёгкой коннице. Ещё могу пешей сотней командовать.

— А где же ты получил такую подготовку?

— Я был приставом в Поместной страже Суломатья.

— А как же ты оказался здесь?

— Ну... Так сложилось, — Егор осмотрительно помалкивал о подробностях своих злоключений. — Ты ведь Пётр Строгов, сын покойного державного князя?

— Да, так и есть. Но откуда ты знаешь?

— Здесь все знают о сыне державного князя, которого боги вернули в благую веру.

Возвышавшийся на чёрном боевом коне воевода Храмовой дружины, вынул из ножен меч и торжественно взмахнул им над головой. Боевые трубы разорвали воздух. Пора было выступать. Хранители и простолюдины прощались со своими защитниками. Воины выстраивались в походную колонну.

— Ну всё, мне пора, — сказал Егор Михайлов.

— Пусть хранят тебя Агун и Кеса от вражьей стали в смертельном бою — Пётр осенил ополченца круговым знаменем.

— И тебе удачи, князь.

Видогост взял с собой двести бойцов Старшей дружины и сотню телохранителей. «Маловато», — подумал он, увидев на краю картофельного поля примерно тысячу конников под серебряной молнией в красном круге. Зачем полк Озеровых поджидает его на границах Суломатья, когда князь Чернек приглашал прибыть в Вежинский острог? Видогост увидел всадника в богатых доспехах, отделившегося от общей массы, и двинувшегося в его сторону. Приказав своим людям оставаться на месте, новый предельный князь Крайнесточья направился ему навстречу.

Фыркнув, конь пошёл вперёд, вминая копытами молодую картошку в мягкую землю. Местные крестьяне вряд ли обрадуются, что кто-то топчет их урожай. Впрочем, трудности низших сословий Видогоста мало волновали. Свои собственные гораздо важнее. Примерно на середине поля они встретились. Видогост молча оглядел молодого конника. Это был не Чернек.

— Приветствую, Вас! Рад видеть владыку Миргорода и предельного князя Крайнесточья. Я Волк, сын Чернека из Большого Дома Озеровых.

— Я тоже приветствую наследника Суломатья. А почему мы встречаемся здесь? С князем Озеровым всё хорошо?

— Да, он в полном здравии.

— Так почему же мы встречаемся здесь, на картофельном поле, а не в Вежинском остроге?

— Возможно, потому, что Вы опаздываете? Мой отец пригласил владыку Миргорода раньше.

— Я опаздываю потому, что у меня были неотложные дела, — ответил Видогост. — Мне очень интересно, может быть ты, Волк знаешь ответ. Почему князь Чернек пригласил меня, а князь Юрьев моего племянника Деяна?

— Значит, Хотен Юрьев написал Деяну, — слегка усмехнулся Волк, покачнувшись на спине встрепенувшегося коня. — К слову говоря, что случилось с Деяном?

— Замахнулся на то, что было ему не по силам, — отрезал Видогост.

— Это на державную власть что ли? — засмеялся Волк.

— Что?! Как ты, наследник, смеешь так разговаривать с предельным князем?

— О... Простите меня, предельный князь, — с наигранной вежливостью ответил Волк Озеров. — Я вовсе не хотел проявить неуважение к Вашему высокому титулу. Я совсем случайно наступил Вам на больное место.

— Что ты городишь? Я гостил у мудрейшего Валентина в храме Агуна и Кесы. Я всё знаю о соглашении, — Видогост говорил чётко и громко, стараясь заглушить в себе растущее возмущение. — Хочу присоединиться к Вежинскому содружеству. Поэтому я буду очень признателен если ты, Волк, проводишь меня к своему отцу.

— Мой отец и князь Юрьев сейчас собирают свои войска. Им некогда отвлекаться. Так что с Вами буду говорить я.

— Я думал, они заинтересованы в союзе со мной — Видогосту требовалось всё больше усилий, чтобы скрыть раздражение.

— Нам интересны все надёжные союзники, — Волк заглянул Видогосту в глаза, сделав ударение на предпоследнем слове.

— То есть Вежинское содружество сомневается в моей надёжности?

— Почему Вы не приехали раньше? — бросил встречный вопрос Волк.

— Я был занят, — сквозь зубы выдавил Видогост.

— Чем занят, сговором с другими?

Видогост сжал губы. Натолкнувшись на эту преграду яростные слова, некоторое время бурлили во рту, не находя выхода и обжигая язык. Над полем висела напряжённая тишина. Позвякивали вдали конская сбруя и людские кольчуги. Ветер шелестел в густой листве растущих вокруг поля берёз. Вблизи слышалось жужжание слепней и мух, круживших вокруг коней предельного князя Крайнесточья, и говорившего с ним наследника Суломатья. Видогост с усилием проглотил готовый вырваться наружу гнев. Но ядовитый комок, провалившийся в грудь, поджёг накопленное раздражение.

— Ты к чему клонишь, пакостник? — выкрикнул Видогост. — На что ты здесь пытаешься намекать?

— Где Ваше войско? — с торжественным спокойствием спросил Волк.

— Там где надо. Не твоё дело!

— Хм... Не моё дело. Ну да, разве моё дело, что оно сейчас собирается в одном лагере со Строговыми и Клыковыми?

— Что?! — Видогост был оскорблён нелепостью обвинений.

— Как давно Вы продались Древгороду? — жёстко обрубил последнюю надежду на взаимопонимание Волк.

— Да как ты смеешь так говорить со мной? Я враг Всеслава!

Заметив, что князя на середине поля не на шутку ругают, их бойцы немедленно приготовились к бою. Воины крепче сжали копыя и рукояти мечей. Стали разглядывать противоположные построения, выискивая в них уязвимые места. Через мгновение это может понадобится в бою. Начальствующий над охранниками Видогоста выехал чуть ближе, чтобы иметь возможность быстро доскакать до князя. Главный телохранитель Волка сделал то же самое.

— О... Так Вы враг Всеслава? — небрежно повторил Волк. — Но это всё пустые слова Вы женаты на его родной сестре. Я думаю, что Вы здесь по прика...

— Хватит! — резко перебил его Видогост. — Ещё одно слово и я... я...

Волк не отрывая глаз от Видогоста, спокойно положил правую руку на рукоять меча. Он знал, что у него в три с лишним раза больше людей, чем привёл с собой владыка Миргорода. Видогост тоже это знал. Три сотни против тысячи — не тот расклад, чтобы угрожать.

Предельный князь Крайнестьчя развернул коня и поехал прочь. Волку ничего так сильно не хотелось, как приказать своим людям перебить отряд Булатовых, а их предводителя заковать в цепи. Или тоже убить. Но он помнил строгий приказ своего отца: никакой крови!

«Продажный холуй Древгорода, — подумал Волк. — Чтобы под тобой кобыла сдохла!»
«Домой, в Миргород, — решил Видогост. — Пусть эти подлюги в одиночку со Строговыми воюют. Чтобы им всем Невита улыбалась!»

Она горько плакала. Первые две недели вообще не переставая. Даже во сне у неё непрерывно текли слёзы. Глаза её покрылись густой красной сеточкой, а кожа на постоянно сырых щеках сморщилась и стала шелушиться. «Не надо себя так мучить, — сказала ей Мирина, — всю красоту потеряешь».

Мирина приходила часто, почти каждый день. В первый раз Агата вообще не стала с ней разговаривать, лишь зло смотрела на неё сквозь солёные кристаллики слёз. Супруга Видогоста словно вовсе не заметила злобы своей воспитанницы. Лишь перед тем как уйти, ласково обняла её и нежно улыбнувшись, словно родная мать сказала: «Мы должны оберегать друг друга, у тебя ведь никого кроме меня нет». Она произнесла это таким мягким голосом, какого, возможно, даже родные дети Мирины не слышали. Но где-то со дна этих заботливых слов мелодично пропела стальная струнка, звон которой не оставлял никаких сомнений, что это приказ повиноваться.

Это было правдой. Самой честной и неотвратимой, какая только бывает. У неё никого нет, кроме Мирины. Её обманули. Её все оставили. Боги, Андрей, семья, Деян. Деян... Он повинна в его смерти. Это она, затуманив ему взор своей лаской и своими поцелуями, помогла Видогосту и Мирине привести его на окровавленную плаху. Туда, где он закрыл свои глаза навеки.

Через две недели стало немножко легче. Если не думать. Как только мысли цеплялись за образ мёртвого любовника, слёзы вновь возвращались и остановить их было очень трудно. Агата любила его. Но если совсем недавно она могла его обнимать и целовать, то сейчас он стал совершенно недосягаем, сгинув в мире мёртвых. Но разве может это убить любовь?

Понимая, что выбора нет, Агата вновь подружилась с Мириной. Та была очень добра. Агату вкусно и сытно кормили. Бывшая резиденция Видогоста, в которой Агата осталась единственным обитателем, хорошо охранялась. Мирина сказала, что пока Агата не родит и не оправится после родов, жить ей придётся здесь. Та не была против. Лучше в полном одиночестве, чем жить на виду у всех слушать чужие шепотки за спиной. Впрочем, это не было одиночеством пленника в сырой камере. В старой резиденции Видогоста жили ещё четверо охранников и около десятка дворовых людей.

Агата стала гулять по резиденции. Ей никто не мешал. Охранники, видимо имевшие строгий наказ молчать, ни на какие вопросы Агаты не отвечали. Зато дворовые люди были вполне разговорчивы и дружелюбны. Часто Агата стояла на стенах резиденции, и наблюдала оттуда за жизнью города. На княжеские хоромы она старалась не смотреть. Как только взор

задевал их стены и строения, сразу же вспомнился Деян Булатов. Тогда она очень долго плакала.

Агата не знала какая это была неделя. Но летнее солнце уже вовсю припекало с небес. С юга дули горячие ветры. Она вновь по привычке прогуливалась по пустым покоям, когда услышала со двора знакомый девичий голос. Это была Вера, сестра Деяна.

— Куда идёшь? — лениво спросил охранник, приоткрыв скрипнувшую калитку в воротах.

— К Агате.

— Чего-то ты раньше к ней не ходила, — охранник спрашивал просто так, от скуки, сестру покойного князя все стражники хорошо знали.

— Ну... Теперь пришла. Вот, гостинцев принесла ей. Хочешь один?

— Агата прислушалась, тихо крадясь на нижний этаж. Вера что-то достала.

— Хм... Фуфно, — зачавкал охранник.

— Я сама напекла! Всем понравилось. Бери ещё пару.

— Фпафыбо.

— А где Агата?

— Фам...

В чуть приоткрытую ставню, Агата увидела приближающуюся Веру. Та держала в руке большую корзинку, накрытую куском белой ткани. Шла осторожно, но решительно. Агата тихо поднялась по лестнице и беззвучно вошла в покои, располагавшиеся по соседству с её собственными. Вера поднялась по лестнице и шумно протопала к покоям Агаты. «Агата, ты здесь?» — Вера толкнула скрипнувшую дверь.

Агата зашла ей за спину. Та заметила движение краем глаза и повернулась. На несколько мгновений замешкалась. Потом сунула руку под белую ткань, порылась на дне корзинки и достала кинжал. Корзинку бросила в сторону. Та с шумом грохнулась о доски пола, посыпались пирожки. Один, закрутившись, врезался в стену и откатился к ногам Агаты.

— Убью!!! — Вера резко дёрнулась, но почему-то осталась на месте.

— Убьёшь? — Агата смотрела совершенно равнодушно.

— Да!

— Это очень хорошо.

Как знала Агата, Вера Булатова всегда была очень доброй и мягкой. Она болтала без умолку, пересказывая все возможные сплетни, какие только блуждали по городу. Но всегда делала это совершенно беззлобно, не испытывая к героям своих кривотолков ничего кроме весёлого любопытства. Чтобы решиться взять кинжал, и прийти убивать свою подругу, у Веры обязана была быть не просто причина. Эта причина должна была долго терзать девушку изнутри. Агата знала о ней, но не стала называть её даже мысленно. Такое неосторожное прикосновение сулило новый приступ жестоких страданий.

— Агата, ты что, полудурья? — на лице Веры вместо горевшего секунду назад гнева, выступило недоумение. — Что значит «очень хорошо»? Я сказала, что убью тебя!

— А я сказала, что рада этому, — Агата говорила чистую правду. — Зарежь меня прямо в сердце. Или можешь перерезать мне горло. Я буду рада любому твоему выбору.

— Обмануть меня пытаешься?! — Вера обхватила рукоятку кинжала обоими руками, делая последнюю попытку разжечь затухающее пламя злости. — Из-за тебя умер Деян. Мой брат! Я думала, ты любишь его... Я думала, что он тебе дорог. Что ты станешь его женой, а

ему отрубили голову!

То, о чём не следовало думать, если хочешь сохранить ясную голову, по неосторожности Веры само ворвалось в разум. Вихрь ярких образов парализовал Агату. Деян, Деян, Деян. Деян! Деян... Девушка обхватила лицо руками и, прижавшись спиной к стене, медленно сползла на пол. Раздался звон — Вера обронила кинжал. Опустилась к Агате и обняла её. Под коленкой Веры ляпнул размазанный по полу пирожок. Она не заметила. Подруги долго сидели обнявшись и плакали.

Прошло около получаса. Или час. А может даже больше, никто из девушек не сказал бы точно. Когда слёзы иссякли, они просто молчали. Вместе всё переживается легче, и горе не исключение.

— Он погиб по моей вине, — проговорила наконец Агата.

— Не надо так, — возразила ей Вера. — Мужчины сами выбирают свою судьбу.

— А ты правда хотела меня убить?

— Правда... Мне говорили, что во время казни ты была рядом с Мириной. И ещё недавно она сама рассказала мне, что у тебя всё хорошо. И вы с ней очень дружны.

Агата взяла ладонь Веры и положила её себе на живот. Он заметно округлился. Вера открыла рот и посмотрела на подругу. Ощупала её живот двумя руками, словно не веря.

— Да. Да, у меня будет ребёнок от Деяна. И Мирина это знает.

— Но ведь...

— Они убили Деяна. Им ничего не стоит убить и нашего ребёнка. Я просто должна всячески показывать ей своё дружелюбие.

— Неужели она позволит тебе родить?

— Да, позволит. Но потом его увезут на воспитание в храм Агуна и Кесы. И моё дитя никогда не узнает, кем были его отец и его мать. Но хотя бы ему сохранят жизнь.

— А Мирина не обманет тебя?

— Я не знаю, — призналась Агата. — Но выбора у меня всё равно нет. Вера! Помоги мне сохранить ребёнка твоего брата. Пусть после Деяна хоть что-то останется в этом мире.

— Да, да, конечно! Я сделаю всё что возможно ради тебя и него.

— Мы должны будем угождать Мирине. Стать её лучшими подругами.

— Я сделаю всё, не сомневайся! — Вера крепко обняла Агату, желая передать ей свои силы и укрепить её уверенность. — А кто у тебя будет?

— Ну откуда же мне знать? Девочка, наверное. У вас, Булатовых девочек очень много.

— У Мирины с Видогостом сыновей больше.

— У Мирины... Она Строгова. Кровь державных князей!

Посередине реки Лантины есть небольшой островок. Около половины полёта стрелы в длину и полтора десятка шагов шириной. Деревья и кусты на нём не растут. Лишь тут и там торчат из песка пучки травы, да мерно текут мимо тёмные воды. В первый день своего пребывания здесь Всеслав высадился на островке и обошёл его вдоль и поперёк. Речной песок, травинки и вода кругом. Ничего примечательного.

Но островок этот был известен. Выше по течению, в одном дневном переходе от него, располагался Чёрный курган, на поле близ которого была одержана знаменитая победа. Ниже по течению были броды, на которых Чернек Озеров разбил вспомогательные силы врага, опоздавшие к главной битве.

Три дня подряд Всеслав стоял на левом берегу Лантины, и молча вглядывался в противоположный берег и этот островок. Отвлекался лишь на еду, молитву и сон. Остальное время стоял и смотрел. Его уговаривали уехать, что толку пропадать здесь? В Древогороде столько неотложных дел. Наблюдая за тихим течением реки, Всеслав стал опасаться, что лишился рассудка. В самом деле, его враги собирают войска, готовятся к войне, а он стоит здесь и рассматривает песчаный островок. Но тем не менее Всеслав надеялся. В этой бесконечной веренице ударов, Элай должен был вырвать у древних богов хоть что-то, могущее помочь молодому державному князю в его борьбе.

На четвёртый день Единый бог услышал его молитвы. Солнце приближалось к полудню, когда на противоположном берегу из леса выехала группа конников. Это были разведчики. Заметив расположившийся лагерь отряд Всеслава, они помахали ему своими пиками, и вновь скрылись среди деревьев. Час спустя на берегу показалась примерно сотня тяжёлой конницы. На бледно-голубом поле их знамени скрестились копьё, меч и топор. Волковы.

Прошуршав дном по песку, лодка уткнулась носом в островок. Всеслав, разметав в разные стороны брызги воды, вылез на берег. С противоположной стороны на островок высадился Олег Волков. Державный князь приказал лодке возвращаться на свой берег. Двое дружинников, скрипя вёслами в бронзовых уключинах, поплыли назад. Немного подумав, Олег Волков, также отослал свою лодку. Князья остались наедине. Бойцы обоих отрядов их хорошо видели, но слышать не могли.

Владыка Рустовесского государства и предельный князь Солоплажа некоторое время стояли молча. Рассматривали друг друга. Круглое лицо Олега Волкова светилось безмятежным спокойствием. Голубые глаза смотрели слегка вопросительно. «Что же, обычных приветственных слов, похоже, не будет, — понял Всеслав, — нужно начинать с того, что есть».

— Почему ты прибыл сюда? — спросил державный князь.

— Ты пригласил меня на разговор в такое необычное место, — Олег указал на островок и обступившие его воды реки. — Мне стало любопытно.

— Любопытство очень хорошее качество. Я тоже ему подвержен.

— В самом деле?

— Да, — Всеслав заговорил твёрже. — Мне вот интересно, почему ты до сих пор не приехал в Древогород, присягать мне на верность?

— На верность тебе? — усмехнулся Олег. — Меня пока волнуют другие заботы.

— Защищать державную власть — вот первая забота любого князя. После смерти моего отца все предельные владыки обязаны приехать в Древогород и присягнуть его наследнику. Предавшие этот древний обычай жестоко за это поплатятся.

— Да, именно так сказано в Законах мудрости. Но чтобы карать, нужно иметь сильное войско. А что есть у тебя сейчас? — Олег говорил спокойно, всем видом подчёркивая, что лишь приводит сухие доводы.

— Есть повод думать, что моё войско ослабло?

— Нет. Вовсе нет. У тебя очень сильное войско, Всеслав. Много опытных офицеров. Но вот положение в котором оказался твой Дом очень безотрадно.

— Неужели? — Всеславу стало интересно, насколько князь Волков осведомлён о раскладе сил.

— Разве я не прав? Вы одни, а кругом враги, которые собираются с силами. Юрьевы и Озеровы уже сговорились, они не стесняясь готовят войну. С ними все дружины храмов

Пресветлых богов. Это не так уж и много, но четыре тысячи обученных воинов лишними не бывают. А если добавить сюда денежные возможности мудрейших и их влияние на умы и души, то перевес уже на стороне твоих недругов.

— Есть ещё что-то?

— Конечно, есть. Деян мог стать хорошим князем, но после его казни Видогосту не остаётся ничего другого, кроме войны против тебя. Только победив тебя он может узаконить своё восшествие на престол. Уверен, что сейчас новый предельный князь Крайнесточья сговаривается с Озеровыми и Юрьевыми.

— Ты не упомянул Клыковых.

— О них я помню. Думаю, Ростих верен тебе и вступит в войну на стороне державного князя. Но что они смогут? Войско у них маленькое, земли их очень бедны. Большой помощи от них не будет. Да и ты сам...

— И что же со мной не так?

— Не хочу тебя обижать, но ты совсем не твой отец. Лесьяра Строгова все любили и уважали. А кто не любил и не уважал, тот боялся и сидел тихо. Ты же не отличился ни в делах страны, ни в военных походах.

— Да, ты прав. Но и войн ведь не было. О тебе, Олег, тоже песен не поют.

— Где ты был в триста девяносто шестом году, во время войны?

— А где ещё быть девятилетнему внуку державного князя? В Древгороде.

— Вот видишь. Когда ты сидел под юбкой у матери за высокими каменными стенами, я нёс знамя своего Дома в битве при Чёрном кургане.

— Я знаю это.

— Все знают. Против тебя поднялась вся Рустовесская земля. Заметь, что я даже не упомянул своего мнения и участия своего войска. Посуди сам, я просто могу сидеть в Удольчине и ничего не делать. Даже если ты по милости богов победишь, у тебя не останется сил, чтобы карать меня за провинность.

Олег Волков разбирался в положении дел ничуть не хуже самого Всеслава. Обиднее всего было то, что предельный князь Солоплажа прав. Возражать было бессмысленно. Строговых изрубят в капусту даже без вмешательства Волковых. Это данность. И что он может ей противопоставить? Ничего. Олег Волков покачал головой, намекая, что тема их разговора исчерпана. Несколько раз оглянулся на свой берег реки, высматривая лодку. Сейчас махнёт рукой и уплывёт отсюда. Больше они вряд ли увидятся. Можно угрожать, но это не поможет. Можно попытаться обмануть, но как обманешь в таких обстоятельствах? Тем не менее, Олег не поехал в Вежинский острог, хотя можно не сомневаться, что его туда звали. Он прибыл сюда, хотя всё безнадежное положение Строговых и так было ему хорошо известно. Всеслав поглядел на стрекозу, кружившую чуть левее его собеседника и сказал:

— Да, ты прав Олег. Дела именно таковы, как ты описал.

— Но ты всё равно готовишься к войне?

— Именно. Я пытался угрожать тебе. Но рад, что не получилось.

— Ты рад, что не смог запугать меня?

— Да. Я не доверяю трусам.

— Доверие подразумевает открытость. В чём она между нами?

— Я попал в очень трудное положение. Мой Дом ждёт тяжёлое испытание войной. Возможности победить почти нет.

— Хорошо, что ты понимаешь это. И не боишься признавать.

— Но я всё равно буду сопротивляться до последнего. Мой выбор таков. У тебя тоже есть выбор. Три дороги.

— Какие же? — Олег прищурил глаза, на лице его возник неподдельный интерес. — Расскажи мне.

— Это три пути. Два лёгких и один сложный. Твой Дом может присоединиться к Юрьевым, Озеровым и Булатовым. Но для чего? Никакой славы вам это не добавит. Как ты уже говорил, можно просто постоять в стороне и понаблюдать. Идеальный выбор. Для купца. Но разве дело воина сидеть в крепости, когда вся страна воюет? Да и что будет после поражения державной власти? Рустовесье распадётся на несколько частей. Наше государство, за единство которого наши с тобой предки четыреста лет бок о бок проливали свою кровь, развалится. Начнутся новые междоусобицы. Ради чего? Кому из жителей Рустовесья от этого станет лучше? Да ни кому! Лишь наши враги на западе и востоке будут радостно потирать руки.

— Да, Всеслав, здесь я с тобой согласен. Но каков же третий путь?

— Ты умный человек. Я уверен, что тебе уже давно понятно к чему я веду.

— Конечно, — согласился Олег. — Я давно понял о чём пойдёт беседа. Ещё когда прочитал твоё короткое послание. Но хочу услышать всё от тебя. Так что же, каков третий путь?

— Он очень трудный, но достойный. Ты примешь элаитство, присягнешь мне по обрядам новой веры, после чего мы вместе вступим в войну против мятежных Домов. Это путь опасный и кровавый. Наши враги хитрые политики и талантливые полководцы. Их пределы занимают весь центр Рустовесья. У них много воинов. Мы с тобой не так опытны, наши земли не так тесно лежат. Но наша цель более достойна. Мы будем сражаться за единство государства. Как всегда делали Строговы и Волковы.

— И Клыковы, — улыбнувшись, подсказал Олег.

— Совершенно верно! Клыковы тоже будут с нами. Сейчас на трёх наших домах лежит огромная ответственность за будущее Рустовесской земли.

— Да, ты прав. Но я не спросил тогда твоего отца, поэтому спрошу тебя. Почему нужно переходить в элаитство? Ведь благая вера столетиями хранила нашу страну.

— Всё правильно. Благоверие помогло выжить в Эпоху Падения. Оно помогало строить державу и охраняло её четыреста лет. Но теперь благая вера сделалась помехой. Благоверы мешают расширению знаний. Храмы сберегли знания предков. И это прекрасно! Но они не желают давать нашим познаниям двигаться дальше. Сколько тайн они скрывают! Ведь не счесть вопросов, на которые интересно узнать ответы. В единой стране, под охраной могучего войска, учёные люди могли бы ими заняться. Но в разодранной на части державе, подвергающейся набегам внешних врагов, кому будет дело до вопросов мироздания?

— Ты правильно говоришь, — задумчиво проговорил Олег, выстукивая пальцами левой руки какой-то ритм на рукояти меча. — Столько вопросов, а ответов не сыскать. Уже четыреста лет цветёт Рустовесское государство. А раньше, что здесь было раньше?

— Вот и мне было интересно! — с воодушевлением подхватил Всеслав. — Всегда приводят какую-то мудрость и добавляют: «так говорили Древние». А кто были эти Древние?

— Заметь, в каждом пределе есть какие-то руины. То ли города там были, то ли ещё что-то. Я специально любопытствовал, вычитывал, считал. Известных таких мест примерно полсотни на всю страну.

— Ого, — с уважением воскликнул Всеслав. — Ты даже считал?

— Да. Там, конечно, не точно. Потому что я опирался на книги и рукописи. На самом деле таких мест намного больше. Какие-то были раздавлены Великим Ледником. Какие-то заросли дремучими лесами. Но сколько же их было всего?

— Даже страшно представить, — подтвердил Всеслав. — В Гужвоземье есть русло пересохшей огромной реки. Так вот, там сохранились остатки плотины.

— Я читал о ней.

— Читал? А я её видел своими глазами. Она разрушена и поросла деревьями, но всё равно выглядит внушительно. Какое мастерство нужно ремесленникам, чтобы такое соорудить? А сколько требуется людей?

— Поневоле задумаешься, что в древних легендах есть правда. Знаешь ведь легенду о железном небе?

— Конечно, знаю.

— Когда-то небо было железным, а люди катались по нему на особых повозках, — Олег Волков задумчиво поглядел на громады облаков, висевшие над их головами. — Может оно и в самом деле когда-то было железным? Быть может и правда, Земля круглая, раз так сказали Древние?

— Возможно, — согласился Всеслав. — Чтобы построить столько городов, столько разных сооружений, нужно знать какие-то заклинания. Вот как они воевали? Видел в древгородском арсенале Боевой жезл Древних?

— Да, твой отец мне показывал. Я читал, что таких много сохранилось.

— И вот как такой штуковиной драться? Ни лезвий нет, ни на дубину не похож. Колдовство особое, точно тебе говорю.

— Это ещё что. Представь такое: большой железный щит, — Олег широко развёл в разные стороны крепкие руки, показывая приблизительные размеры. — В нём прорезь и там здоровенная железная труба. А по бокам какое-то круглое гнильё. Ну, наверное, когда-то колёса были. И это тоже оружие Древних. У наших соседей, Вечерних королей, в одном из их замков хранится.

— Механизм, — задумчиво произнёс Всеслав, почесав укушенную слепнем шею. — Они умели что-то такое делать. Мне купцы рисунок показывали. Из стран Содружества Единого привезли. Железный слон. Ну слон, это такой...

— Да, я знаю такого зверя. В наших краях не водится, — посмеялся Олег.

— Так вот, этот тоже такой с длинным носом. Голова посередине туловища и колёсики железные по бокам. Говорят, что внутрь залезть можно. Механизм! Механизм и колдовство. Вот что Древние знали!

— Однако, это не спасло их мир от гибели. Даже их слёзы стали стеклянными.

— «Слёзы Древних», — кивнул Всеслав. — Если бы только они... Есть места, где в земле лежат несметные тысячи человеческих костей.

— Да, крах их был страшен...

— Мы никогда не узнаем всей правды о Древних. И никогда не сможем создать таких же механизмов. Но победив, мы позволим учёным людям постепенно разгадать все тайны мира. Дадим им возможность постигать неведомое в сильном и спокойном Рустовесском государстве. Олег, будь моим союзником. Вступай в войну на моей стороне!

— Всеслав, я подумаю над нашей сегодняшней беседой. Но чтобы не разочаровываться, не питай пустых надежд. Я ничего не буду тебе обещать.

Когда лодка с двумя сидящими на вёслах дружинниками, повезла владыку Солоплажа на правый берег, Всеслав ещё некоторое время стоял и наблюдал за ней. Потом повернулся и пошёл к своей лодке. Политические игры и переговоры заканчивались. Начиналась война.

Глава 6 Клятва

Горожане были спокойны. Никто не вёл упаднических разговоров, никто не сеял панику. Продолжалась обычная жизнь. Но по улицам Древгорода растеклось невидимое глазу, но явственно ощущавшееся кожей тягостное напряжение. Вроде всё как всегда, но слишком уж усердно куют оружейники мечи и топоры. Мастера брону, щиты, прилаживают железные острия к копьям и стрелам. Как ни в чём не бывало ходят люди на базар. Но слишком уж люто изнуряют себя тренировками княжеские ратники. Обычные летние дни тянутся вереницей нескончаемых дел и забот. Но все знают, что беда близко. Не зря томятся ожиданием снаряжённые гонцы державного князя, готовые по первой команде вскочить в седло и мчаться по станам созывать воинов.

Молодой державный князь непрерывно проводил военные советы со своими офицерами. Отправлял их тренировать военные отряды. Думал в одиночестве. Советовался с братом и с каждым офицером в отдельности. Вновь проводил общие советы, опять гнал старших офицеров упражняться с бойцами. Когда голова переставала соображать, глаза начинали слезиться, а спина болеть от сидения над чертежом, сам отправлялся на плац к Старшей дружине. Дни шли.

Мнения военачальников разделились. Одни говорили, что нельзя отдавать почин в руки врага. Другие утверждали, что у Строговых сейчас слишком мало сил, чтобы начинать действовать в одиночку. Только отправь ратников в какой-нибудь предел, получишь удар в спину с противоположного направления. Всеслав понимал, что правы и те, и другие. Но как быть? Правда пока никто из врагов не делал первый ход. Дни тянулись нескончаемой вереницей.

Задумки на случай различного развития событий уже были готовы. Каждый знал своё предназначение. Лишь ежедневно собирались офицеры и докладывали державному князю о том, что заготовлено для войны за истекший день. После поочерёдных отчётов Всеслав позволял беседе идти в любом направлении. Но оно всегда было одно — война.

— Храмовые дружины стягиваются в Густошумье, — озвучил всем известное Вадим Камушкин, князь-воевода Младшей дружины. — Юрьевы уже почти готовы. Скоро к ним Озеровы придут. Нужно идти вперёд и бить по частям!

— Лучше дождаться, когда соберутся, — возражал ему князь-воевода Поместного войска Игорь Строгов, — и прихлопнуть всех разом!

— Согласен! — Лютогост давно горел желанием вступить в бой.

— Мы сможем их прихлопнуть только если Булатовы не подойдут, — отметил Кари Слетаев.

— Что известно о Булатовых? — спросил Всеслав Степана Глазкова.

— Войско они пока не собирали. Но сами понимаете, государь, такие расстояния. Если начнут созывать дружины, мы не скоро узнаем.

— Да, это точно.

— Государь, как прошли переговоры с Олегом Волковым? — князь-воевода Железного войска огласил всеобщее любопытство.

— Нормально, — покачав кистью руки в воздухе, неопределённо ответил Всеслав.

— Нормально... — раздражённым шёпотом повторил Вадим Камушкин.

— Поверьте, что если бы всё прошло хорошо или плохо, то я бы вам сразу сказал.

В дверь Ратного Зала вошёл стражник. Обращаясь к Всеславу, громким поставленным голосом отчеканил:

— Государь, к Вам гонец из Хладоручья.

— Из Хладоручья? — не поверив своим ушам переспросил Всеслав.

— Так и есть, из Хладоручья.

— Немедленно его ко мне!

Гонец Тайной стражи выглядел уставшим. Лицо его заросло густой щетиной, от тела шёл плотный запах пота, коня и дорожной пыли. Однако, он не производил впечатления человека, терпевшего лишения слишком долго. Посыльный поклонился и протянул Всеславу запечатанный берестяной туес. Державный князь покрутил его в руках и, чуть помедлив, спросил:

— Каким путём ты добрался до Древгорода?

— Через Солоплаж, государь. Меня задержал в Удольчине князь Волков.

— Ты сидел в темнице?

— Нет, меня приняли вполне радушно. Но потом отобрали коня и приказали оставаться в гостях.

— Князь Волков так и сказал, «в гостях»?

— Да. Меня разместили в казармах Старшей дружины. Со мной всегда был кто-то из офицеров. Но вели себя вежливо и письмо отобрать ни разу не пытались.

Всеслав кивнул гонцу и тот удалился. Державный князь вскрыл туес и внимательно прочитал письмо. Окружавшие вопросительно смотрели, ожидая известий с севера.

— Ростих Клыкков на нашей стороне, — сказал Всеслав. — Он принял элаитство и готов вступить в войну.

— Хоть кто-то за нас! — воскликнул Лютогост.

Вызвали писаря и Всеслав надиктовал ему послание. Клыкковым предписывалось попытаться отвлечь на себя хотя бы часть сил Хотена Юрьева. Когда на горячий воск, скрепивший бумагу, Всеслав поставил печать Великого Дома, в Ратный зал вошёл один из офицеров Дворцовой стражи.

— Князь, дозорные на стенах заметили сигнальные костры!

— Началось, — произнёс Всеслав.

— С севера?

— С востока?

— Нет, с запада...

— Волковы вторглись в наши земли! — воскликнул Кари Слетаев.

— Значит Волковы, — покачал головой державный князь. — Ну что, все знают как быть. Такую возможность мы тоже предусматривали. Всех гонцов сейчас же в седло! Собираем войско.

Гонцы убыли немедленно. Два дня в державной резиденции царило нервное напряжение. Офицеры во главе с Всеславом решали где дать битву Волковым. Куда повести войско после сражения. Все склонялись к единственно возможному направлению — в Густошумье. На закате второго дня на военный совет явился еле живой урядник, начальствующий над разъездом Поместной стражи.

— Ну, не медли, — напустился на него Лютогост. — Какие силы у Волковых?

— Через Лантину переправилась только Старшая дружина.

— Старшая дружина, — то ли утвердительно, то ли с вопросом повторил Всеслав. — Он

едет присягать.

Стоявшие в карауле стражники с интересом поглядывали со стен Древограда на расположившийся в стороне военный лагерь. Жители посада тоже любопытствовали. Поодиночке и целыми семьями отправлялись посмотреть на крепких бойцов под знаменем Дома Волковых. Но близко не подходили, опасались.

Весь день Олег Волков простоял с группой дружинников у костра. Молча глядел то на каменные стены твердыни Строговых, то на пляшущие языки пламени. Поначалу бойцы пытались втянуть своего князя в разговор. Но когда поняли, что тот не склонен сейчас к беседам, оставили его в покое. Смеялись, шутили, спорили о чём-то серьёзном. Скоро им всем идти в бой. Собственно, поход уже начался. И уже сейчас рядом с князем ходят, разговаривают, едят и пьют те, кому не суждено больше увидеть родной дом. Выбор сделан.

Неизгладимое впечатление на Олега Волкова произвело участие в битве при Чёрном кургане. Когда он, подросток тринадцати лет от роду, нёс в той лютой сече знамя своего Дома. Олег хорошо помнил, как вся Рустовеская земля сражалась плечом к плечу. Как судьба битвы, казалось, была предрешена, когда полчища врагов прорвали центр войска и там погиб державный князь. Но Лесьяр Строгов сумел вырвать победу из рук врага. Олег Волков всю жизнь восхищался им. Покойным державным князем не восхищались лишь те, кто его боялся.

Нынешний разлад был Олегу Волкову не по душе. Всякий раз он вспоминал неразрывные ряды рустовесских ратников, громивших врага в легендарной битве. Поэтому, прочитав письма от Чернека Озерова и Хотена Юрьева, предельный князь Солоплажа сжёг их в очаге. Смысл Вежинского содружества был ему противен. Но и молодому державному князю доверия не было никакого. Лесьяр мог усмирить непокорных в два счёта. А Всеслав?

Получив короткую записку с приглашением на беседу, Олег Волков заинтересовался. Это был любопытный ход молодого правителя. Во время разговора посреди реки владыка Удольчина увидел в державном князе ум и волю сражаться до конца. Олегу показалось, что промелькнула во взгляде Всеслава решимость Лесьяра Строгова на поле боя. Всеслав был начитан и умён. Интересовали его те же загадки, что и Олега. Никто не знает, сможет ли он командовать битвой как его отец, но теперь Олег твёрдо решил встать на сторону державного князя. Победа или поражение ждут их впереди, зависит теперь только от них самих и от воли богов. «Вернее бога, Единого бога, — поправил себя Олег, — для меня теперь бог должен быть только один».

Солнце склонилось к земле, окрасив зубцы каменных стен рубиновым светом. Посад уже стал тонуть во тьме. Олег пошёл в свой шатёр и вызвал походного слугу. Вместе с парнем явился Иван Волков, воевода Старшей дружины. Олег протянул слуге свой щит, затем сложил на него меч в ножнах, сапоги, кольчугу и шлем.

— Ступай в город, — сказал Олег. — Отдай это державному князю.

— Слушаюсь, господин.

— Значит свой выбор мы сделали окончательно, — улыбнулся Иван. — Может по такому случаю медовухи выпьем?

— Медовухи завтра будет хоть упейся, — устало ответил двоюродному брату Олег. — Ложись спать, воевода! Утром мы начнём вписывать свои страницы в хронику Рустовесья.

Всё началось рано утром, как только новорожденное солнце своим первым лучом рубануло по бело-серым громадам облаков. Пешие бойцы Старшей дружины Дома Волковых встали беспорядочной толпой на дороге у окраин древгородского посада. Над стенами поплыл торжественный гул боевых рогов. Хорошо смазанные петли ворот даже не скрипнули, когда стали открываться.

Сверкая начищенными до блеска доспехами, старшие дружинники Дома Строговых вышли из города и выстроились по обеим сторонам дороги. Они стояли на расстоянии вытянутой руки один от другого. На поясе каждого висел меч. В руках дружинники держали длинные копья. На одном конце этого живого коридора стоял в лаптях и одеждах простолюдина предельный князь Солоплажа. В конце пути восседал на высоком престоле самовластный правитель Рустовесского государства. Так предписывалось древним обычаем.

Олег вступил на дорогу и в ту же секунду в такт сердцу мерно застучал походный барабан. На каждый его удар предельный князь успевал сделать один шаг. Мимо него потянулись замершие строговские дружинники. Его собственные бойцы так и остались стоять в начале дороги. За спинами воинов вырисовывались деревянные домики посада. Жители разглядывали его с интересом. Стояла тишина. Лишь ухал вслед за сердцем барабан и шлёпали по дороге берестяные лапти.

Когда Олег проделал половину пути до ворот, тишину разорвал собачий лай. Шагов двадцать или тридцать дворовый пёс отчаянно заливался, пытаясь разрушить безмолвие людей и домашней животины. Но даже сородичи его не поддержали. Огорчённый пёс от досады завыл на знамя Великого Дома, развевавшееся над одной из крепостных башен. А потом снова стало тихо.

Пройдя внушительный тоннель ворот, дававший представление о толщине стен, Олег оказался в самом городе. Дома здесь были богаче, а горожане наряднее. Барабан всё так же мерно выбивал шаги. Вдали показались стены княжеской резиденции. Крепость в крепости. Уже было видно сидящего на престоле Всеслава, окружённого своими офицерами и телохранителями. Где-то там были и его домочадцы. Говорили, что недавно жена Всеслава родила ему сына. Дойдя до престола, Олег Волков опустился перед державным князем на колени. Слова древней клятвы знал каждый сын воинского сословия с самого детства. Предельный князь Солоплажа нарушил окутавшую стольный город тишину, провозгласив торжественным громким голосом:

— Я, Олег, сын Далибора из Большого Дома Волковых прибыл к тебе, Всеслав, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых со смирением и чистыми помыслами. Руки мои не держат ни щита, ни меча. Плечи мои не прикрыты доспехами. Голова не увенчана шлемом. Я прошу тебя, Всеслав из Дома Строговых, принять мою покорность и верность. Я возьму в руки щит, чтобы защищать тебя, твою крепость, твои земли, твою семью и твою веру. Я возьму в руки меч, чтобы обагрить его кровь любого твоего врага, не взирая на его силу, ловкость и численность. Я покрою свои плечи кольчугой, чтобы занять достойное место в твоём ополчении. Я клянусь платить дань, дабы умножать твои богатства. Клянусь в случае нужды делиться с тобой и твоим войском хлебом, водой и кровом. Моя земля — твоя земля. Моя вода — твоя вода. Мой дом — твой дом. Мои люди — твои люди. Моё войско — твоё войско. Моя жизнь — твоя жизнь.

Всеслав скинул с плеч алый плащ с серебряной звездой, спустился вниз, взял руки Олега в свои, и заговорил:

— Я, Всеслав, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых беру тебя, Олег, сын Далибора из Большого Дома Волковых под свою власть. Я принимаю твою покорность и верность. Я обязуюсь властвовать над тобой честно и благородно. Я беру тебя, твою крепость, твои земли, твою семью и твою веру под свою защиту и покровительство. У тебя всегда будет место за моим столом и в рядах моих воинов.

После этих слов Всеслав поднял Олега с колен и вручил ему его сапоги. Тот скинул берестяные лапти и надел на ноги красную кожу.

— Будь одним из моих подданных!

Вернул владыке Удольчина его кольчугу. Тот ловко надел её на плечи.

— Будь одним из моих воинов!

Вернул Олегу его щит.

— Защищай меня, мою крепость, мои земли, мою семью и мою веру!

Отдал предельному князю его меч.

— Обagri его кровью врагов моих!

Одел на голову князю его шлем.

— Являйся на зов мой незамедлительно и во всеоружии!

Раздался стройный гул десятков боевых рогов. Стоявшие в начале дороги дружинники Олега Волкова встали в один ряд с бойцами Всеслава, образуя общий строй. Державный князь протянул своему подданному кусочек хлеба и чашу воды. Олег отметил, что хлеб очень вкусный. Колодезная вода приятно освежала пересохший от громких речей язык. Предельный князь с аппетитом поглотил символическое угощение. В животе заурчало. Всеслав подмигнул ему, лёгким наклоном головы указывая на Большой зал, где столы уже ломились от приготовленных на несколько тысяч человек блюд. Оставалось завершить церемонию. Князья в один голос, как можно громче, провозгласили: «В этом мы клянёмся перед взором Единого бога. Да проклянет нас Элай, если мы нарушим свои обеты!» Впереди всех ждал пир до самого вечера.

Купеческая вдова Ольга, недавно оправившаяся от тяжкой болезни, наблюдала издали как шёл к державному престолу предельный князь Солоплажа. Она очень хотела умереть, но осталась жить. Почему? Как вышло, что она выпила яда в три раза больше, чем Лесьяр, но осталась жива? Это был знак.

Ольга видела, как вошёл предельный князь в ворота резиденции. Через несколько мгновений донеслись оттуда громкие слова торжественной клятвы. Элай послал одинокой вдове великую любовь к великому человеку, а потом убил его её же руками. Как говорил алхимик на богослужениях, у всего происходящего есть смысл. Ничего не творится просто так, на всё есть воля Единого.

Лесьяр Строгов был велик и могуч. От его голоса трепетали все враги. Да и врагов никаких не было. Страна жила тихо и мирно. Мирно решила перейти под защиту Единого. Всеслав просто ничтожество. Сейчас он затевает войну. Войну... Князья умеют только воевать. Над городом понёсся голос Всеслава, принимавшего клятвы своего нового подданного и дававшего ему свои собственные. Внезапно Ольга всё поняла. Ей всё стало ясно, будто окутанный мраком ночи лист бумаги озарился ярким дневным солнцем, и стали чётко видны все письмена. Князья умеют лишь воевать. Этим они сейчас и займутся, толкая страну в кровавое безумие. Значит те, кто строит и торгует должны взять в свои руки заботу

о Рустовесье. Да. Ольга сделает это, раз так велит Единый. И в память о любимом мужчине который всю жизнь заботился о стране.

Глава 7 В одном шаге

Войско Строговых и Старшая дружина Волковых вышли из Древограда после двух дней пиров и праздников. Время торжественных клятв и сборов закончилось, началась война. Чтобы победить врага, его нужно встретить в битве. А до места сечи ещё надо добраться. Ежедневная многочасовая ходьба — вот главная работа ратника вне поля боя. Хотя есть и множество других забот. Всеслав Строгов и Олег Волков шли во главе двадцати девяти с половиной тысяч воинов напрямик в Густошумье. Жаркое летнее солнце пекло с небес. Мимо бредущих ратников тянулись поля, засеянные хлебом, сменяемые густыми еловыми лесами. Поля, на которых зеленел картофель, сменяемые берёзовыми рощами. Сенокосные луга, сменяемые пустошами. Остроги, мызы, хутора с огородами. Всё это смешивалось и чередовалось нескончаемым потоком.

Всеслав объезжал походные порядки, давал распоряжения. Вид уверенного в себе державного князя приободрял бойцов. Хотя они предпочли бы видеть во главе рати его отца. Всеслав и сам бы этого хотел. Но выбора не было. За внешним спокойствием молодой правитель скрывал тяжёлые размышления. Сможет ли он достойно дать бой своим врагам? Хотен Юрьев и Чернек Озеров командовали сражениями ещё во времена нашествия киврийцев и Вечерних королей. У Всеслава такого опыта не было. Правда, его новый союзник, Олег Волков участвовал в битве при Чёрном кургане, о чём не уставал напоминать при каждом удобном случае. Но можно ли сравнивать знание, вынесенное из битвы бывалым предельным князем и тринадцатилетним знаменосцем? Лесьяр Строгов часто говорил со своим наследником о военном деле. Объяснял ему ратные тонкости и премудрости. Пошло ли это впрок, Всеслав сейчас не знал. Впрочем, просто вести войско у него получалось хорошо. Кари Слетаев, князь-воевода Железного войска даже невзначай похвалил племянника за искусное руководство походом. Но как будет в битве?

В условленном месте, там где тракт имел ответвление на запад, в сторону Солоплажа и Вечерних королевств, был сделан привал. Днём второго дня появились бойцы основного войска Волковых, ещё двадцать две тысячи человек. Теперь вся державная рать была в сборе. Более пятидесяти тысяч бойцов ликуя, приветствовали друг друга и славили своих предводителей. Всеслав приказал ставить общий лагерь и немедленно собрал военный совет.

— Итак, всеми отрядами нашего войска безоговорочно командую только я, — как о давно решённом сказал Всеслав.

Офицеры строговских полков согласно закивали, полностью одобряя решение князя. Командиры Дома Волковых вопросительно посматривали на владыку Удольчина. Олегу очень понравилась решимость Всеслава. У войска должен быть только один предводитель. У державного войска, соответственно державный князь. Но действительно ли Всеслав готов взять на себя такую ответственность или просто рисует перед своими офицерами? Олег решил проверить. Если Всеслав даст слабину, то он не позволит ему зазря погубить своих ратников. А то и вообще быть может стоит ему самому взять под свою руку и воинов Древограда тоже?

— Сомневаешься в моей способности командовать битвой? — улыбнулся Олег.

— Даже не думай, что я освобождаю тебя от руководства. В битве участвуют все. Но каждый отряд будет действовать только так, как я задумал и только с моего ведома. Я не спрашиваю разрешения и не советуюсь как мне поступить. Я говорю как будет. Это война.

— То есть мои люди будут выполнять только твои распоряжения?

— «Мои люди — твои люди, моё войско — твоё войско», — напомнил Всеслав слова клятвы верности. — Ещё раз, здесь нет «твоих», «моих», «его». Мы все здесь единое державное войско. Войском в битве буду командовать я. И мне нужна полная свобода в распоряжении отрядами. Это не обсуждается.

— Но ты никогда не командовал битвой.

— И ты, Олег, тоже не командовал битвой. Это не вопрос престижа. Мы не обсуждаем кому смотром войск руководить. Если бы здесь был полководец, подобный моему отцу, я бы без тени сомнения отдал ему под начало войско. Но таких нет. У меня есть план сражения, я знаю как победить. У тебя есть план, Олег?

— Нет...

— Поверь, если бы ты был опытнее меня, я бы без споров отдал рать тебе.

— Да, ты прав, государь — согласился Олег Волков.

Всеслав лукавил. У него не было чёткого замысла сражения. Он примерно представлял себе как будет вести бой, если получит под безоговорочное командование всю рать. И приблизительно знал как можно поступить, если Олег не отдаст своё войско. Но, кажется, тот согласился. Офицеры Волковых, увидев какое решение принял их князь, тоже одобрили Всеслава. Теперь нужно было показать всем правильность их решения.

— У Вежинского содружества, как наши враги себя назвали, есть Совет ратных начальников, — рассказал Всеслав. — Его создал Чернек Озеров. Там на равных правах он, Хотен Юрьев и воеводы храмовых дружин.

— Откуда вы это знаете, государь? — удивился один из офицеров Олега.

— У меня есть наушники в лагере врага, — хитро улыбнулся Всеслав.

— Так может они тебе и вражеский замысел на битву передали? — спросил князь Волков.

— К сожалению, таких сведений у меня нет. Но можно предполагать, что противоречия в их стане будут гораздо серьёзнее наших.

— Вряд ли, — возразил Вадим Камушкин, князь-воевода Младшей дружины Строговых. — Мои разведчики доносят, что их войско идёт общей колонной и останавливается одним лагерем.

— Супруги тоже спать в одной постели, но это ещё не значит, что у них любовь.

Офицеры сдержанно посмеялись.

— Так значит они перессорятся?

— Нет, — отрезал Всеслав. — На это не приходится надеяться. Но каждый будет гнуть в свою сторону. На этом нужно сыграть

— Я поддерживаю, — Олегу Волкову понравилась решимость Всеслава. — Воюем за единство Рустовесской земли, значит будем едины.

Всеслав объехал войска, проверив как ратники устроили лагерь. В опытности офицеров можно было не сомневаться, он был обустроен как надо. Золотое солнце, начавшее клониться к западу, стало едва заметно розоветь. Всеслав помышлял, захватить к бойцам своей Старшей дружины, побеседовать наедине с Лютогостом, но передумал. Слишком много сил отнял у него военный совет, хоть и шёл он совсем недолго. Зато он добился главного — смог подчинить всё войско своей воле. Теперь нужно было составить план сражения. Конечно,

князя-воеводы и полковники подскажут ему что надо, но начнут они с вопросительных взглядов и оценок тому замыслу, который уготовит их полководец. Однако сейчас мысли путались, он слишком устал. Всеслав отослал от себя сопровождавших его офицеров. Проехал мимо расположения Младшей дружины. В нос бил крепкий запах коней, который дополнялся вонью из выгребной ямы, принесённой горячим южным ветром. Всё-таки пятьдесят тысяч взрослых мужей, собранных в одном месте это не шутка! Завтра же нужно выступать.

Он подъехал к своему шатру и слез с коня. Его тут же увёл под уздцы подбежавший походный прислужник. Другой приблизился, чтобы помочь князю разоблачиться в шатре. Всеслав устало потянулся, разминая спину, когда подошёл Матвей Вяткин, пристав Знамённого отряда, личной охраны державного князя.

— В шатре Вас ждёт молодая женщина, — произнёс он негромко.

— Ждёт меня?

— Да, уже часа два или около того.

Всеслав остановился у полога и замялся. Какие ещё молодые женщины в военном лагере в шатре державного князя? Неужто Матвей решил угодить ему и привёл какую-то поблядушку? «Надеюсь, у неё хоть приятная наружность», — подумал Всеслав и отослал прислужника прочь.

В шатре после улицы царил полумрак, но глаза быстро привыкли. Оказалось вполне светло. Он завязал узелки полога, чтобы никто не входил. Только потом оглянулся. Молодая женщина сидела на его лежаке, подобрала под себя ноги. Одета она была в светлые мужские порты и женскую льняную рубаху, разукрашенную на рукавах и груди чёрно-красной вышивкой. Распушенные русые волосы её растеклись по плечам. Рядом лежал длиннополый плащ. Девушка крутила тонкими пальцами красную кисточку завязки, висевшую с воротника. Приветливо улыбнулась посмотревшему на неё Всеславу.

Молодой государь на мгновение едва не лишился дара речи, сделав над собой усилие, чтобы не раскрыть от удивления рот. Айра. Вот кого он точно не ожидал сейчас здесь увидеть, так это её. Девушка аккуратным движением завела прядь волос за ушко, обнажив красивую загорелую шею. Сразу видно, что работать под солнцем ей не в редкость. Всеслав расстегнул пояс с мечом и кинжалом, скинул красные сапоги и уселся на небольшое бревно, напротив лежака. Они долго молчали, глядя друг на друга.

— Что, не узнал меня, — наконец заговорила Айра, — или просто не рад видеть?

Пропевший нежным колокольчиком подзабытый звон её милого голоса мягко окутал лицо, наполнив грудь приятным теплом.

— Нет, что ты! Очень рад тебя видеть. Просто не ожидал. Приречный стан в двух днях пути отсюда.

Снова повисла неловкая пауза. Айра улыбнувшись, поправила волосы со лба. На ушках её он заметил покачнувшиеся бронзовые серёжки с маленькими красными висюльками. Те самые, которые он подарил ей когда-то. Или он дарил ей серебряные с зелёным?

— Ну... Расскажи, как ты здесь оказалась? — вопрос вышел слишком грубым.

— Мне жаль твоего отца, — Айра не стала отвечать на вопрос, сменив тему беседы. — Прими мою скорбь. Он был великим правителем.

— Спасибо. Все признают величие Лесьяра Строгова, даже те, кто никогда не знал его.

— Я его знала. Он говорил со мной.

— Ты шутишь?! Когда?

— Тогда же, три года назад, после того как мы с тобой расстались. Он как раз держал путь на север, за твоей невестой. Остановил ладьи у нашего стана. Мы говорили. Он был очень добр. Дал денег на приданное и нашёл мне мужа. Ему шестьдесят два года, — Айра звонко засмеялась. — Мой муж мог бы быть мне дедушкой.

Её весёлый смех вновь напомнил Всеславу о времени, проведённом ими вместе. Теперь понятно как Айра сюда прошла. Если отец виделся с ней, то начальник Знамённого отряда тоже её знает. До слуха долетел шум окружавшего шатёр военного лагеря. Всадник проскакал мимо на коне. Часовой окрикнул кого-то. Несколько топоров дружно кололи дрова и на их фоне десятка три голосов затянули песню. Шестьдесят два года... Выходит, он ровно на сорок лет старше Айры.

— И как тебе с ним?

— Он сердечный человек. Взял меня в жёны в моём положении. Я родила сына, Виталия, — Айра пристально посмотрела в глаза Всеславу, — через два месяца после свадьбы. Но моему мужу всё равно. Он уже был дважды женат, у него семеро детей. Поэтому он не побоялся меня брать. А другие испугались.

— Чего испугались, молвы?

— В молве пачкаются. А они затрусили растить ребёнка от наследника Рустовесского государства!

— Ну а твой муж, стало быть, по причине возраста бессилён и поэтому всё спокойно принял?

Айра брезгливо хмыкнула.

— У вас, парней, только своё на уме. Таких как мой муж мало, он очень добрый. И храбрый. В прошлом году я родила ему дочь.

Этим Айра пресекла подозрения Всеслава в немощи её супруга. Князю понравилось как тонко она это сделала. «Нужно перевести беседу на другое, — подумал Всеслав, — Айру подмывает продолжить разговор про их сына».

— Рад, что у тебя всё так хорошо. Мне отраднo это слышать. А у меня вот не слишком сладко.

— Что же так, жена тебя совсем не любит?

Всеслав засмеялся. Ему всегда было забавно, что женщины в первую очередь думают о делах в доме, а мужчины о событиях за его порогом.

— Что смеёшься?

— Нет, с женой у меня всё хорошо. Просто у меня тут война началась. Неизвестно чья возьмёт.

— Желаю тебе победить.

— Другого выхода нет. Проиграю — погибну.

По лицу Айры прошёл искренний испуг. Или просто так показалось из-за густеющего сумрака?

— Я знаю про войну. Мой муж поехал в разведку, путь для твоего войска разнюхивать.

— Подожди, в какую разведку? Бойцов с пятидесяти лет вычёркивают из списков дружины.

— Вычёркивают, да. Вот только дома ему скучно, он всю жизнь в походах провёл. Два его сына в Младшей дружине служат. Конь у него есть, оружие тоже. Сел да поехал, кто ему запретит? Он меня и не спрашивал. Я только упросилась вместе с ним до сельца доехать, где у меня родня. Тут рядом совсем. Моя тётка двоюродная за детьми пока смотрит. А я... —

Айра смущённо улыбнулась, — Поговорить тебе решила зайти... Там почти все девки к твоим ратникам бегают.

Они познакомились пять лет назад, когда Всеслав охотился на берегах Рустовеси к северо-западу от Древгорода. Совершенно случайно они набрали на кучку крестьянских и ратных девиц, собиравших в лесу чернику. Среди них была Айра. Многие дивчины охотно разделяли ложе с молодыми князьями. Всеслав не раз пользовался их благосклонностью на охотах. Айра не была красавицей, но улыбка её и манера держаться очень пригрели сердце молодого наследника Рустовесской земли. Они полюбили друг друга и встречались почти два года. Частые поездки старшего сына «на охоту» не укрылись от внимания Лесьяра Строгова. Отец не возражал. Но когда пришло время жениться, Всеслав расстался с Айрой. Никогда не думал, что увидит её снова. Но она пришла сама.

— Твой сын очень похож на тебя.

— Мой сын в Древгороде с моей женой. И я не знаю похож он на меня или нет. Младенцы все одинаковые.

Айра презрительно сморщила носик. Глаза её сделались жёсткими.

— Значит не хочешь признавать, что у тебя есть ещё ребёнок от меня?

— Да, у меня есть от тебя сын. И что? Какого признания ты хочешь? Мне забрать его и увезти в Древгород? Вряд ли тебе такое понравится. Или тебя мне тоже забрать в столицу?

— Вот так вот значит, да? Как в постель девушек таскать так хоть веником вас отгоняй, а сына признать никто не хочет!

— У нас с тобой сын. Дальше что? Мне огласить об этом на всех углах? Вряд ли жизнь после этого станет лучше и справедливости в ней прибавится.

— Какие надменные речи... Мне стыдно, что я отдала тебе своё девичество! Это негодяйство с твоей стороны.

— Да?

— Да!

— Но разве я забрал твою девственность силой или купил её за деньги? Ты ведь всегда знала, что мы с тобой разного положения.

Айра резко выбросила перед лицом правую руку, схватив кружившегося рядом с ней комара. Раздавила его в ладонях, скатала пальчиками и бросила чёрный комочек к ногам Всеслава.

— Ты бесстыдный жестокий человек! Таким как ты ничего не стоит убить тысячи. Конечно, ты ведь никогда не узнаешь, что значит выносить и родить хотя бы одного. Поэтому тебе всё равно. Мой муж лучше тебя!

— Это очень хорошо. Мне радостно за вас. У твоего супруга молодая жена, сын и дочь. Замечательно.

— Да! А ты паскудник.

— Больше почтения, — твёрдым голосом осадил разошедшуюся женщину Всеслав. — Я тебе ровней никогда не был. А сейчас, как ты знаешь, я вообще державный князь.

— Подумаешь, — хмыкнула Айра, слегка выгнувшись, так что под узором рубахи едва заметно качнулись притягательные округлости груди. — Большие князья, малые ратники, пехотинцы, даже хуторские чернородцы. Разницы никакой нет. У всех вас, молодцев, отрада одинаковая. Помахать вволю мечом или кулаками, выпить хмельного, да снюнку свою первой попавшейся девице в щель запихать.

Айра обожгла Всеслава увлажнившимся взглядом и облизнула кончиком языка верхнюю

губу. Князя обдало жаром.

— Смотри, распалишь меня своей стрекотнёй. А в этом шатре первая попавшаяся мне щель будет твоя.

Всеслав подошёл к ней вплотную. Айра поднялась. От неё веяло теплом и здоровым ароматом молодого женского тела. Так близко друг к другу они не стояли уже три года. На голову ниже князя, она поглядела снизу вверх. Тот же взгляд. Она притягивала его к себе и через мгновение Всеслав понял, что уже не сможет себя удержать. А, главное, не хочет.

— Обалдуй, я не за тем сюда пришла! Я хотела рассказать тебе про твоего сына.

— Без разницы. Если твой муж узнает, что ты ходила в военный лагерь, он тебя побьёт. Так может, пусть хоть не зря потом синяки носить?

— Что, жена тебя перед походом не приласкала?

— Приласкала, куда же без этого.

— Вот и прикажи проводить меня отсюда!

Айра схватила с пола накидку, Всеслав придавил тряпицу ступнёй. Она попыталась выдернуть её из-под его ноги, но Всеслав уже держал Айру за оба запястья. Девушка отпустила накидку. Замерла на несколько мгновений, а потом приподнялась на цыпочках и припала к его губам. Всеслав прижал Айру к себе. Она охнула и, не отрываясь от его губ, нетерпеливо сняла с князя одежду. Всеслав развязал поясок на её талии под рубахой и бывшие ей не по размеру порты опали на пол. Айра подняла вверх руки, позволяя любовнику снять с неё рубаху. Затем скользнула на ложе, увлекая его за собой. Всеслав взял Айру, поощряемый её чувственными вздохами.

— Я так скучала по тебе, — сказала она, глядя его щёку, когда они оба наконец отдышались. — Когда ты выступаешь с войском?

— Завтра.

— Тогда я не дам тебе спать до самого рассвета, — Айра прижалась к его телу своей обнажённой плотью.

— Мне нужны силы, чтобы победить. Чтобы не погибнуть в бою.

— Ты не погибнешь, любимый. Ты победишь в войне. А я рожу тебе ещё сына.

Айра стала ласкать Всеслава, вновь пробуждая его желание. «О... Все... слав... Ещё да!», — простонала Айра, когда молодой князь снова вошёл в неё.

Указательный палец Хотена Юрьева упёрся в участок чертежа, на котором было обозначено местечко на границах племенного союза густашумцев. Чернек Озеров, воеводы храмовых дружин и прочие офицеры внимательно посмотрели на подробно расписанную карту, лежавшую на походном столе.

— Вот, — князь Юрьев постучал ногтем по грубой бумаге, — поле у Каменного идола. Предлагаю дать бой именно там. Оно не слишком ровное, кое-где деревьями поросло, да и славой не очень хорошей пользуется. Зато там есть где развернуться. Лучшего места для битвы в здешних местах не найти. Иначе придётся отходить дальше на север. Другое большое поле в центре земель густашумцев. К чему нам отступать и давать им повод сомневаться в нашей силе?

— Да, место вполне подойдёт, — одобрил Чернек Озеров. — У кого-нибудь есть возражения?

Все согласились. Особенно полковники Поместного войска Юрьевых из числа самих

густашумцев. Тогда владыка Старогуля решил затронуть другой вопрос.

— Итак, давайте определимся, кому вести войско в бою, — сказал Чернек.

— Что значит, кому вести? — удивился Хотен Юрьев. — Нам всем и вести.

— Я полагаю важным избрать только одного полководца с правом распоряжаться всеми войсками.

— И Вы, князь, конечно же предлагаете себя на эту должность? — уточнил воевода дружины храма Агуна и Кесы.

— Именно так.

— Чернек, при всём моём уважении к тебе и твоим способностям полководца я не могу тебя поддержать, — возразил князь Юрьев.

— Вот как?

— Вы ведь сами предложили создать Совет ратных начальников, — подал голос предводитель воинов из храма Аурина и Зары.

— Да, но в битве у войска должен быть только один полководец.

— Зачем зря спорить? Вы внесли предложение, так давайте решим вместе как нам быть.

Замысел Чернека Озерова поддержали только он сам и воевода Храмовой дружины Юма и Живы. После долгих споров, Совет походных командиров дал Чернеку Озерову право осуществлять только общее руководство в битве. «Клопы мерзкие, — мысленно обозвал князь Озеров храмовых воевод. — Есть по сути не выше, чем полковники, а гонору больше, чем у предельных владык».

— Ну... Спасибо за сытное угощение, Ольга!

Виктор, купец, занимавшийся дорогими тканями и украшениями, блаженно похлопал себя по пузу. До того как муж Ольги погиб в Полуденном море от рук мирлийских разбойников, они были очень дружны. Потом Виктор оказал помощь её сыну, когда тот взял на себя отцовское дело. Но с тех пор, как Ольга сошлась с Лесьяром Строговым, они не общались.

— Ну это не меня надо благодарить, а кухарей моих. Хорошо готовят.

— Вот как? — засмеялся Виктор. — А сама-то ещё не разучилась стряпать?

— Нет, не разучилась. Только зачем мне это?

— Верно, верно...

— Еда лишь дополнение. А что скажешь по поводу самой нашей встречи?

— Что сказать, — вздохнул Виктор, отхлёбывая густое пиво из резной деревянной кружки. — В общем-то я с тобой согласен. Но ты предлагаешь пойти против державной власти.

— Не против, а за неё.

— Вот как?

— Смотри сам. Мы в одном шаге от войны. Всеславу не победить, он сопьяк и ничтожество. При его отце были мир и спокойствие, а сейчас? Всеслава скоро разобьют и он прибежит обратно в Древгород. И мы заставим его принять все наши условия. Мы, купцы и ремесленники, должны взять на себя часть заботы о государстве. Всеславу придётся уступить.

— Да, но какими силами? За ним всё войско.

— У нас есть наши отряды, наши боевики.

— Ольга, ты женщина и может быть не очень хорошо понимаешь. Боевики хорошие и свирепые люди, но они не для полевых сражений. Один на один, такой воин вполне может победить княжеского дружинника. Но вот в большой сече.

— Я всё понимаю. Во-первых, мы не будем вести никаких полевых битв. Мы поступим иначе. А во-вторых, война началась. Почему бы под этим предлогом нам не увеличить численность наших отрядов?

— Ты хочешь пройти между огнём и пропастью. Ударить по князю, но сделать государство сильнее. Это очень опасно, — Виктор размышляя, почесал пальцем висок, глянул, что осталось под ногтем, сморщился и, наконец, громко хлопнул ладонью по колену. — Но мне нравится!

— Я рада, что ты меня поддерживаешь.

Ольга под села на скамью к Виктору. Придвинулась к нему, прижавшись бедром и улыбнулась, глядя в глаза.

— Вот этого не надо, Ольга.

— Я же тебе когда-то нравилась.

— Нравилась, — согласился Виктор. — Но это было девятнадцать лет назад. И тогда ты была замужем за моим другом.

— Но теперь я не замужем. И что, я тебе не нравлюсь?

— Ты хорошо выглядишь. Но у меня есть жена.

— Которая меня старше.

И беззаконница у меня тоже уже есть. Ей в прошлом месяце исполнилось двадцать.

Виктор поднялся из-за стола.

— Теперь я беру всё на себя. Мы вдвоём не справимся, нам нужны сторонники. Я найду их.

Глава 8 Каменный идол

Офицеры прибыли в назначенное время. Чернек Озеров поприветствовал всех вошедших. Они ответили ему взаимностью. Лишь Онагост, воевода Храмовой дружины Агуна и Кесы, специально задержавшись, вошёл последним. Он тоже вежливо поприветствовал владыку Суломатъя, но спросил:

— Скажите, князь, почему военные советы мы всегда проводим именно в Вашем шатре?

— А почему нет, воевода? Ведь именно мне Совет ратных начальников доверил общее руководство битвой.

— Совершенно верно, князь. Но ведь мы все равны, не так ли? Значит каждый из нас вполне может предоставить свой шатёр для обсуждения планов. Поочерёдно. А то получается так, что все мы раз за разом ходим именно к Вам.

— То есть Вы предлагаете нам всем бросить жребий и ходить по лагерю в то самое время, как напротив нас стоит войско Всеслава Строгова? — Чернек указал рукой туда, где в противоположном конце поля обустроивали свой стан державные ратники.

— Нет, ну не обязательно...

— Воевода, — Чернек Озеров грубо перебил собеседника, — Вам нечем заняться, кроме как тешить свою гордость накануне решающей битвы?

— Я вовсе не...

— Ну хватит, — Хотен Юрьев, некоторое время с интересом наблюдавший за неожиданно возникшей перепалкой, наконец решил вмешаться. — К чему нам путать самих себя бесконечными переходами из шатра в шатёр? К чему зазря заставляя походных слуг таскать карты? Перед сражением, нужно думать о битве!

— Совершенно правильно. Ефим, — Чернек обратился к воеводе Храмовой дружины Юма и Живы, — Ты выполнил мою просьбу, договорился с Всеславом о времени начала битвы?

— Да, князь. Всеслав Строгов предлагает нам начать сражение завтра, в девять часов утра.

— Ну что же, — задумчиво протянул Чернек Озеров, обводя взглядом собравшихся, — я думаю мы примем предложение державного князя.

Возражений не последовало.

— И каков будет план битвы, князь? — неожиданно спросил Юрий, воевода Храмовой дружины Аурина и Зары.

— Прежде чем строить замысел, нужно хотя бы примерно представлять, как будет биться твой враг, — ответил ему Хотен Юрьев.

— Пусть почтенные воеводы храмовых дружин нам это поведают, — вставил Чернек, раздражённых наглостью храмовых предводителей.

— Мы ведём слишком малые силы, чтобы отвечать за всё сражение, — ко всеобщему удивлению сказал Онагост, отдавая тем самым главенство над битвой именно князьям.

«Давно бы так», — раздражённо подумал Чернек и едва не выругался вслух. Хотен Юрьев уселся на скамье за столом. Его примеру последовали остальные. Владыка Белошумья звякнул висящим в дорогах ножнах мечом, поправив перевязь левой рукой, и заговорил.

— Я считаю, что державное войско построится обычным манером. Железный центр, по краям от него поместные воины племенных союзов и конница на флангах. Как ты думаешь,

Чернек, — Хотен Юрьев демонстративно проигнорировал присутствующих на совете храмовых воевод, показывая им их настоящее положение, — я прав насчёт врага?

— Согласен с тобой. Вряд ли Всеслав станет мудрствовать и чудить. Я тоже ставлю на обычное построение врага. Возможно лишь, что против нашего правого крыла будет собрано чуть больше сил.

— С учётом того, что у державного войска больше конницы, — продолжал Хотен Юрьев, — уверен, что Всеслав именно её использует как главную ударную силу. А его пехота будет просто держать фронт.

— Каковы Ваши предложения, князь? — спросил Ефим из храма Юма и Живы.

— Я считаю, что наша конница должна будет сдерживать врага. А главный удар мы нанесём своей пехотой. Проломим державному князю лоб!

— Подожди, Хотен, — вмешался Чернек Озеров, — здесь ты не прав.

— Ты только что меня поддержал!

— Насчёт планов врага, безусловно. Но главный удар мы тоже должны нанести конницей.

— С учётом превосходства противника?

— Именно с ним! Мы должны будем нанести решающий удар именно конницей.

— Ты не прав, Чернек.

— Нет, это ты не прав. Я думаю...

— Постойте! — громко прервал разошедшихся князей Онагост из храма Агуна и Кесы. — Почтенные предельные владыки, я прошу вас не начинать перепалку. К чему нам шуметь? Давайте выскажемся поочерёдно. Раз первым заговорил досточтимый князь Юрьев, то пусть он и изложит нам свой план битвы. Потом выскажется князь Озеров. А потом скажем своё слово мы, храмовые воеводы.

— Согласен, — поддержал Онагоста Хотен Юрьев.

«Надо же, храмовые воеводы могут и дело сказать, а не только щёки надувать и кичиться своей важностью», — подумал Чернек Озеров.

— Я тоже согласен. Продолжай, князь, — сказал владыка Старогуля.

— Спасибо. Так вот мой замысел: конницу поставим на флангах, для прикрытия. А главный удар нанесёт наша пехота. При этом храмовую конницу распределим по флангам, а храмовую пехоту оставим в резерве, — при этих словах ропот прошёл среди воевод, но вслух возражать никто не стал. — Собственно, это всё. Теперь говори ты, Чернек.

— Мой замысел построен чуть иначе. Я предлагаю всю имеющуюся у нас конницу, в том числе и храмовую, собрать в один кулак на левом фланге. Да, у державников больше конных воинов, но не намного. Поэтому мы, если будем действовать быстро и решительно, сможем смять их и ударить в затылок. Против нашего правого крыла, как я думаю, Всеслав может бросить крупную пешую и конную силу. Поэтому, мы должны усилить его пехотой.

— Итак, у нас неразрешимая проблема, — сказал Хотен Юрьев.

— Ну... Почему же неразрешимая? — спросил воевода храма Сияя и Кипины. — Князь Озеров хочет бить конницей, князь Юрьев пехотой. Одно другому ведь не мешает.

Чернек покачал головой. Хотен немного пожал плечами. Юрий, воевода храма Аурина и Зары, о чём-то перешёптывался с остальными предводителями храмовых войск.

— Могут быть трудности, — заговорил Чернек, — но одновременный удар возможен. У меня лишь одно условие.

— Какое?

— Я хочу, чтобы конницу возглавил мой наследник Волк.

— Не возражаю, — ответил Хотен Юрьев. — Ну раз все вопросы улажены и план битвы готов, то я думаю, можно...

— Подождите, князь, — сказал воевода Ефим, — уговор был, что выскажемся и мы, военачальники храмов.

— О... Ну, если вы хотите высказаться, говорите.

— Спасибо. Мы, — заговорил от имени всех храмов воевода Юрий, — требуем не дробить храмовые дружины, а поставить нашу совокупную силу на правый фланг. Это очень почётно и заслуженно. Тем более, что по вашему общему замыслу главный удар должны будут нанести конное левое крыло и пеший центр.

— Вот как? — Хотен Юрьев озадачено почесал указательным пальцем правую щеку. — Ну... Хм... Что сказать? Я не против! Если вы хотите взять на себя правое крыло, то берите.

— Но у вас не хватит сил, чтобы его удержать, — возразил Чернек.

— Под нашим совокупным началом почти шесть тысяч ратников!

— Но если Всеслав бросит против вас усиленный отряд пехоты и конницы, то он может сломить ваши ряды. Скажи им, Хотен!

— Да ну брось ты, — Хотен Юрьев не поддержал опасений Чернека. — Мы же решили, что Всеслав построит свои полки обычным манером.

— Я не против, чтобы храмовые выстроились на правом крыле. Но их надо усилить. Сколько ты готов выделить ратников?

— Я несколько, — отрезал предельный князь Густошумья. — Если хочешь, укрепляй их своими людьми.

— Видимо, придётся.

Князья и воеводы проговорили ещё около часа, обсуждая детали предстоящего сражения. Затем разошлись каждый в расположение своих ратей.

Всеслав откинул со стола тряпицу и присутствующие в шатре офицеры увидели разложенные ровными рядами монетки — золотые, серебряные и медные. Ожидаемых им шуток про богатства или жалование не последовало, все смотрели молча. «Тем лучше», — подумал Всеслав.

— И так, — начал державный князь, — сначала о расположении сил наших врагов. Для яркости на монетках. Серебряные — это железная пехота. Медные — поместная. Золотые за конницу. Соответственно, я думаю так. У врага будет железный центр с поместными отрядами по бокам. А по флангам конница. Храмовые дружины либо оставят в резерве, либо поделят по родам войск. Есть возражения?

— Думаю, так и будет, — сказал Олег Волков. — Единственное, что можно добавить, враг может расставить свою конницу не равномерно, а попытаться создать перевес на одном из крыльев.

— Да, возможно.

— Но это существенно не влияет на общий расклад.

Остальные возражать не стали. Всеслав расставил монеты в новом порядке.

— Наш центр, — сказал молодой державный князь, ставя палец у серебряных ул, — будет состоять из семи тысяч железной пехоты. Четыре тысячи моих и три тысячи Олега Волкова. Левее встанут восемь тысяч успонов. Правее семь тысяч шумян. Позади девять

тысяч лучников.

— То есть все наши лучники? — уточнил Лютогост.

— Да, все. Далее. Правый наш фланг займёт конница. Из моих сил — Старшая дружина, две тысячи лёгких конников и Младшая дружина Дома Волковых. Левый фланг, — палец Всеслава сместился влево, — займут шесть тысяч воинов. По две тысячи из моей железной пехоты, успонов и шумян. Теперь резерв. Он встанет позади успонов. Три тысячи моей Младшей дружины, Старшая дружина Волковых. Из пехоты я оставляю в резерве тысячу своих и две тысячи железных пехотинцев Олега.

— Стало быть ты... — Лютогост указал на серебряные и медные монетки, обозначавшие левый фланг.

— Подожди, брат. Самое главное. Руководство битвой осуществляю я и только я. Командующих флангами я назначаю здесь и сейчас и моё решение сомнению не подвергается. В битве никто не действует без моего ведома. В случае неподчинения или нарушения приказа, виновник будет казнён как изменник. План сражения обсуждаем сейчас. Если есть возражения, высказываемся здесь. Завтра за прекословия я буду рубить головы. Олег!

— Да, государь.

— В случае моей гибели или ранения, командирование войском возлагается на тебя.

— Хорошо.

— Теперь я назначаю командиров и далее мы обсуждаем замысел битвы. Олег, тебе я доверяю наши резервы. Ты поведёшь их в бой, когда наступит момент.

— Олег Волков кивнул головой.

— Лют!

— Да, брат.

— Ты возглавишь конницу на правом крыле.

— Понял.

— Кари, — обратился Всеслав к князю-воеводе Железного войска, — тебя я назначаю командовать центром.

— Государь, — Кари Слетаев задумчиво смотрел на монетки, обозначавшие воинов левого фланга державной рати, — не подумай, что это неповиновение. Но я прошу назначить меня на левое крыло.

Всеслав удивлённо посмотрел на дядю.

— Ты хочешь повести левое крыло?

— Да. Я кажется, понял твой замысел. И прошу назначить меня именно туда.

— Мне нужен человек, который удержит центр войска.

— Это я понимаю. Но ведь и левый фланг не должен рухнуть просто так.

Всеслав некоторое время думал, растирая подбородок. Потом обратился к Геннадию Ямову, начальствующему над Железным войском Волковых.

— Геннадий, ты справишься с командованием центром войска?

— Не сомневайтесь, государь.

— Олег, ты доверишь ему наши жизни?

— Доверю.

— Геннадий, если ты возглавишь центр, клянёшься, что не уступишь врагу? От твоего упорства зависит жизнь всех нас и успех битвы.

— Клянусь, что не уступлю мятежникам!

— Решено. Центром войска командует Геннадий Ямов. Левым флангом Кари Слетаев. Теперь о том, как мы поведём сражение...

Наточив саблю, Егор Михайлов взмахнул ей несколько раз в воздухе. Смертоносная сталь с приятным звуком рассекла освещённую отблеском костров ночную тьму. Убрав саблю в ножны, Егор уселся поодаль от огня и принялся водить точильным бруском по листовидному лезвию копья. Спinoй к Егору сидел его приятель Демид, который весело болтал с другими бойцами. Около Демиды примостилась Рада. Походная девка, увязавшаяся за войском, глупо улыбаясь пошлым разговорчикам, штопала приятелю Егора рубаху.

Окраина военного стана. Порядка здесь меньше, зато свободы больше. Егор удовлетворённо оглядел лагерь вежинских ратей. Костры, шатры, люди, кони. Вот это сила, вот это войско! Эх, если бы там, на Михайловом лугу собралось столько воинов, то державная власть склонилась ещё зимой. Но мудрейший Вейкко не собрал пятидесяти тысяч, как хотел. Зато вот они, здесь. Когда за дело взялись могучие предельные князья, объединились все храмы пресветлых богов, то дело пошло как надо. Правда, державный князь Всеслав тоже собрал большое войско. Но сейчас против него не страшно выходить на бой. И умирать не страшно, когда бьёшься за древнюю веру.

— Едрический тудыть! — к Егору подсел его знакомец Демид. — Ты чего тут сиротствуешь в одиночестве? Рада, иди к нам! Смотри, наш князь тут кукует. Скоро мхом обрастёт как пенёк. Ха-ха-ха!

— Да нет, ты что. Всё нормально, — Егор продолжал точить копьё.

С Демидом он познакомился в храме Агуна и Кесы, когда добровольные пехотинцы явились на зов мудрейшего Валентина для войны с Древгородом. Во время похода они сдружились. Демиду было сорок лет. Выходец из простонародья, он всю жизнь прослужил пехотинцем в Рубежной страже, охраняя границу. Несчётное число раз Демид принимал участие в схватках с кочевниками. Сын Демиды служил в Железном войске Булатовых. Его жену и дочь унёс мор, случившийся в южных станах Крайнесточья шесть лет назад. И Демид остался один.

Беды на этом не оставили бывалого стражника. Летом прошлого года во время стычки один из кочевников тяжело ранил Демиды в бедро. «Вот такой же саблей, как у тебя», — говорил Демид Егору, всякий раз бесцеремонно хлопая того по ножнам и громко смеясь. Однако, смешного было мало. Демид едва не умер. Только мастерство лекаря и воля пресветлых богов спасли ему жизнь. «А ведь могли и ногу мне отпилить», — рассказывал он Егору. Демид долго выздоравливал, а потом писарь из Ратной управы вынес ему приговор: уволить со службы за негодностью. Потому что после ранения стражник сильно хромал. Демид, стремясь доказать свою пригодность к ратному делу, вызвал писаря на кулачный бой. «Ну писарёнок брыдкий, — сокрушался в своих рассказах Демид, — что с него взять? Бумажки, перья, чернильницы... Так он меня четыре раза на спину кидал! Сволочь...»

Но что делать полному сил мужчине, у которого нет семьи и который умеет только воевать? Демид подался в купеческие боевики, сопровождать за деньги их товары. А потом услышал, что храм Агуна и Кесы собирает всех желающих на войну. Благо, Демид как раз был недалеко от держания. Бросив купца и его повозки, он тут же присоединился к Храмовой дружине.

Признав в Егоре сына княжеского Дома, Демид поначалу старался вести себя

преувеличенно вежливо. Но за пару дней, неугомонная общительная натура взяла своё и бывший боец Рубежной стражи перешёл с бывшим приставом на «ты», лишь изредка называя его «наш князь». Егор не обижался, тем более, что положением своим они по сути никак не различались. Демид относился к Егору одновременно как к другу, сыну и младшему брату. Но зато с ним было весело во время бесконечных утомительных переходов и стоянок.

— Едрический тудыть, Рада! Иди сюда, нам тут скучно.

— Сейчас, иду. У вас темно там! Тебе же штопаю...

Рада уселась рядом с ними, поворачивая рубашку к свету и умело орудуя костяной иглой. Как женщина, двадцатипятилетняя Рада была очень даже привлекательна. Но Егор не мог смотреть на неё без лёгкой брезгливости. Дочь Ратного Дома, она была женой мелкого купца. Но бросила мужа и двоих детей, увязавшись за войском. Быть поблядушкой у ратников ей было намного интереснее. В чём Рада не стесняясь признавалась. «Жизнь это беспросветная нудь, а тут вон как весело», — говорила молодая женщина, мечтательно обводя рукой стоянку дружины.

Через пару дней за Радой явился её муж, законно желавший вернуть жену в дом. Но Демид разбил ему лицо и прогнал прочь. Опозоренный купец отправился искать правду к храмовому воеводе. «Кто купчишку исколотил?», — грозно спросил Онагост со спины чёрного боевого коня. К ужасу Егора, Демид не таясь вышел вперёд и признался. «За грабёж и насилие над мирными подданными по Законам мудрости провинившимся воинам полагается смерть», — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, напомнил ратникам Онагост. «За грабёж и насильнические дела полагается смерть, — неожиданно спокойно заговорил Демид. — Это правда. Но я не отнимал чужого добра, никому не угрожал оружием. А сия молодуха явилась к нам по доброй воле». Рада немедленно подтвердила, что пришла сама. Онагост некоторое время озадаченно молчал, потом плюнул и уехал прочь. Связываться с этим мутным сбродом, гордо называвшим себя «вольными пехотинцами» у воеводы не было ни малейшего желания. Тем более, что они отставали, им предстояло нагонять войско Озеровых и заниматься сейчас мелким купцом, который не умеет воспитать жену, только тратить зря время.

«На державную власть войной идём, а он мне будет про Законы мудрости вещать», — сквозь зубы выдавил Демид, глядя в спину удалявшемуся начальнику Храмовой дружины. После того случая Рада сделала Демиду на вроде дорожной подруги. Следовала рядом с ним, стирала его бельё, штопала ему если надо и готовила для бывшего рубежного стражника пищу из имевшихся скудных припасов. Уединяться Рада стала тоже только с Демидом. Демиду все уважали, поэтому никто особо не возражал. Тем более, что Рада была далеко не единственной женщиной, шедшей с войском.

— Едрический тудыть! — как обычно громко заговорил Демид. — Ещё одна ночь и в битву. Вот ведь как! Бывал в битвах, Егор?

— Ну... В битвах нет, не бывал, — Егор отложил копьё в сторону. О своём участии в побоище на дне Орешкиного оврага он предусмотрительно помалкивал. Да и по сравнению с тем, что предстояло, то сражение не было большим. — Так, в незначительных схватках доводилось.

— Да... В такой прямо битве как завтра случиться должна, я тоже не был. Но уж зато сколько стычек довелось пройти! О... Множество! Едрический тудыть, ха-ха-ха! Знаешь, чем большая битва отличается от маленькой стычки? Ха-ха-ха! — Демид был примечателен тем, что шутки его никогда не выделялись яркостью. Но озвучивая их, он сам смеялся так

заразительно, что слушатели начинали хохотать не над историей, а над её рассказчиком. Вот и сейчас Егор уже начал улыбаться. Рада же смеялась в голос. — Большая битва она такая же как маленькая стычка, только народу в ней больше! Ха-ха-ха!

— Ну да, так и есть, — согласился Егор.

— Боишься, князь?

— Немного есть, — признался Егор.

— Так и должно быть. Я тоже боюсь. Все боятся. Только у скорбных головой трепета нет!

— Пожалуй...

— Выспаться надо, пока ночь впереди. А как тут выспишься, когда нервы натянуты, а голова о сече думает? — словно сам с собой рассуждал Демид. — Вот как быть?

— Как?

— Нужно кровь разогнать, мысли вычистить.

— Во, заштопала! — торжествующе произнесла Рада, развернув рубаху так, что стало видно заплатку. Справлено было и действительно ладно. — На! — рубаха упала на колени Демиду.

— Вот спасибо! Теперь давай и князю удружишь, Егору нашему.

— А чего у него распоролось? — улыбаясь, спросила Рада и глаза её заблестели. Егор отвернулся, чтобы не будить распутных желаний, лицезрением близкой легкодоступной женщины. — Могу хоть сейчас залатать...

— Едрический тудыть! «Залатать», — передразнил Раду Демид. — Нет, чтобы приобнять, приласкать, приголубить.

— А чо? Это я запросто!

Правой пяткой Рада легко скинула с левой ноги берестяной лапоть и с шаловливой улыбкой дотронулась чумазой ступнёй до сапога Егора. Потом поднялась чуть выше и прикоснулась пальчиками к ноге. Приятное касание всколыхнуло твёрдо удерживаемые до сего момента вожделения. Егор покосился на протянутую к нему крепкую женскую ногу и вылезшую из-под юбки коленочку.

— Да... Нет, спасибо, — стал вяло возражать он. — Не надо.

— Едрический тудыть! Завтра в битву, — величаво возвестил Демид, поднимая указательный палец к чёрным небесам, — так что пока время не вышло, сходите ка вы, молодняк, к ручейку. Иди, Егор, развейся. Чтобы в битве лёгким быть.

Демид уцепил Егора за плечо и твёрдо направил в сторону леса. Туда, где журчал среди веток и камней ручеёк. Рада взяла его под руку и поволокла за собой. Егор осознанно распалил свои желания, тем более, что от таких разговоров и прикосновений молодой женщины они и так были крепко потревожены. Ему захотелось овладеть этой беспутницей. Но без ласковых поцелуев, нежных объятий и любви. Лишь для того, чтобы избавить плоть от накопленной похоти. Грубо и грязно, как только и можно сделать с потаскушкой.

Рада шла впереди, постепенно исчезая в ночной тьме. Двигаясь следом, Егор разглядывал её крепкую спину и прикрытые юбкой ягодицы. Наконец, спускаясь к ручью, они оба растворились в темноте. Даже усеянное звёздами небо никак не помогало им видеть.

— Рада...

— Чего? — любодейка сладострастно хихикнула.

— Ты знаешь, что Радой звали жену покойного державного князя?

— Это который против нас с войском стоит? Так у него ведь жена Лето или Осень...

— Зима.

— О, точно!

— Да это у нынешнего державного князя. А я тебе говорю про бывшего, того что умер недавно, Лесьяра Строгова.

— Да мне на этих князей ни жарко, ни холодно... Кроме тебя... Ай! — Рада взвизгнула и послышался хруст сминаемых веток.

— Не ушиблась?

— Споткнулась просто, хорошо всё.

— Ну раздевайся, коли уж разлеглась.

У ног Егора послышалась возня и шуршание одежды. Рада проворно оголилась. Лесной ручей игриво журчал совсем рядом. От него веяло освежающей прохладой. До слуха долетал утихающий шум военного лагеря. Женщина не видела, но ощущала над собой монументальную фигуру воина. Рада попыталась встать, но крепкие руки Егора, легшие ей на плечи, удержали её на коленях. Цепкие пальцы развратницы сняли с него штаны. Он положил ладонь ей на затылок.

— Ну не стесняйся. Иди ко мне, давай, рядом ложомм... — Рада не смогла договорить, потому что рот её оказался занят.

— Ты хоть понимаешь, какой это риск? — Олег Волков внимательно посмотрел в глаза Всеславу. В них можно было уловить обеспокоенность. — Не надо, — сказал он, когда прислужник захотел налить князю пива. — Просто воды. Пить завтра будем, если выживем.

— Конечно, понимаю! Куда уж там...

— Может не стоило так мудрить? — Лютогост отхлебнул пива. — Навалились бы всей силой, разом. Да смяли бы их.

— Нет, — отрезал державный князь. — У врага воинов не сильно меньше. Если просто бросимся в лоб, можем проиграть.

— Да, — согласился Олег, — ты прав. Войны без опасности быть не может. Поступим так, как задумали. Ещё хорошо, что Булатовы не пришли. Иначе нам бы туго было. Н-да, — предельный князь Солоплажа усмехнулся, — ты действительно сам придумал, как отвадить Видогоста?

— Сам, конечно.

— Это же восхитительно! Такой тонкий расчёт... И теперь наши враги рассорились.

— Насчёт этого однозначно говорить пока рано. Может, пока мы тут разговариваем, Видогост уже выступил в поход.

— Может и так, но сюда он уже точно не успеет. И на поле его завтра не будет.

— А ведь у врага могло быть ещё меньше воинов, — Лютогост поставил на стол деревянную кружку и поглядел на Олега Волкова.

— Ты о чём?

— Как ты допустил, что дружина храма Сияя и Кипины беспрепятственно покинула твой предел? Ты подарил мятежникам тысячу добротных воинов. И ещё пару сотен всякого сброда за ними увязалось.

— Всеслав заметил, что слова эти сильно задели Олега Волкова. Тот был готов вступить в перепалку. Нужно было немедленно погасить ненужную ссору.

— Брат, успокойся.

— Нет, пусть он расскажет нам...

— Я кажется попросил тебя замолчать! — резко оборвал Всеслав Лютогоста. — Олег действительно пропустил к мятежникам дружину храма Сияя и Кипины. Но он же дал нам двадцать три тысячи своих ратников. Так что будь добр, помолчи.

— Лютогост кивнул головой и допил пиво. Олег улыбнулся. Но тем не менее одарил воеводу Старшей дружины Строговых неодобрительным взглядом.

— Завтра, — сказал Всеслав, — мы все должны действовать как один. Как руки, ноги и туловище одного ратника. Иначе до вечера никто из нас не доживёт. Вы нужны мне все!

— Не волнуйся, Всеслав, — Олег встал из-за стола, — мы будем биться как один!

— Да, — подтвердил Лютогост, — как руки и ноги одного воина. Только не проси нас чесать друг друга.

— Всеслав усмехнулся.

— Всё, расходимся и спим! Завтра в битву.

Перед тем как позавтракавшие воины, выстроенные в правильные колонны, двинулись из лагеря на поле, Всеслав сказал им несколько напутственных слов. Правда, получилось не очень. В голове слова были намного стройнее, чем те, что слетали с языка. Тем не менее, он выразил то, что хотел. Они бьются против мятежников. Против князей, посягнувших смутой на державную власть, которую они обязаны были защищать. Вера здесь ни причём. Рустовесская земля едина и державный князь любит всех своих подданных. И благоверов, и элаитов. Конечно, не все из более чем пятидесяти тысяч воинов его слышали. Но им передадут те, кто стоял близко к Всеславу.

Быстро и слаженно, воины державной рати выстроились так, как было условлено. Всеслав удовлетворённо отметил грамотное руководство офицеров. Никто не толпился, не натёкался друг на друга, а сразу занимал назначенные его отряду позиции. Державное войско предстало во всей своей силе. Но не своими полками любовался Всеслав. Его внимание привлекло построение мятежных ратей. Не отрывая взгляд, молодой державный князь наблюдал за шеренгами врага.

Правый фланг мятежников состоял из храмовых дружин. Они держались немного обособленно друг от друга, но всё же достаточно плотно. Построение их было сходным. По три сотни тяжёлых копейщиков в центре с несколькими сотнями ополченцев по бокам. Сзади стояли лучники, а за ними храмовая конница. Всеслав разглядел хоругви. Самое крайнее место, ближе к ручью досталось дружине храма Сияя и Кипины — их жёлтое солнце на зелёном поле было хорошо заметно на фоне леса. Правее развевалось жёлтое солнце на красном поле — дружина храма Аурина и Зары. Далее под красным солнцем на зелёном поле держали строй ратники храма Агуна и Кесы. Слава Единому, кроме них из Крайнесточья ратников не было. Последними в этой линии было красное солнце на жёлтом поле. Храмовая дружина Юма и Живы возродилась как боевой отряд благодаря стараниям Чернека Озерова. Но вряд ли своим воинским искусством эти ратники сумели сравняться с предшественниками, павшими на Михайловом лугу. Помимо храмовых отрядов на правом фланге мятежников стояли примерно две тысячи воинов из Железного войска Озеровых, лучники и полк лёгкой конницы.

Центр построения мятежников был пешим. Железное войско под зелёным солнцем

Дома Юрьевых, прикрытое с боков поместной пехотой племенных союзов. Левее копейщиков стояли около восьми тысяч легковооружённых густашумцев. Всеслав хорошо различал их знамёна с бородатой мордой на ярко-красном поле, колыхавшиеся напротив центра державной рати. Правее выстроились до четырёх тысяч сваяльцев. Ни с чем нельзя было спутать их чёрные как ночь знамёна, на которых, охваченный восьмёркой золотых кружков, проступал жуткий лик лешего, обозначенный лишь глазами с зелёными зрачками и ртом с рядом красных зубов.

Линию пехоты продолжало Железное войско Дома Озеровых. Серебряная молния в красном круге на зелёном поле знамён. Последними в пешей линии были легковооружённые ратники под знамёнами с зелёной лягушкой на серебряном поле — сыновья племенного союза приплавтов. Позади пехоты можно было заметить крупные группы лучников, также уже готовых к битве.

Левый фланг мятежников был исключительно конным. Старшие дружины Юрьевых и Озеровых с полками конницы Младших дружин. Выходит, вежинские рати встали не так, как предполагалось вчера во время военного совета. Всеслав напряжённо думал, оценивая расположение вражеских полков. Шум и топот кругом постепенно стихали, воины замерли в ожидании приказа начать битву.

— Государь... князь... Всеслав! — Кари Слетаев пытался обратить на себя внимание державного князя.

— Да?

— Противник-то вон как устроился. Мы этого не ожидали! — остальные князья и военачальники тоже смотрели на Всеслава.

— Вижу... Но ничего непоправимого не случилось. План менять не надо, будем биться так, как задумали. Всё, к бою!

Офицеры отправились к своим полкам. Только начальствующий над запасными силами предельный князь Олег Волков немного задержался. Он указал Всеславу на правый фланг. Отсюда было плохо видно, но всё же примерно посередине между конницей державного войска и вежинцев можно было различить слегка покосившуюся каменную фигуру на массивном постаменте.

— Вон он, — сказал Олег, — тот самый Каменный идол Древних, что дал имя этому полю.

— Эх, жаль нет времени его поближе разглядеть.

— Если победим, то после битвы у нас будет время.

Чернек Озеров также пристально всматривался в построения державных войск. Его внимание привлёк слишком уж слабый левый фланг врага. Там было около шести тысяч воинов, только пеших. Железные копейщики под серебряной звездой Дома Строговых, и лёгкая пехота под знамёнами шумян и успонов. Это вызвало обеспокоенность опытного полководца. И обеспокоенность эта лишь усилилась, когда за построениями успонов и Железного войска Строговых в центре боевого порядка, Чернек увидел ещё воинов. Знамён они не поднимали, поэтому было сложно судить кто это и сколько их. Но сила была серьёзная — и конные, и пешие полки. Однако, собирать военный совет и затевать споры было уже слишком поздно. Предельный князь подозвал к себе Яна Грибова, полковника Младшей дружины, направленного на усиление правого фланга.

Офицер, прискакал немедленно. Он был облачён в ладно скроенную кольчугу и кожаный панцирь. Видно было, что верховая езда доставляла полковнику особое удовольствие, он держался в седле легко и непринуждённо.

— Князь, Вы требовали меня к себе.

— Да, полковник. Слушай меня внимательно. У врага подозрительно слабое левое крыло. Это может ничего не значить, а может быть очень опасно. Я поручаю тебе очень важное дело. Сдерживай пыл храмовых воевод. Если вдруг враг будет обращён в бегство, не давай им слишком увлекаться погоней. Бейте державное войско в тыл. Ты понял меня?

— Да, владыка!

— Что ты понял?

— Я буду удерживать храмовых воевод от безрассудной погони. Ежели враг против нас будет разбит, мы ударим державного князя в тыл.

— Молодец! Ступай к своим людям.

Над полем загудели трубы. Более ста тысяч воинов приготовились к битве. Затрещали походные барабаны и враждующие рати начали сходитьсь. Сближались пешие построения, конница пока не вступала в бой. Когда противников разделяло не более ста шагов, в дело вступили лучники. В один миг небо над полем у Каменного идола потемнело от более чем двадцати тысяч стрел, выпущенных врагами друг в друга. Жуткое густое шипение и свист заглушили топот десятков тысяч ног. При помощи свистков офицеры дали команду прикрыться щитами и продолжать движение. Сотни раненных и убитых стрелами пехотинцев попадали в высокую зелёную траву. Их товарищи, сомкнув над павшими строй, продолжали движение вперёд. Ещё не все покалеченные повалились на землю, когда новая смертоносная туча закрыла утреннее солнце. Стрелки слаженно расходовали свой боезапас, пока рати не сошлись в рукопашной.

Столкновение пехоты началось почти одновременно на всей линии вежинских и державных полков. Гулко ударились друг в друга тысячи щитов и на поле закипело кровавое варево взаимного истребления. В шуме битвы всё гуще смешивался звон стали с глухими ударами топоров, треск копий с хрустом ломаемых костей, возгласы дерущихся и офицерские команды со стонами умирающих.

Храмовые пехотинцы бились с железными копейщиками Строговых и воинами племенных союзов шумян и успонов. На том же правом фланге сражались посланные князем Чернеком копейщики Дома Озеровых. В центре скрещённые копьё герба успонов смешались с чёрными знамёнами сваяльцев. Железное войско Строговых билось с Железным войском Юрьевых. Густашумцы с их бородатой мордой навалились всей массой на железных копейщиков Волковых. А шумяне пытались сдержать одновременный натиск тяжёлой пехоты Озеровых и девяти тысяч легковооружённых приплавтов. Лишь близость конницы державного войска не давала возможности попытаться обойти шумян с фланга.

Всеслав, периодически приподнимаясь в стременах, вглядывался в гущу битвы. Пока ещё не пришло время для решающих приказов. Нигде ещё соперники не могли пока пробить вражескую оборону. Однако, спустя не более получаса стало заметно, что державное войско начинает постепенно пятиться назад.

Чернек Озеров, внимательно следивший за ходом сражения, решил, что пора бросать в бой конницу. Посыльный с соответствующим повелением отправился к Волку Озерову, начальствующему над вежинской кавалерией. Повинуясь сигналам боевых рогов, постепенно набирающая скорость конница, пошла вперёд. Первыми скакали Младшие дружины Озеровых и Юрьевых. Сорок три сотни воинов в кольчугах и кожаных панцирях с копьями и саблями в руках. Следом за ними тяжело двигались бойцы Старших дружин. Тяжёлая масса закованных в сталь конников, способных своим ударом смести любого врага.

Заметив движение вражеских конников, Всеслав хотел было отослать Лютогосту приказ, но брат следил за полем боя не хуже державного князя и твёрдо помнил план сражения. Воевода Старшей дружины Строговых повёл вверенную ему державную конницу на врага.

Две лавины всадников столкнулись примерно там, где возвышался над полем Каменный идол. Стремительные потоки конников на полном скаку сошлись и забурили встречным месивом. Переворачивающиеся вместе с дружинниками кони, сверкание сабель, хищные укусы копейных жал и брызгающие во все стороны стрелы и дротики. Шум конной битвы слился воедино с общим грохотом сражения. Лютогост, стремясь выполнить оговоренный замысел повёл за собой стальную массу тяжёлой конницы Строговых. Они столкнулись со старшими дружинниками своих противников. Державная кавалерия не смогла пробиться через вежинские полки и завязла в их наступательном порыве. Теперь пошла драка на истощение.

Когда стало очевидно, что державная конница не одолела быстрым наскоком мятежников на правом фланге, враг начал заметно теснить центр войска. Левый фланг тоже пятился, но пока не терял прочности. К Всеславу прискакал молодой посыльный от Геннадия Ямова, князя-воеводы Железного войска Волковых, командовавшего центром рати.

— Государь! Князь-воевода просит Вас дать ему воинов. Враг теснит нас.

— Да, я это вижу, — невозмутимо ответил юноше Всеслав. Посыльный немног замешкался, покачиваясь на спине беспокойного коня.

— Что передать моему командиру, государь? — спросил наконец он.

— Передай ему мои добрые пожелания. Скажи, что я верю в его силу и доблесть.

Посыльный приоткрыл от удивления рот. Посмотрел в сторону находящегося неподалёку Олега Волкова, ища у него поддержки. Лицо бойца выражало недоумение: враг вот-вот прорвёт ряды державной пехоты! Но предельный князь Солоплажа не стал заступаться, лишь махнув посыльному рукой, дав понять, чтобы он скорее передал весть. Тот немедленно бросился исполнять свой долг.

Егор Михайлов и Демид бились плечом к плечу в самых первых рядах. Левее их дружины были воины храма Юма и Живы. Правее развевались знамёна Аурина и Зары. Против них стояло Железное войско Строговых. Серебряная звезда на красном поле сияла над их противниками. Стройные ряды щитов в руках отлично вооружённых ратников также были украшены гербом правящего Дома.

Железные копейщики Строговых сражались очень упорно и слаженно. Трудно было сладить с ними сброду «вольных пехотинцев». Многие из ополченцев уже погибли или искалеченными валялись в истоптанной траве. Но Егор с Демидом защищали друг друга, вместе противостоя державным ратникам. Демид умело орудовал топором, заставляя

вражеского воина прикрываться. Тем временем Егор колот отвлекшегося своим копьём. Конечно, не всегда удавалось проделывать такое, так как враги тоже опекали своих товарищей. Но одного строговского копейщика они убили точно и ещё двух или трёх ранили. В основном, конечно, приходилось защищаться.

Но ядром храмовой пехоты оставались тяжёлые копейщики. Вокруг них толпились плохо организационные «вольные пехотинцы». Именно копейщики и давили врага, заставляя его пятиться назад. Большую помощь оказывали лучники, исправно посыпавшие вражеские ряды стрелами. Чем сильнее пехота сможет потрепать державные полки, тем скорее храмовые воеводы бросят в атаку свою конницу. И тогда левое крыло державного войска будет окончательно разгромлено.

Со спины боевого коня Кари Слетаев очень хорошо видел поле боя и сражающуюся на нём пехоту. Не считая ещё некоторого количества офицеров и вестовых, он был единственным конником на левом фланге рати Всеслава. От внимания князя-воеводы Железного войска не ускользал ни один сражавшийся под его началом полк. Громогласными приказами, личным присутствием, а иногда даже собственным примером Кари Слетаев вселял в своих воинов твёрдость духа. Ратники сражались отважно. За своих собственных копейщиков князь-воевода не боялся. За годы тренировок хорошо знал на что они способны. Поэтому чаще всего своим присутствием он подбадривал сыновей племенных союзов шумян и успонов.

Но одной только силы духа мало, когда против тебя более многочисленный враг. Отряды Кари Слетаева постепенно пятились назад. Правда взломать их боевые порядки храмовым дружинникам пока не удавалось. Противник быстро заметил облачённого в отличные доспехи офицера, отдающего команды и появляющегося на самых угрожаемых участках боя. Настоящей охоты за ним пока не началось, но в щите Кари Слетаева уже торчала одна застрявшая там стрела. Другая стрела, слегка задев шлем, пролетела мимо. Нужно быть осторожнее. Все помнили судьбу Захара Строгова, убитого прямо в глаз случайной стрелой на Михайловом лугу. Ещё одна стрела ударилась в нагрудную пластину. Но она была на излёте и никакого вреда не причинила.

Строй державной пехоты был взломан в том месте, где копейщики Строговых дрались с ратниками храма Агуна и Кесы. Несколько бойцов погибли почти одновременно. Тех, кто попытался закрыть своими щитами брешь, выхватили и тоже зарубили. Заткнуть образовавшуюся в построении дыру офицеры не успели. Храмовые копейщики и ополченцы хлынули в пролом, орудуя копьями мечами и топорами. Бойцы Железного войска тоже в долгу не оставались. Но было поздно. Прямоугольник их построения раскололся надвое и начал рассыпаться под ударами врага ещё сильнее. Вскоре начали распадаться и полки племенных союзов.

«Ну что же, — подумал Кари Слетаев, — здесь мой племянник оказался прав. Надеюсь, он сможет извлечь выгоду из бегства моих воинов». Князь-воевода Железного войска бросился вперёд, прямо в гущу битвы, где его воины уже начали поддаваться панике. «Стройся! Я сказал, стройся! За щиты!!!» — выкрикивал Кари, рубя мечом наседавших со всех сторон храмовых пехотинцев. Ещё была возможность удержаться, закрепиться в круговой обороне и отбиваться от врага, пока Всеслав не пришлёт помощь.

Порушив строй державных копейщиков, храмовая пехота сама нарушила свои боевые

порядки. На какое-то мгновение противники оказались в равных условиях. Если сейчас удастся остановить бегство и перестроиться, то можно будет задержать продвижение храмовых дружин и отдать свою жизнь подороже. Понимали это и офицеры вежинцев. Уже были слышны их свистки, побуждавшие воинов внести в свои ряды порядок. Правда, команду выполнили только тяжёлые копейщики. Плохо обученные «вольные пехотинцы» бились кто как. Державная пехота тоже начала уплотняться, прикрываясь щитами. Но делала это с заметным опозданием.

Кари Слетаев направил коня к «островку», который начали формировать державные копейщики. Но на пути его вырос ополченец. Князь-воевода не успел развернуться, чтобы затоптать вражеского ратника или зарубить мечом, и тот с силой ударил его коня копьём под брюхо, туда, где не было доспехов. Животное начало валиться на бок, но командир Железного войска успел высвободить ногу. Когда конь повалился, Кари, не смотря, на тяжесть доспехов легко сумел подняться и бросился на врага. Тот, лишившись копья, снял с пояса топор. Князь-воевода принял удар его топора на свой щит и хватил противника мечом в горло. Простенькие доспехи не подразумевали латного ворота, ополченец погиб на месте. Кари заметил, что во флангах вражеских построений образовались длинные коридоры. Значит, сейчас будут пропускать конницу.

Дядя державного князя, слегка прихрамывая, поспешил к своим людям. Над полем зашипели стрелы. Он почувствовал резкую боль в левом плече, аккуратно под пластинкой наплечника. Ну вот и ему досталось оперённой смерти. Князь-воевода остановил пробежавшего мимо копейщика и толкнул вперёд.

— Куда драпаешь, сикушник? Быстро в строй!

— Слушаюсь, князь!

Копейщик рванул вперёд, а около Кари Слетаева оказались несколько «вольных пехотинцев» из храмовых дружин. Из-за стрелы в плече, ему было трудно пользоваться щитом. То ли из-за горячки боя, то ли на самом деле, он чувствовал как густо течёт из раны тёплая кровь, пропитывая звенья кольчуги.

— Это же офицер!

— Да ещё и знатный, похоже...

— Сдавайся!!!

Князь-воевода повернулся к ним, принимая боевую стойку.

— Пусть вам Невита улыбается! Попробуйте меня взять!

Первого, что шагнул к нему, Кари Слетаев тяжело ранил в бок. Но стрела помешала ему двигаться с необходимой скоростью. Один из ополченцев пронзил князя-воеводу Железного войска Строговых копьём в живот. Другой отрубил ему коротким мечом правую руку. А топор третьего проломил стальную личину и с хрустом вошёл в лицевую кость, окончательно погасив сознание вспышкой боли.

Ян Грибов, полковник Младшей дружины Дома Озеровых, наблюдал со своими людьми, как рушится левый фланг державного войска. Как сминаются, а потом трескаются и дробятся на множество осколков некогда правильные прямоугольники вражеской пехоты. А затем эти осколки превращаются в крошки отдельно бегущих ратников. И как падают они, настигнутые рядами храмовой пехоты или стрелами лучников. От лицезрения сцен битвы полковника отвлек Юрий, воевода Храмовой дружины Аурина и Зары. Но только он

заговорил, как прискакал вестовой от Чернека Озерова.

— Простите, воевода, — сказал Ян Грибов, — с Вашего позволения я выслушаю приказ моего князя.

— Разумеется.

— Полковник, — заговорил вестовой, — ввиду удачных обстоятельств, князь приказывает Вам не отвлекаться на преследование державной пехоты, а атаковать вражеский тыл.

— Передай ему, что я немедленно выполню приказание.

— Так же этот приказ касается храмовых дружин.

— На каком основании он нам приказывает? — возмутился Юрий.

— Воевода, — ответил вестовой с полупоклоном, — я лишь передаю то, что мне велено.

Когда посыльный ускакал обратно, Ян Грибов обратился к Юрию:

— Как видите, воевода, мне нужно выполнять приказание моего повелителя. Так что, если можно, то говорите короче.

— Да, я выскажусь кратко. Смотри сюда, полковник. В наших храмовых дружинах четыреста тяжёлой и восемь сотен лёгкой конницы. И у тебя ещё тысяча. Левый фланг державного князя нами разбит. Осталось его разогнать и вырезать. И с твоими лихими рубаками мы это сделаем намного быстрее.

— У меня есть приказ.

— Атаковать вражеский центр... Да в чём смысл такого приказа?

— Послушайте, воевода.

— Давай говорить как равные!

— Хорошо, послушай меня. Я полковник Младшей дружины и выполняю то, что мне прикажут.

— Сейчас можно по другому. Смотри. Державное войско обречено. Твоему почтенному князю хочется разобраться с Всеславом поскорее. Я его понимаю. Но какая разница, проиграет он через четверть часа или через половину часа?

— Ну если приказано...

— Я скажу тебе какая разница. У врага ещё очень сильный центр, но он всё равно обречён. Если мы пойдём туда сейчас, то Всеслав Строгов будет разбит быстрее. Но мы погибнем там! А всю славу опять заберут себе предельные князья.

— И что ты предлагаешь?

— Мы вырежем левый фланг до конца и ворвёмся во вражеский лагерь. Всё, что сможем утащить, станет нашим. А предельные князья добьют державного князя и тоже без добычи не останутся. Нам одним всё не растащить. Давай, решайся! Тут либо смерть, либо слава и добыча.

— Да, но послушавшись приказа... — Ян Грибов сомневался, но мысль об истреблении уже обращённого в бегство врага и разграблении державного лагеря ему нравилась намного больше, чем бой с вражеской пехотой.

— Я за тебя заступлюсь, не сомневайся. Ну отругает тебя Чернек, ну и что? Зато ты жив, у тебя добыча, слава. Да и он будет так обрадован победой, что ему не до твоего проступка станет.

— Ну... Хорошо. Я согласен! Давай добьём левый фланг. Но ты заступись за меня, если что.

— Конечно же!

Ян Грибов отдал приказ своему полку приготовиться к бою. Подъехав к остальным командирам храмовых дружин, воевода Юрий сказал им:

— Можно наступать, полковник с нами.

Конница под знамёнами храмов пресветлых богов и серебряной молнией Озеровых бросилась на разбитую пехоту левого фланга державной рати. Никто не мог сдержать их удара. Началось истребление бегущих. Очень быстро в одну кучу смешались и конные и пешие воины. Всеслав Строгов обратился к Олегу Волкову:

— Ну что, теперь твой час настал. Ты знаешь, что делать. Пора!

— Да, государь — ответил Олег, надвигая на глаза стальную личину. — Вперёёёооооод!

Три тысячи лёгкой конницы Дома Волковых обрушились на подставившие им свой затылок храмовые дружины и отряды Чернека Озерова. Правый фланг вежинских войск, в котором до начала битвы было десять тысяч воинов, в мгновение ока сам оказался разбит и обращён в бегство. Теперь уже державные воины почти безнаказанно истребляли своих противников.

Тем временем, в тыл вежинской пехоте, бившейся в центре боевого порядка, зашли три тысячи железных копейщиков и ворвалась, грохоча доспехами Старшая дружина Волковых. Копейщики ударили по отрядам сваяльцев, а тяжёлая конница обрушилась на Железное войско Юрьевых. Получив такую неожиданную поддержку, воины, бившиеся в центре державного войска, тут же сами перешли в наступление.

В то же самое время, конница правого фланга под командованием Лютогоста, наконец смогла одолеть кавалерию Юрьевых и Озеровых. И вот уже с правой стороны, потекли в тыл вежинским войскам силы Всеслава Строгова. Ещё немного и всё войско мятежных князей окажется в кольце окружения.

Всё изменилось совершенно неожиданно. Только что они увлечённо гнали бегущих в панике воинов державного князя, щедро раздавая наступившим смертельные удары. Как вдруг сзади раздался топот тысяч копыт, смешавшийся с гулом боевых рогов. В тылу у них появилась лёгкая конница. Над головами всадников трепетали копье, меч и топор, скрестившиеся на бледно-голубом поле.

Ян Грибов заметил врага в самый последний момент. Его воины гнали по полю лёгкую пехоту племенного союза шумян. Уже были совсем рядом шатры и палатки державного лагеря, уже можно было видеть испуганные лица разбегавшейся походной прислуги. Полковник оглянулся и увидел копейщиков своего предельного князя, на которых налетели быстрые конники Волковых. Ян Грибов приказал перестроиться, чтобы принять бой. Но его мало кто услышал. Быть может два или три десятка бойцов были рядом с ним, когда он повёл их вперёд. Точнее, назад, навстречу свежим силам державного войска. Полковник, размахивая саблей, подбадривал своих бойцов. Он уже готов был схватиться с приближавшимися всадниками Дома Волковых, когда брошенный кем-то из них дротик вонзился ему в грудь и с удивительной лёгкостью проколол кожаный панцирь и кольчугу. Ян Грибов вывалился из седла и был затоптан конями.

Юрий, воевода Храмовой дружины Аурина и Зары, попытался построить оборону. Но

успеха не добился. Слишком широко всё его воинство растеклось по полю. Пехотинцы, отставшие от конников, попали под удар врага первыми. Никто из них даже не пробовал защищаться, все разом бросились бежать кто куда. Хотя буквально только что они твёрдо держали строй и бились насмерть. Хуже было то, что многие пехотинцы бросились бежать навстречу храмовой коннице. Может из-за того, что хотели найти у неё защиту, может просто потому, что она была дальше от младших дружинников Волковых. Только порядка в битву это не внесло. Их топтали кони своих же боевых товарищей.

Юрий достал пикой какого-то дружинника и тот, запутавшись ногами в стремянах, повис на спине коня словно тряпичная кукла. Другой враг смог отбить удар железного наконечника щитом и схватился за пику, мешая воеводе использовать её для боя. Тогда Юрий не долго думая, выпустил её из рук и зарубил противника мечом. Но пока он бился с этим дружинником, другой, неожиданно налетевший откуда-то сбоку, вонзил ему копьё в бок, между нагрудной и спинной пластинами панциря. Мёртвый воевода рухнул на землю.

Егор Михайлов и Демид продолжали держаться рядом. Уже не раз в этой битве они спасали друг другу жизнь. Ратники племенного союза шумян, которых они только что гнали прочь, быстро сообразили, что сила вновь на их стороне и уже начали вновь наседать на храмовых бойцов.

— Едрический тудыть! Тут нас быстро прибьют. Давай к лесу пробиваться, там хоть можно попытаться спастись.

— Ага... Понял...

Егор обливался потом, но был готов драться дальше. Усталость его пока не взяла. Да и выбор не велик. Если устал сражаться, тебя тут быстро отправят на вечный отдых. Копьё своё он уже давно потерял. Теперь бился саблей. Демид продолжал орудовать своим топором. Где медленно и осторожно, где бегом, они неуклонно приближались к лесу. В рукопашные старались не вступать, хотя не всегда так удавалось.

Деревья уже были недалеко. Всего пара полётов стрелы, когда Демид внезапно захрипел и упал на землю. Ранивший его боец племенного союза успонов зло ухмылялся, занеся копьё, чтобы добить упавшего. «Демид!» — Егор бросился защищать друга. Поместный пехотинец направил оружие против нового врага. После короткой схватки, но всё же не без труда, Егор смог одолеть успона. Заплатить за это пришлось несколькими болезненными ушибами и глубоким порезом на левой руке.

Егор наклонился к Демиду. Тот был ещё жив, но побелел как молоко. Из раны на его груди обильно текла кровь. Демид махнул рукой, показывая что хочет что-то сказать. В какой-то момент глаза его прояснились и он будто оправился от раны. Но кругом было очень шумно. Звенела сталь, стонали раненые, хрипели умирающие, кричали живые, топтали ноги и копыта. Егор не смотрел на своего друга, так как всё внимание обратил на то, чтобы следить за происходящим рядом. Так зазеваешься и головы лишишься.

Демид что-то говорил про жену, про дочь. По обрывкам фраз, что долетали до его слуха, Егор понял, что Демид хочет, чтобы тот передал что-то его родне. Правда, где искать эту родню совсем неясно. «Раду... Себе заberi... Хорошая она...» — последнее, что понял Егор, когда в ноги Демиду рухнуло тело какого-то бойца без головы. Голова со шлемом упали рядом. А конник, снесший её своей саблей, решил, что нечего отвлекаться на припавшего к земле Егора и поскакал дальше. «Ну всё, давай, Демид, лес рядом. Ещё чуть-чуть осталось... Демид!» — Егор посмотрел в лицо другу. Глаза его безжизненно стекленели на бледном лице, он не дышал. Егор раздражённо стукнул левой рукой себя по колену, отчего порез и

ушибы огрызнулись резкой болью: «Ну как же так? Почти ведь спаслись! Прощай, Демид...»

Пытаться вынести одно тело с поля, где погибли тысячи было глупо. Да и куда вынести? Самому бы спастись. Ещё немного и сам ляжешь также. На мгновение Егор подумал, что неплохо вернуться в лагерь и увести с собой Раду. «Ну да, давай, вернись, проще здесь сразу сдаться в плен или голову под меч подставить. В лагере небось уже всю державные войска орудуют. Да и зачем мне эта поблядушка?»

До леса оставалось меньше половины полёта стрелы, когда взгляд Егора случайно коснулся тела бойца в дорогих доспехах, лежавшего у трупа большого чёрного коня. Сразу видно, что из знатных. Уже собираясь бежать дальше, Егор вдруг застыл. Это же Онагост, воевода Храмовой дружины Агуна и Кесы, его прямой командир! Убрав саблю в ножны, Егор присел рядом. Воевода оказался живым. Резаных или рубленых ран не было, видимо головой только приложился здорово. Онагост приоткрыл глаза и забормотал что-то бессвязное. Труп рядового ратника с поля боя выносить смысла нет. Зато такого знатного офицера, да ещё и живого...

Егор быстро снял с воеводы шлем. Голова действительно была сильно ушиблена. Быстро развязал ремешки пластин, наручей, снял кольчугу. Немного подумав, стянул с воеводы отличные сапоги из красной кожи и бросил их в сторону. Онагост очнулся.

— Ты... Ты... Михайлов... Как тебя там?

— Егор.

— Ты что делаешь, доспехи мои воруешь?

— Жизнь вашу пытаюсь спасти.

— Я хочу умереть в бою... Со славой! Верни мои доспехи.

— Поздно уже со славой умирать. Теперь только в могилу или в плен.

Егор огляделся по сторонам. Рядом с ними никого кроме убитых и раненых не было. Но в трёх полётах стрелы, со стороны державного лагеря, шла группа пехотинцев. Провозишься ещё чуть-чуть и они будут здесь. Егор взвалил освобожденного от лишнего железа воеводу себе на плечи и поволок в лес. Из-за ушибленной головы и резкой встряски того вырвало.

— Ааааээээ, — завыл он. — Моя дружина разбита... Хочу в битву... Что ты делаешь? Верни доспехи, подлюга... Украл... Всё украл... Хочу в битву... Мои воины...

— Тихо, воевода, тихо...

Личная охрана вывела Хотена Юрьева из замыкающегося кольца окружения в самый последний момент. Предельный князь Густошумья, прикрытый своими бойцами, едва успел заскочить в лагерь, когда на месте его ставки закружились бойцы Младшей дружины Строговых. В сторону телохранителей даже были выпущены несколько стрел и брошены дротики. Один боец получил ранение. Но преследовать маленький отряд князя Юрьева дружинники Строговых не стали. Ещё нужно было разделаться с окружённым войском.

Пройдя лагерь, Хотен Юрьев натолкнулся на удиравшего с поля боя князя Чернека Озерова. В горячке едва не дошло до схватки, но бойцы быстро признали друг в друге союзников. Чтобы не терять времени, продолжили движение вместе. Лицо предельного князя Суломатья было окрашено смесью бессильной злобы и мучительной боли.

— Удираю, — сказал он, когда подъехал князь Юрьев. — Как заяц... Я никогда с поля боя не удирал! А сейчас бегу. А там всё моё войско, все мои воины. И наследник мой тоже там!

— Да... — Хотен Юрьев тяжело вздохнул. — Надо же так!

— Какой-то вонючий мальчишка нас разбил...

— Как же теперь быть?

— Как быть? Ты как хочешь, а я после такого позора сдаваться не намерен. Буду биться до конца. Ты со мной?

— Конечно. Только чем биться? Всё наше войско разбито!

— Сейчас так поступим, — сказал Чернек. — Расходимся каждый в свой город. И запираем ворота. Готовимся к обороне. Поместную стражу, ополченцев, ветеранов со службы списанных. Всех вооружаем. Сразу обе крепости Всеслав осадить не сможет. Кого-то одного запрёт. Пока осаждает, другой из нас идёт со своими силами на выручку. А там поглядим что да как.

— Добро. Мой брат Тарас пять тысяч против Клыковых повёл. Если он их сбережёт, то это большая удача будет.

— Отлично! Вот ты меня и будешь от Всеслава спасать.

— Он один против всего войска Клыковых. Боюсь, как бы не постигла его наша доля.

— Всё, расходимся.

— Ну и где Волков? — спросил Лютогост. — Тьфу! То есть Волк.

— Вон он, там, — конный латник указал направление.

Волк Озеров, старший сын и наследник князя Чернека был пешим. Пронзённый стрелами труп его коня валялся рядом. Волк держал в руках меч и прикрывался щитом с сильно порубленным гербом владык Старогуля. На некотором расстоянии от князя, полукольцом держались строговские латники, лениво покачивая направленными на него пиками. Они запросто могли схватить его, но ждали Лютогоста, который пожелал увидеть Волка лично.

Воевода Старшей дружины Строговых легко соскочил с коня, лишь немного присев под тяжестью доспехов. Волк Озеров трясся всем телом, то ли от нервов, то ли от усталости. Скорее всего и от того и от другого. Меч в его руке плясал словно тот нарочно пытался выводить им замысловатые узоры в жарком воздухе. Лютогост подошёл ближе и некоторое время молча наблюдал. Уловка удалась, Волк затрясся ещё пуще.

— Ну что, долго тут стоять собрался? Бросай меч и сдавайся.

— Нет! Попробуй возьми меня. Я лучше погибну в бою!

— Случай погибнуть в бою ты сегодня уже упустил. Теперь только в плен.

— Вот ты и рискни меня взять!

Лютогост с демонстративным пренебрежением вынул из ножен отцовский меч. Отказался от поданного ему щита. Принял боевую стойку и пошёл на Волка. Несколько ударов хватило, чтобы понять на что способен противник. Сын князя Чернека хорошо владел мечом и мог быть опасным противником, но сейчас был не в лучшем состоянии. Ещё натиск, несколько ударов и клинок вылетел из рук Волка, а сам он упал на спину. Лютогост, ударом ноги выбил у того щит. Поднял княжеский меч и взвесил его в руке. Наследник Суломатья беспомощно шевелил руками, словно перевернувшийся жук.

— Ну что смотрите? Вяжите его, — обратился Лютогост к своим латникам.

— Убитых и раненых ещё считаем, государь. Пленными взяли почти десять тысяч ратников, — доложил подъехавший офицер. Всеслав кивнул головой.

— Что будем с пленными делать? — спросил Олег Волков.

— Как что делать? — встрял Лютогост. — Мозговницы рубить. Это же враги!

— Ты прав, брат, это враги. Но это наши люди, сыны Рустовесского государства. Если бы какие-нибудь киврийцы были, то это одно дело. Но со своими так нельзя.

— Вечно ты что-нибудь мудришь, Всеслав. На Белошумье и Старогулье мы сейчас не пойдём. Теперь ещё и пленных просто так отпустим? Может вообще мятежников в покое оставим?

— Ну зачем же их в покое оставлять? И пленных я просто так отпускать не буду. Мы большую выгоду для себя добудем.

— Ладно, — отмахнулся Лютогост, — ты державный князь, тебе и решать как будет.

Подъехал посыльный.

— Мы нашли Вам его, государь. Он ждёт у идола.

— Спасибо, ступай.

— Кого там тебе нашли? — поинтересовался Олег Волков.

— Поехали, вместе поглядим, — подмигнул Всеслав.

До ночной тьмы было ещё очень далеко. Но солнце уже начало клониться к вечерней половине небосвода. Истоптанное поле представляло ужасное зрелище. Тысячи тел убитых людей и коней, стоны раненых, кружащиеся вороны. Князя подъехали к Каменному идолу и спешили.

Вокруг вросшего наполовину в землю постамента лежали вперемежку несколько десятков убитых воинов. Старшие и младшие дружинники сошедшихся сегодня в битве княжеских Домов. Их кони лежали рядом. Здесь столкнулась конница державного войска и Вежинского содружества. Один из бойцов с разрубленным залитым кровью нагрудником прислонился спиной к постаменту. Мёртвая рука его сжимала рукоять меча.

У постамента рядом с офицером Знаменного отряда стоял дремучий старичок. Лицо его было так сильно сморщено, что побрить его в соответствии с древним обычаем было уже нельзя. Густая белая борода была только подстрижена. Обтрёпанная бедная крестьянская рубаша и штаны говорили о том, что его семья живёт небогато.

— Аяй, вот беда! Бедааа... — негромко твердил себе под нос старичок. — Ой, беда... Ой сколько народу побито насмерть... Оёёёй... Какая бедаааа...

Увидев подошедших Всеслава и Олега, старичок упал на колени.

— Государь... Владыка... Князь...

— Поднимись.

Старичок поднялся и продолжил причитать.

— Ой беда... Сколько же полегло... Ой беда... Как же так, государь?

— Война, — только и пришло на ум Всеславу.

— Война, да... Беда...

— Сколько тебе лет?

— Не знаю, государь.

— Но правду говорят, что ты самый старый в здешних краях?

— Правду говорят, я самый старый, — старичок закивал головой.

— Может тебе девяносто лет?

— Может быть... Нет, мало. Больше мне лет.

— Сто пятьдесят?

— Сто пятьдесят, — повторил дед и задумался, подняв вверх выцветшие глаза. —
Может быть. Или нет... Нет, меньше.

— Ладно. Я вот что у тебя узнать хотел. Ты про этого Каменного идола много знаешь?

— Да нет, государь. Кто он такой будет и откуда мне неведомо.

— А как он тут на поле оказался ты знаешь?

— Это было давно. Ещё когда твой прадед правителем был. Идол тот всегда вон в той стороне был.

— Лежал там?

— Ну... Не знаю, лежал или чего. Голова только из земли торчала. А управителю стана нашего пришло на ум его откопать и сюда поставить. Чтобы он за полем присматривал. Мы тут всегда сено косим, значит. А он пусть смотрит. Вестимо это бог какой-то. Видать, ему Древние поклонялись. Да... Любили его видать, раз такого идола сделали. А может это он и есть самый бог. Только окаменел, так как Древних уже нет. Но говорят, что он вообще живой.

— Живой?

— Ну да. По ночам слезает с камня-то своего и бродит тут в лесу.

— И зачем бродит?

— Ну кто же знает его, государь? Может ищет чего. Древних ищет, да найти не может.

— Ну и что тот управитель стана сделал?

— Да... Чего сделал? Собрал людей и давай они копать. И много месяцев копали, а потом сюда его и поставили.

— А дальше что было?

— Да что было? Так вот и стоит с тех пор. По ночам только в лесу бродит. Но жить нам не мешает... Нет.

Всеслав и Олег посмотрели на Каменного идола. На внушительном постаменте, из хорошего гранита, стоял он и невозмутимо смотрел куда-то вдаль. Идол был облачён в длинное до колен каменное платье. Наверное, такую одежду носили когда-то Древние. В левой руке его был скомкан какой-то небольшой свёрток. Круглая с лысиной голова и небольшая бородка. Ладонь правой руки с оттопыренным большим пальцем пыталась дотянуться до чего-то неосязаемого. Интересно, зачем он бродит по ночам в лесу? Может и правда ищет Древних?

Глава 9 Горицкая мыза

Гонец державного князя нашёл их через три дня после того как войско вышло из Камнеграда. Ему пришлось делать очень большой крюк через Солоплаж, поэтому вестей из столицы не было так долго. Прочитав письмо, Ростих Клыков довольно улыбнулся. Он уже начал выполнять всё то, что предписал державный князь. Войско было собрано и теперь шло напрямиком на Густошумье. Оговоренной пометки не было, а значит приказание было подлинным. Хорошей новостью было то, что Дом Волковых встал на сторону державной власти.

Конница шла по левому берегу реки Кульмы, ибо там для неё был более удобный путь. Пехота же двигалась на ладьях. В местах, где начинались пороги, ладьи пришлось оставить. Во владения князей Юрьевых они вторглись так же по левому берегу, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения. Через какое-то время разведка донесла, что в лесах на правом берегу замечены воины врага.

Как и предполагалось, основные силы Хотен Юрьев увёл на юг, против державного князя. Именно там и должна решиться судьба этой войны. На севере же он оставил небольшую рать под командованием своего младшего брата. Тарас, сын Стоума из Дома Юрьевых был мало кому знаком. Вернее, все знали, что такой есть, но вот толком о нём никто не слыхал. Никаких знаменитых и славных дел за ним не водилось. Знали, что был он в битве при Чёрном Кургане. Так вот только кто в ней не был?

Они наткнулись друг на друга неожиданно. Войско Клыковых шло по левому берегу, когда на противоположный вышли из леса отряды противника. Знамёна с зелёным солнцем Дома Юрьевых и ликом лешего смотрели на войско под чёрным змеем на белом поле. Ратники угрожающе махали друг другу копьями и топорами, выкрикивая бранные слова. Лучники пускали стрелы. Но здесь река была слишком глубокой, чтобы пытаться затеять бой. Броды остались вверх по течению, да и развернуться там было негде. Посовещавшись со своими офицерами, Ростих Клыков решил продолжать идти вниз по течению. В нескольких дневных переходах от места их встречи у Горицкой мызы имелся давно наведённый наплавной мост. А по обоим берегам было достаточно места для того, чтобы дать правильное сражение. Вскоре Юрьевы увели свои полки дальше в лес, видимо, приняв похожее решение.

Предельный князь Хладоручья был расстроен. Судя по всему, против него вышла рать численностью всего в пять тысяч воинов. Он превосходил эти силы без малого в четыре раза. В победе над слабым противником нет ни радости, ни славы. Ростих Клыков надеялся увидеть против себя хотя бы половину всех сил князя Юрьева. А лучше всего было бы отвлечь всё его войско. Такая победа была бы очень приятна. Добавила бы владыке Камнеграда влияния. Только ленивый не попрекал Клыковых низким происхождением и недостаточной древностью рода. А ведь они были предельными князьями! Эти мысли добавили Ростиху Клыкову злости. «Ничего, — подумал он, — вот через несколько дней раздавлю этого Тараса с его отрядиком и поведу войско напрямиком на Белошумье. Поглядим, как заговорит Хотен Юрьев, когда я возьму штурмом его город и устрою пир в его хоромах. Надо будет и казну его себе забрать». Так размышлял владыка Камнеграда по пути к Горицкой мызе.

Тарас Юрьев был не рад тому, что под начало ему дали поместных пехотинцев из племенного союза сваяльцев. Слишком они своенравны и непредсказуемы. Из его пятитысячного войска три тысячи были сыновьями именно этого племенного союза. Конечно, они хорошие воины, но нужно всегда быть очень осторожным, когда имеешь с ними дело. То что другие воспримут как должное или просто не заметят, сваяльцы могут счесть за оскорбление.

Не раз Дому Юрьевых приходилось вести со сваяльцами войну. Сам предельный город — Белошумье, был в своё время построен, чтобы защитить от набегов их отрядов земли по реке Рустовесь. После покорения, гордые сваяльцы несколько раз поднимали восстания. Последнее из самых крупных подавляли рати со всей державы. Правда, произошло оно уже более пятидесяти лет назад. Но можно несколько не сомневаться, что эти люди хорошо помнят своё вольное прошлое.

Если другие племенные союзы вполне привыкли жить в составе Рустовесского государства и нормально воспринимают наложенные на них обязанности, то сваяльцы лишь терпят над собой чужую власть. Трудно объяснить в чём это выражается, но чувствуется очень хорошо. Во всяком случае без надобности в земли сваяльцев никто не суётся. Можно и пропасть бесследно. Но сейчас их воины идут вместе с воинами Юрьевых и не считаться с ними нельзя. Даже приходится терпеть некоторые их вольности. Например, как сейчас. Князь-воевода Поместного войска сваяльцев убыл с основной ратью на юг. Воспользовавшись случаем, строптивая пехота выбрала себе из оставшихся с Тарасом офицеров старшего предводителя, полковника Романа. Такого делать не полагалось, но как ты им запретишь, если их трое на двоих твоих людей, да ещё вражеское войско на подходе? С другой стороны, было даже проще. Лучше иметь дело с одним сваяльцем, чем с тремя. Тем более, если он пользуется уважением среди своих соплеменников.

— Если считать по знамёнам, сколько их было? — Роман, полковник Поместного войска сваяльцев, поправил висящий на поясе топор и задумался. Любят они топоры. — Больше десяти точно. До пятнадцати где-то...

— Их было девятнадцать тысяч, — прервал рассуждения полковника Тарас Юрьев.

— Твои офицеры успели посчитать?

— Считали, конечно. Приблизительно так и есть. Дом Клыковых имеет войско в девятнадцать тысяч бойцов. Именно столько они сюда и привели. Не больше, не меньше.

— Почему так думаешь?

— Больше они просто не успели бы подготовить. Да и смысла нет.

— Ну если так, то согласен. Однако это мало что меняет. Нас пять тысяч, а их девятнадцать. Что будем делать?

— Будем сражаться, что ещё?

— Я и не предлагаю бежать. Но их девятнадцать тысяч, как с ними сладить?

— Пойдём на хитрость.

— На какую же?

— Всё просто. Мы предложим им бой на нашем берегу реки. А когда они станут переходить, нападём и перебьём.

— Ага, — Роман криво усмехнулся, — думаешь они вот так просто на это согласятся?

— Оставь эту заботу мне. Я найду слова, чтобы убедить Ростиха Клыкова принять наше предложение.

— Добре, — полковник почесал подбородок. — И каков же план в целом?

— Построимся обычным манером, — ответил Тарас Юрьев. — Но как только я дам знак, твои лучники должны будут засыпать врага стрелами. Так густо, как только смогут.

— Моих лучников не надо учить, как бить врага. В поместную пехоту идут лучшие стрелки наших племён, — недовольно буркнул Роман.

«Ну вот, началось, — подумал Тарас, — гордый сын лешего решил, что его обижают».

— Послушай, — примирительно сказал князь Юрьев, — я несколько не сомневаюсь в храбрости и умении всех твоих бойцов. И я горд, что буду биться с вами рядом.

— Ладно уж, не оправдывайся. Что именно тебе нужно?

— Я поставлю твоих стрелков не одной шеренгой позади наших сил. Они выстроятся в несколько рядов за моими копейщиками. Так они смогут накрывать всё место у моста. Гуще стрелы, больше трупов.

— Не возражаю.

— И ещё. Всё войско Клыковых мы на свой берег пропускать не будем. Ударим, когда их мало и будем бить по частям. Поэтому пленные нам не нужны. С ними возни слишком много. Конницу и копейщиков я уже предупредил, ты своим передай.

— Справедливо.

Разговор был окончен и Роман уже повернулся, чтобы уходить к своим полкам. Но в последний момент остановился и спросил:

— Скажи, Тарас, тебя не тревожит, что если всё получится, то о твоём имени пойдёт дурная слава?

— Ты о чём, полковник?

— Ну как. Ты хочешь обманом ударить по врагам. Потом устроить резню, пленных не брать... О тебе ведь дурная слава пойдёт. Ты ведь из князей, а у вас принято грудь в грудь. Так, чтобы честно, в чистом поле.

— А, — отмахнулся Тарас, — это же война. Мне главное победить, врага не пустить к предельному городу. Своих воинов сохранить. Если всё получится, а я жив останусь, так пускай болтают про меня что хотят. На войне нужна победа. А геройские подвиги пусть бродячие музыканты прославляют.

— Ну да... Правильно!

Роман вновь собрался уходить, когда Тарас, не успев подумать, ляпнул:

— Это же как засада. Твои, вон, предки сколько раз их устраивали и ничего. Никто их трусами не считает.

— Что ты сказал о моих предках?! — полковник за мгновение превратился из спокойного собеседника в бешеного кабана. — Мои предки никогда никого не боялись! Кто посмеет такое сказать о сыновьях лешего? Мы воины!!! Это была война!

Тарасу Юрьеву пришлось использовать всё своё умение, чтобы доказать взбесившемуся офицеру, что он вовсе не то имел в виду. На уговоры ушёл почти час, в течение которого князя Юрьева трижды грозились вызвать на поединок, дважды обещали увести сваяльцев домой и один раз даже спалить дотла Белошумье. Непрестанные извинения и уговоры всё же заставили полковника Романа угомониться. По хорошему, конечно, за такое бесчинство офицера нужно было обезглавить в назидание другим. Но многочисленное войско Клыковых завтра будет здесь, а на двух твоих воинов приходится трое сваяльцев... «Чтобы тебя завтра конь затоптал или на копье посадили», — подумал в след уходящему сваяльцу Тарас. И до боли закусил губы, чтобы не произнести этого вслух.

Они встретились на середине реки, там где наплавной мост имел выводное звено, через которое при необходимости пропускались корабли. Холодные воды Кульмы крутились мелкими водоворотами, журчали, обтекая особые бочонки, на которых крепилась вся конструкция. Первыми ехали командующие враждебных ратей, за ними их старшие офицеры.

Левый берег был почти весь заполнен воинами Дома Клыковых. В летнем воздухе реяли десятки их белых знамён с чёрным змеем посередине. Чувствуя своё превосходство, северяне с небрежностью поглядывали на врага, даже не слишком заботясь о поддержании боевых порядков. Их более малочисленные соперники держались плотными стройными рядами на правом берегу. Не только копейщики и бойцы Старшей дружины представляли идеальные построения. Даже конники Младшей дружины и пехотинцы Поместного войска от них не отставали. Как на княжеском смотре! Ростих Клыков даже на мгновение пожалел, что его войско держится не настолько же образцово.

— Приветствую тебя, Ростих, сын Велерада из Дома Клыковых! — Тарас Юрьев широко улыбался, показывая почти белые передние зубы. Взгляд его был весьма надменным.

— И я тебя приветствую, Тарас, сын Стоума из Дома Юрьевых!

— У нас с тобой большие разногласия, князь.

— Верно сказано!

— И чтобы их разрешить, мы и привели сюда столь славных воинов в таком большом количестве.

— Ну... Твоих воинов всё же не так много.

— Истинно. Так вот что я предлагаю. Чтобы столь славные ратники сегодня не умирали, мы решим дело миром.

— Как же? — Ростиху стало любопытно. Глаза Тараса Юрьева сверкнули усмешкой.

— Твои воины отдадут мне всё своё оружие и, клянусь именами Аурина и Зары, я отпущу вас домой невредимыми.

Ростих Клыков закинул голову вверх и засмеялся так громко, что хохот его разнёсся по обоим берегам реки, и его слышали воины обеих ратей. Шлем едва не свалился у него головы и князю пришлось придержать его рукой. Тарас Юрьев радостно улыбнулся, как нашкодивший проказник, довольный своим озорством.

— Ну что же, — заговорил он, — я вижу, что мои добрые намерения не находят у тебя отклика. Тогда прошу на мой берег и решим дело битвой.

— Хм... А может тебе это с твоей ратью перейти к нам? У нас места побольше будет.

— О... А я то думал... — Тарас разочарованно скривил губы.

— Что ты думал?

— Когда узнал, что ты с войском вторгся в земли нашего предела, я счёл, что Клыковы всё же не такие трусы, как про вас все говорят. Но вижу, что ошибся. Бродить по лесам, да разорять мызы вы можете, а вот в бой вступить, для вас невпотьог.

— С чего бы мне бояться с тобой в битву вступать? У тебя людей в несколько раз меньше!

— Верно, и даже мои пять тысяч тебя пугают. Переходи на мой берег и сразимся! О... Хотя я понял, что ты хочешь.

— Неужто?

— Нам, наверное, нужно подряд заключить? По рукам ударить, монетницами обменяться? Ведь у вас, Клыковых, так принято делать, а не воевать?

Тарас Юрьев торжествовал. Так намекнуть Ростиху на купеческое происхождение его Дома он и не надеялся, само получилось. Лицо предельного князя Камнеграда исказила гримаса гнева. Тарас развернул коня и направился со своими офицерами прочь. Ростих выхватил из ножен меч, но предводитель Юрьевых даже не стал оглядываться, лишь бросил через плечо:

— Давай, князь, заколи меня прямо в спину. Чтобы все видели какой ты храбрец! Я жду тебя на том берегу, если ты не струсил, конечно.

— Сейчас, подожди. Я перейду реку и лично тебя прикончу! Только смотри не сбеги, пока моё войско разворачивается.

— Давай, давай... Надеюсь, до вечера ты всё же наберёшься духу.

— Я уже иду за тобой! Даже твои завонялые сваяльцы тебя не спасут. Убегут быстрее тебя!

А вот этого Тарас не ожидал. Ехавший чуть впереди полковник Поместного войска Роман и из-за меньшего впадал в бешенство. Сейчас испортит всё дело. Тарас Юрьев в ужасе замер. Но полковник спокойно обернулся в седле и крикнул:

— Увидимся на том берегу, купчишка! Поглядим, кто лучше воюет.

«Ну надо же, — подумал Тарас. — А у этого сваяльца в голове и мозги есть, а не только большое самолюбие». Ростих же Клыков со своими офицерами уже мчался к полкам. Те пытались его вразумить.

— Послушай, Ростих, — сказал Кирилл Витвинов, князь-воевода Младшей дружины, — нельзя переходить реку, нас просто разобьют.

— Закрой рот! Ты прекрасно всё видел.

— Он специально разозлил тебя. На мосту твоё войско будет уязвимо. Мы потеряем все наши преимущества в численности и коннице.

— Закрой рот, Кирилл! Ты командуешь Младшей дружиной только потому, что твоя сестра жена державного князя. Не смей мне перечить!

— Какое отношение моя сестра имеет к тому, что я сейчас говорю?

— Он прав, Ростих, — Миежко Клыков, воевода Старшей дружины поддержал товарища. — Нельзя вот так бросаться в бой. Он хочет, чтобы мы подставились!

— Заткнитесь, трусы! В бой!!!

С небольшим отрядом охраны, Ростих перешёл реку первым. Следом через мост второпях потянулись тяжёлые копейщики. Предельный князь не слушал ничьих советов и требовал переправляться как можно быстрее. Из-за этого на мосту и правом берегу смешались в кучу все подчинённые ему силы — Железное войско, Старшая дружина, Поместное войско Севера и Младшая дружина. Все они пугались друг у друга под ногами и страшно мешали. Многие офицеры потеряли своих бойцов, а бойцы офицеров. Ростих начал пытаться восстановить управление ратниками. Первым делом вызвал к себе полковников.

Когда на правом берегу оказалось до трети войска врага, и он начал пытаться построиться, Тарас Юрьев отдал приказ об атаке. Загудели боевые рога и лучники выпустили первые стрелы. Стройные ряды войска Юрьевых двинулись вперёд. Владыка Камнеграда тут же понял, на какую катастрофу обрёл свою рать. Но было поздно.

Пронзённые стрелами бойцы падали на землю. Кто-то уже покатился по берегу в воду. Но продолжалось это не долго. Ощетинившаяся копьями масса пехоты Юрьевых уже ударила в толпу Клыковых. Конница пошла с флангов, прижимая противника к воде.

Ростих Клыков увидел вдали Тараса Юрьева. Полководец на коне рубил мечом бестолково подставлявшихся северян. Предельный князь Хладоручья бросился на него. Сейчас он убьёт этого мерзкого человека и вырвет для своих воинов победу. До Тараса оставалось совсем маленькое расстояние. Ещё чуть-чуть и он зарубит его своим клинком. Внезапно Ростих почувствовал мощный удар в правый бок и вылетел из седла. Тело тряхнуло от удара об землю и гаснущие глаза увидели схватившихся на мечах воинов.

Кирилл Витвинов обеспечил проход, через который на мост вынесли тяжело раненого копьём предельного князя. «На тот берег его, срочно!» — крикнул он телохранителям, а сам бросился в гущу боя. Некоторое число сваяльцев прорвалось ближе к мосту. Миежко Клыков, воевода Старшей дружины повёл бойцов в контратаку. Сваяльцев удалось оттеснить, но один из сыновей лешего ударил воеводу топором. Миежко вывалился из седла, упал в реку и утонул под тяжестью доспехов.

Среди бойцов началась паника. Кто-то из офицеров приказал рубить канаты, держащие мост, чтобы не дать Юрьевым перейти на левый берег. Когда мост стал отклоняться под течением, многие воины побросали оружие и начали прыгать в воду, чтобы спастись. Уцепиться за мост удалось немногим, большинство утонуло.

Кирилл Витвинов приказал спешиться всем, кто ещё был в седле. Благодаря тому, что натиск Юрьевых на какое-то время ослаб, князь-воевода Младшей дружины смог остановить замешательство и построить ратников в боевые порядки. И когда Тарас Юрьев вновь начал атаку, его встретила вполне организованная оборона. Один из уцелевших полковников Железного войска тем временем занялся восстановлением моста.

Юрьевы и сваяльцы множество раз бросались на приступ, но всякий раз разношёрстные ряды Клыковых сдерживали удар. Когда мост вновь был закреплён, Кирилл Витвинов приказал уносить на левый берег раненых. Его людям пришлось сдерживать ещё три натиска, пока те, кого можно было спасти, были переправлены. Наконец, пятась под стрелами, отступил и весь отряд Витвинова. После чего, князь-воевода приказал рубить канаты уже на левом берегу. Но Тарас Юрьев и не пытался преследовать врага. Он добился победы. Теперь Клыковым не остаётся ничего другого, как убраться в своё ледяное захолустье, чтобы зализывать раны. И не скоро они ещё оправятся от такого погрома.

— Не знаю, кто этот офицер, — сказал Тарас Юрьев, указывая окровавленным клинком на Кирилла Витвинова, когда тот метался в гуще боя, раздавая приказы, — но он настоящий воин!

Глава 10 Даже не сомневайся

Оказавшись в Миргороде, Пётр Строгов немедленно явился на приём к Мирине, чтобы открыться ей. Он сильно волновался, что она не узнает его или не поверит, что это он. Даже имел при себе на всякий случай скреплённое печатью письмо от мудрейшего Валентина, где тот собственной рукой заверял личность Петра и подтверждал его возвращение в благоверие. Несколько раз его пришлось показывать стражам и офицерам ратных отрядов, особенно здесь, в столице предела. Так что лишней грамота не была. Но только не для Мирины. Сестра сбежала к нему с престола, едва не запутавшись в полах своего платья. Две её спутницы из свиты даже бросились к своей госпоже, чтобы не дать ей упасть, но всё обошлось. Мирина схватила Петра за плечи и пристально посмотрела в его лицо. Она так долго глядела, что юноше стало неловко. А присутствовавшие в зале женщины начали шептаться. Но, наконец, она обняла его и поцеловала. Старшая сестра, жена предельного князя Крайнесточья, известная своим крутым нравом, обрадовалась как девочка. «Это мой брат Пётр, — воскликнула она радостно, — он с нами!»

Но ещё сильнее Пётр беспокоился, как его примет Видогост. Всё-таки сестра это родная кровь, а тут её муж. Предельный князь вернулся через несколько дней после приезда Петра. Он был в бешенстве. Они с Мириной долго о чём-то разговаривали. Само собой, Петр решил что речь шла о нём. Но когда, наконец, Видогост с женой покинули свою опочивальню, о попавшемся на глаза брате Мирина сказала: «Кстати, совсем забыла! Мой брат Пётр приехал». На что Видогост ответил, что уже всё знает. Был в храме Агуна и Кесы, где мудрейший Валентин рассказал о бегстве младшего Строгова из Древгорода. Пётр мысленно хлопнул себя по лбу. Как же сам не догадался, что Видогост обязательно посетит храмовое держание!

Муж сестры оказался очень добр. Пожал Петру руку и выразил полное одобрение его приезду. В тот же вечер в честь него дали приветственный пир. Первым делом Видогост призвал всех почтить усопшего державного князя Лесьяра Строгова. Само собой, Петру это было очень приятно. За столом нашлось место и спутнику Петра, Яну Ледкову. Другие его друзья, будучи простолюдинами, не имели права сидеть за столом у предельного князя. Но их вкусно накормили на кухне, так что обделёнными они себя не чувствовали. На пиру Видогост объявил что дарует в пользу брата своей жены доходы с сельца и двух мыз. Из числа тех, с которых кормился сам князь и его семья. Потом назначил Петру личного телохранителя. Из разговоров на том же пиру, Пётр понял, что войско Видогоста в войну вступать не будет.

Телохранителя Петра звали Скалогром. По правде говоря, имя вполне соответствовало его наружности. Он был огромного роста со здоровенными ручищами, мощной грудью и крепкими ногами. Грубое лицо его с резкими чертами, сломанным носом и близко посаженными глазами всё время сохраняло непроницаемое каменное выражение. Лишь изредка, когда кто-то выдерживал и смотрел ему прямо в очи, охранник улыбался. Но выглядела улыбка довольно жутко. О себе Скалогром почти ничего не рассказывал. Пётр лишь знал, что Скалогрому тридцать один год и семьи у него нет. «Моя мать умерла при родах», — говорил он и улыбка на его лице плавно перетекала в задумчивую печаль. «А отец мой пропойца... Тоже умер», — всякий раз после слов о матери повторял телохранитель.

Скалогром никогда не отставал от Петра, всегда следуя за ним. Иногда младшему

Строгову даже начинало казаться, что Видогост назначил ему телохранителя не для защиты, а для слежки. Чтобы не убежал. Попытки подружиться к успеху не привели. Разговаривать Скалогром не любил. Со временем Пётр перестал пытаться и старался просто не замечать маячившего за его спиной здоровяка. Да и слежка была не такой уж обременительной. Внутри резиденции он передвигался вполне свободно. А примерно раз в две недели Скалогром напивался до беспамятства и дрях в казарме Поместной стражи.

В Миргороде у Петра появились и новые знакомства. Он подружился с Верой, одной из сестёр покойного предельного князя Деяна Булатова. Она была хорошей девушкой, правда на целых два года старше самого Петра. Но это не мешало им общаться. В отличие от безмолвного охранника, Вера болтала непрерывно. Благодаря ей он знал все сплетни Миргорода. Правда, запомнить не мог. «А в свите у Мирины все девицы... О, и не только девицы, а замужние тоже, вообще все, обсуждают на ком ты женишься! Ты ведь не мог просто так приехать!» — защебетала Вера и неожиданно поцеловала Петра в щёку, задев немного уголок его губ. От приятной неожиданности он застыл на месте. Но неловкость между ними возникнуть не успела, так как Вера схватила Петра за руку и потащила за собой. «Пойдём, я тебя с кем познакомлю!», — сказала она.

Они пришли в старую резиденцию Видогоста. Там Вера познакомила Петра со своей подругой, Агатой. Про себя сын Лесьяра Строгова отметил, что не смотря на потоки рассказов и сплетен, Вера ни разу не упоминала об этой узнице предельного князя. «То есть Вера, не смотря на мнимую ненадёжность, всё же держит язык за зубами когда надо», — подумал Пётр.

«Для меня большая радость быть представленной сыну самого Лесьяра Строгова и брату нашего державного князя, — сказала Агата приветливо. — Вера много про тебя говорила. Это я попросила её нас познакомить». Большой живот молодой женщины не оставлял сомнений в том, что она беременна. Но красивые чёрные глаза отражали глубокую печаль. Причина её выяснилась вскоре. «Это ребёнок Деяна, — полушёпотом произнесла Вера после одобрительного кивка Агаты. — Только тсссс!» Оттопыренный вверх указательный палец юной Булатовой примял губки. Пётр был немного ошарашен. Он с братьями был свидетелем помолвки Деяна Булатова с его сестрой Дариной. Так-то владыка Миргорода держал свои клятвы! Но вслух ничего не произнёс.

— Ну... А почему ты такая грустная, Агата? — спросил наконец он.

— Как ты не понимаешь! Это ребёнок Деяна. Мирина позволила мне родить, но не даст его оставить. Его заберут на воспитание в храм Агуна и Кесы, он никогда не узнает кто его родители. Но может и хуже. Может... Может... Его вообще... Убьют по дороге, — последние слова Агата с трудом выдавила из себя и разрыдалась, усевшись на скамью. Вера бросилась утешать подругу.

«Вот какой клубок тут заплетён», — начал складывать в уме Пётр имевшиеся у него знания о внутренней жизни Миргорода. Но глядя на то, как плачет молодая женщина о судьбе своего ещё не родившегося ребёнка, подумал, что должен помочь сохранить ему жизнь. Но как?

В Ратном зале резиденции державного князя в Древроде вновь собрался военный совет. Всеслав Строгов и Олег Волков обсуждали как дальше вести войну. Здесь же присутствовали все высшие офицеры. Державный князь подвёл итоги летней кампании

четыреста четырнадцатого года. Объединённое войско Вежинского содружества потерпело сокрушительное поражение в битве у Каменного идола. Мятежники потеряли пятнадцать тысяч ратников убитыми, двадцать тысяч ранеными и ещё десять тысяч попали в плен. В бою с ними пали пять тысяч державных воинов. Одиннадцать тысяч были ранены. Среди пленных врагов было большое количество офицеров и знатных воинов. Особой удачей был захват Волка, сына Чернека из Большого Дома Озеровых, наследника Суломатья. Так что победа молодого государя была бесспорной.

Но она была омрачена известием о битве у Горицкой мызы. Как оказалось, всего через семь дней после победы Всеслава, войско Клыковых было наголову разгромлено маленьким отрядом Дома Юрьевых. Сам предельный князь Хладоручья был тяжело ранен копьём. Клыковы потеряли четыре тысячи убитыми и три тысячи ранеными. Победа стоила отряду Юрьевых шестисот убитыми и ещё пятнадцать сотен ранеными.

— Позвольте узнать, государь, откуда известны потери Юрьевых у Горицкой мызы? — поинтересовался Иван Волков, воевода Старшей дружины Олега.

— Мой человек, — заговорил с одобрения Всеслава Степан Глазков, — пристав Тайной стражи Трифон Кривин имеет надёжных друзей в Белошумье и от них получает много полезных сведений.

— Давайте подведём итог, — сказал державный князь. — Мы одержали славную победу. Но война ещё не окончена. Хотен и Чернек сдаваться не намерены, а у нас пока нет сил их добить.

— Отчего же нет? — в который раз возразил Лютогост. — Они разбиты, а мы победили! Надо запретить их в предельных городах и заставить сдаться.

— Во первых, мы сами понесли потери. Наши рати тоже устали. Во вторых, из-за поражения северян мы не сможем осадить оба города разом. И в третьих, Видогост Булатов сохранил своё войско целиком. Если ему взбредёт в голову прийти на выручку Чернеку, то мы проиграем. Так что поступим как порешили. На будущее лето собираем новые силы, Древгород и крепости Гужвоземья будут готовиться к осаде. Олег.

— Да, государь.

— Ты с войском будешь угрожать владениям Хотена Юрьева. Чтобы он не мог вторгнуться в мои земли. Прикроешь мой поход. Справишься?

— Даже не сомневайся, — улыбнулся владыка Удольчина.

— Хорошо. А я с Ростихом Клыковым накажу Видогоста Булатова.

— Ещё есть вопрос, — Олег Волков немного помолчал, постукивая костяшками пальцев по столешнице. — По поводу налогов.

— О налогах я повелеваю так. Вы с князем Клыковым заплатите мне половину от положенного. Другую половину потратите на укрепление войска. О потраченных деньгах пришлёте подробный доклад.

— Если такова твоя воля, — Олег согласился, но было видно, что ему бы больше пришлось по душе полное освобождение от податей на этот год без отчётов. Всеслав понимал, что победа в войне будет лишь первым шагом в деле укрепления государства. Уничтожив врагов, придётся иметь дело с союзниками.

— Не переживай, Олег, я не только с тебя возьму налоги, но и с Озеровых с Юрьевыми. Причём не половину, а целиком.

— Вот как? Так они тебе и заплатят, — предельный князь Солоплажа улыбнулся.

— Заплатят. Налог за этот год точно. А может даже и поболее того.

— И как ты хочешь это устроить?

— Мне пленные помогут.

Была середина листопада, второго месяца осени. Воздух был пропитан неуловимыми ароматами готовящегося к зиме леса, холодной речной воды и дождя. Схватки начались в полдень. Агата ждала этого давно, но всё равно не была готова. Прибежавшая прислужница уложила её в кровать. Распорядилась греть воду, а сама отправилась за повитухой. Пришедшая пожилая женщина была спокойна и рассудительна. Быстро сказала кому и что делать, а кому из прибежавших служек убираться прочь. Прикрикнула на Агату, когда та сказала, что боится и ей больно.

К вечеру бывшая беззаконница покойного предельного князя родила мальчика. Малыша обмыли и дали на руки Агате. Маленькое красное дитя безмятежно заснуло, прежде поглядев на свою мать. Эти глаза нельзя было спутать ни с чем. Множество раз они уже смотрели на Агату с нежностью и восторгом. «Как назовёшь?», — спросила повитуха. «У него нет имени», — с болью в голосе ответила Агата. Но когда повитуха ушла, наклонилась к личику ребёнка, произнесла одними губами: «Деян».

Через несколько дней в старую резиденцию пришёл Пётр Строгов. Один. Он посмотрел на лежащего в колыбели младенца и улыбнулся.

— Хочешь подержать его на руках?

— Ой, нет. Спасибо. Вон как он сладко спит, не буди его. Ты что, одна здесь?

— Нет, ещё прислужницы есть.

— То есть тебе с малышом никто не помогает? Его ведь кормить, надо, пеленать. Тебя, что, кто-то учил как это делается.

— Ну вообще-то у меня есть несколько младших сестёр. К тому же я в свите у Мирины много раз с младенцами сидела, знаю как должно быть.

— Да, точно... Я почему-то не подумал об этом. Когда его у тебя забирают?

— Через три недели, — невозмутимо ответила девушка. — Его и ещё десяток младенцев-сирот повезут из градского подворья в храм Агуна и Кесы.

— Агата, не бойся. С твоим сыном ничего не случится. Я поеду с тем обозом и прослежу, чтобы его никто не тронул.

— Думаешь, Видогост и Мирина тебя отпустят?

— Им я сказал, что заскучал немного, что хочу помолиться у очага в главном хранилище. Они не возражают. И ещё мудрейшему Валентину письмо написал. Он ответил, что с радостью примет меня. Вот... Так что не бойся, я прослежу.

— Спасибо тебе! — на глазах Агаты сверкнули слёзы. — Правда, спасибо. Это для меня очень важно. У тебя правда получится проводить моего сына прямо до храма?

— Даже не сомневайся.

Она сделала шаг к Петру, но в этот миг младенец заплакал. Девушка взяла его на руки и стала баюкать. Потом распустила завязки на рубахе, достала грудь с крупным розовым соском и дала ребёнку, совершенно не обращая никакого внимания на гостя. Пётр смущённо отвернулся.

Глава 11 Такого никто не ждёт

Поражение в битве у Каменного идола стало для участников Вежинского содружества величайшим злосчастьем. Предельные князья и храмы потеряли лучших своих воинов. Боевой дух ревнителей благоверия и сторонников предельных вольностей был сильно подорван. Но по неисповедимой прихоти пресветлых богов, общая неудача обернулась для Егора Михайлова весьма счастливо.

Он вынес с поля боя Онагоста, воеводу храмовой дружины Агуна и Кесы. Избавление такого высокого офицера от смерти или плена сделало рядового вольной пехоты настоящим героем. После недолгих, но очень утомительных скитаний, когда их несколько раз чуть не повязали державные конники, они благополучно добрались до храмового держания. Онагост немедленно сообщил мудрейшему Валентину имя того, кому он обязан спасением. Егор Михайлов получил щедрую награду: сапоги, крупную сумму денег и бронзовую пластинку с выбитым на ней именем. Помимо имени, на пластинке указывалось, что её обладателю любое подворье должно оказывать всяческую милость. В первую очередь это касалось пропитания и ночлега. Онагост сделал Егора одним из своих ближайших помощников в деле восстановления Храмовой дружины. В будущем это сулило высокую офицерскую должность. Также Егор стал частым гостем за столом мудрейшего. Общее признание имело и ещё одну приятную сторону. Жительницы поселения, разросшегося вокруг храма, стали узнавать бывшего пристава Поместной стражи, улыбались и делали знаки внимания. А местные развратницы, к которым иногда заживал Егор, стали брать с него меньшую плату.

После утреннего таинства огненного благоосенения, Егор, по привычке, одним из первых подошёл к мудрейшему за благословением. Но Валентин велел ему подождать и подойти последним. Ожидая, Егор рассматривал мощные каменные своды хранилища, освящённые пламенем храмового очага. Монументальное сооружение само по себе вызывало трепет. Находясь здесь, всякий раз кожей ощущаешь свою малость и временность по сравнению с этими сводами, что хранят не гаснущее пламя на протяжении тысячелетий. Что уж сравнивать человека и самих пресветлых богов!

Когда хранилище опустело, Валентин подозвал Егора к себе. Вид у мудрейшего был озадаченный. Благословив его, Валентин заговорил так тихо, что Егору пришлось подойти вплотную, чтобы расслышать.

— Егор, — вздохнул мудрейший, — мне очень нужно с тобой поговорить.

— Конечно же...

— Мы, мудрейшие храмов пресветлых богов, всегда общаемся с множеством людей. Я переписываюсь и часто вижусь со всеми наставниками хранителей мудрости в Крайнесточье...

«Что он хочет этим сказать, — напрягся Егор, — неужто кто-то донёс, что я позавчера ходил к поблядушкам?» Валентин тем временем продолжал:

— Также у всех храмов очень тесная связь. Особенно в свете последних бед, что свалились на нас. Я общаюсь со множеством людей, — мудрейший говорил тихо и вкрадчиво. Вроде как сомневаясь в своих словах и подолгу обдумывая каждое. Периодически рассматривая свои сложенные замком руки. Но потом неожиданно резко поднял взгляд прямо в лицо Егору. — Я знаю, что ты служил в Поместной страже Суломатья. Знаю, что ты был приставом. И знаю, что было с тобой дальше.

Вот в чём дело! Мудрейшего не интересуют какие-то мелкие грешки, ему известна самая большая тайна бывшего пристава. Егору показалось, что тяжёлые каменные своды давят ему прямо на плечи. А пламя очага за спиной Валентина разгорелось так сильно, что прожигает своим жаром лицо.

— Поведай мне всё без утайки. И не забывай, что твои секреты и так для меня не потаённые.

— Я... Да, мудрейший, я всё расскажу, — Егор опустил голову. — Я... Служил в Поместной страже князя Чернека Озерова. И я участвовал в битве в Орешкином овраге против мудрейшего Вейкко. Ещё там был отряд Тайной стражи. Мы были разбиты, а меня взяли в плен. А потом Вейкко приказал развязать всем пленным путы на руках и призвал нас защищать древних богов. Мы... Все вступили в его войско, в Благоую рать. Все, да... Я тоже записался. Но на Михайловом лугу, уже когда подошли войска Лесьяра Строгова, я испугался их численности и дезертировал... Я... Понимаете, мне... — Егор тяжело вздохнул, набираясь сил, чтобы продолжить рассказ. Он посмотрел за спину Валентина. Там, на стене за пламенем очага была нарисована Круговерть, символ благоверия.

— Продолжай, я слушаю тебя.

— После того, как я дал тягу, то спрятался в остроге у своего отца. Михайлов луг это наше владение и острог наш там недалеко. Пока войско державного князя стояло лагерем на берегу реки Хили, я прятался в нём. В наш острог даже заезжал с визитом его второй сын Лютогост. Но я его не видел, отец велел мне не высовываться.

— А что было потом?

— Когда Лесьяр с приближением весны ушёл в Древгород, я подался в Старогулье. Пошёл слух, что храм Юма и Живы набирает воинов в свою дружину. И я решил записаться. Но в предельном городе меня узнали. Сам Чернек Озеров велел выгнать меня с позором и грозился сбросить со стены, если я ещё раз окажусь там.

— За что он велел так поступить с тобой?

— Я же много лет был офицером в Поместной страже. И он догадался, что я был в Орешкином овраге, а на Михайловом лугу не бился. Поэтому велел меня изгнать. Я не знал как поступить. Снова вернулся в наш острог. Но отец велел мне попробовать скрыться в Крайнесточье. По правде говоря, он тоже не одобрял моего бегства из Благой рати. Тогда я отправился на восток. Прознал, что храм Агуна и Кесы тоже призывает воинов. И явился сюда. Дальше Вы знаете. Я был в походе и у Каменного идола.

— Вот скажи, для чего ты явился в Старогулье? Почему хотел записаться в Храмовую дружину?

— Я хотел искупить свою вину перед Юмом и Живой.

— Понимаю тебя, понимаю, — мудрейший Валентин едва заметно покачал головой, плотно сжал губы и задумчиво посмотрел чуть в сторону от Егора. — Ты ведь понимаешь, что я не могу позволить тебе остаться здесь, после того, что мне стало известно?

— Да, мудрейший. Мне покинуть храм немедленно?

— Нет, это будет слишком заметно и подозрительно. То, что я узнал, останется тайной. По крайней мере я никому ничего не расскажу. Ты хороший человек, я вижу, что ты был честен в разговоре со мной. В битве ты сражался достойно. Твои награды за участие в ней заслужены. Воевода Онагост тебя очень уважает. Он хочет предложить тебе высокий чин в дружине. Погости у нас ещё некоторое время. Но не слишком долго. Придумай достойную причину по которой ты откажешься от его предложения. Эта же причина должна заставить

тебя покинуть храмовое держание.

— Как Вам будет угодно, мудрейший.

— Ну всё, ступай.

Егор Михайлов покинул хранилище с тяжёлым чувством. Он вышел на улицу и остановился на пороге, выложенном каменными плитами, выточенными из валунов. Посмотрел в небо, затянутое тяжёлыми тучами. Сверху лились крупные струи ледяного дождя, какой обычно бывает поздней осенью. Уже чувствовался в воздухе стылый запах близкой зимы. Егор смотрел на тучи и думал. Только что всё в его жизни складывалось так удачно. И вновь это разом исчезло. И ведь так всегда в его жизни.

В юности девушка, которую он любил была отдана замуж за другого. Потом ещё передала ему письмо, в котором написала, что Егор хороший и он ей очень дорог. Куда уж там! Конечно, он ей дорог, но детей она будет рожать от другого. Спокойная размеренная служба в Поместной страже закончилась побоищем в Орешкином овраге, где полегли все его друзья-офицеры. Потом этот позор в Старогулье. В походе он сдружился с Демидом, но тот погиб у Каменного идола. Егор получил возможность подняться в Храмовой дружине, но и эта дверь для него теперь закрыта навсегда. Как быть? «Выбора нет, — размышлял он, — завербуюсь боевиком в купеческие отряды. А пока перебыюсь как-нибудь. Тем более, что деньги у меня пока есть. Да и наградная бронзовая пластинка даст возможность найти пропитание и кров над головой. Только вот какую причину выдумать, чтобы уехать?»

Когда путники только покинули Миргород, последние листья уже давно облетели с деревьев. Поля были убраны, а озимые засеяны. Помимо крытой повозки, в которой везли брошенных сироток, в дорогу двинулись несколько торговых подвод с купцом и пятью боевиками, а также Пётр Строгов со своим неразлучным телохранителем. Поначалу лил проливной дождь и они даже были вынуждены провести почти четыре дня на одном из постоянных дворов. По правде говоря, Петру там понравилось. Было сухо, тепло и сытно. Но это была лишь небольшая остановка по пути к храму Агуна и Кесы. Когда дождь затих, они двинулись дальше.

Ледник уже начал лизать студёным языком северных ветров облака и верхушки деревьев. Всё чаще вместе с каплями дождя сыпали с небес мокрые снежинки. Водоёмы стали подёргиваться корочкой льда. Зима неуклонно приближалась. Интересно, они успеют добраться до храмового держания пока не пойдёт настоящий снег?

Пётр всё время держал своего коня поближе к сиротской повозке. В ней суетились женщины-кормилицы, в обязанность которых входила забота о младенцах. Где-то там сейчас кормит одна из них незаконного сына Деяна Булатова и Агаты Лоскутовой. Петру стало искренне жаль ребёнка. Его разлучили с матерью и он никогда не узнает о себе правду. Совсем недавно он засыпал под её колыбельные песни, а теперь сосёт грудь совсем чужой ему женщины. Он вспомнил, как Агата кормила малыша и ему вновь сделалось неловко. Будто он снова очутился в той комнате один на один с кормящей матерью. Впрочем, глупости это всё. Пётр пообещал Агате, что не позволит никому навредить её ребёнку. А то, что ему уготована такая судьба виноват не он. Об этом должны были позаботиться Деян и Агата, его родители.

Тем не менее, не было никаких поводов считать, что Видогост с Мириной желали младенцу смерти. Никто к сиротской повозке не совался. И лишь вечно угрюмый Скалогром

вызывал у Петра опасения. Что если убийство поручили ему? Юный Строгов пощупал рукоять висящего на поясе меча. С таким здоровяком ему точно не сладить! «Нет сомнений, что Видогост поручил Скалогрому не просто охранять меня, а именно наущничать, — размышлял Пётр, разглядывая как мерно крутятся колёса повозки. — Угрюмый пень! Ни поговорить с ним, не посмеяться. И доверять ему нельзя. Как же от него избавиться?»

Всеславу Строгову не спалось. Он лежал на спине, накрывшись тёплым шерстяным покрывалом и смотрел в потолок. Слева к нему прижалась нагая супруга. Положив руку на его живот, а голову на грудь, Зима мирно дремала. Её горячее дыхание мерными волнами согревало его кожу. Всеслав пальцами медленно перебирал её распущенные волосы и размышлял о насущном.

Летняя кампания закончилась очень удачно. Весной Всеслав мог лишь мечтать о подобном исходе. Ему удалось не допустить объединения всех враждебных сил, поссорив Видогоста с возможными союзниками. Хотя по справедливости, ссора та не была его заслугой. Из того, что рассказал Волк Озеров, выяснилось, что за раздор с Домом Булатовых Чернек должен благодарить сына. Но самое главное, Всеслав одержал решительную победу в битве, разбив войско Вежинского содружества. Он попробовал себя в таком трудном и опасном деле как война, набрался опыта и уверенности в себе. Но всё же до окончательной победы было ещё далеко.

Лютогост, со свойственной ему горячностью, предлагал немедленно повести войска на Белошумье или Старогулье. Но сил для этого было слишком мало. К тому же предельные города были очень хорошо укреплены и жило в них достаточное количество жителей, чтобы собрать мощное ополчение для обороны стен. Угрозой оставались и Булатовы. В решающий момент никто не смог бы помешать Видогосту привести войско под стены осаждённого города. И тогда можно было потерять все завоевания.

Всеслав наметил план на будущий год. Нужно совершить поход к храму Благопроявлений и нанести поражение Булатовым. А большое количество захваченных в плен, поможет ему давить на Юрьевых и Озеровых. Конечно, кормить пленников накладно, но война вообще очень разорительное дело. А затраченные припасы окупятся, когда враждебные князья начнут выплачивать налоги. Здесь молодой державный князь действовал последовательно и твёрдо. Отпустив по домам раненых, Всеслав добился в обмен согласия Чернека и Хотена начать переговоры. С потерей войск, они лишились возможности отказаться.

Конечно, о личной встрече речи не шло. Просто возобновилась переписка. В первом же послании на своё имя, взбешённые предельные князья ознакомились с предложенными условиями. Когда Всеслав получит положенные за этот год налоги с Густошумья и Суломатя, он распустит по домам рядовых. Когда в закрома Древгорода перекочают налоги за следующий год, он отпустит офицеров. Причём речь шла только о княжеских воинах. За бойцов Поместного войска должны будут заплатить сами племенные союзы. И наконец, самые знатные воины и Волк Озеров будут отпущены после выплаты не только всех положенных податей за два года, но и отдельного выкупа за каждого. В случае отказа от предложения или срыва договорённостей в любом из означенных параграфов, Всеслав грозился включить пленников в состав державных отрядов и мелкими группами направить их сторожить остроги у Мирлийских гор.

Молодой князь сильно жалел, что у него не было возможности увидеть лица Чернека Озерова и Хотена Юрьева, когда они прочли послания. О том, какая ярость их охватила, можно было догадаться только по длительному молчанию. Шесть недель от мятежных князей не было никаких известий. И лишь потом гонцы привезли короткое согласие со всеми условиями. Расчёт Всеслава оказался верен. Постепенное возвращение пленников, необходимость тратить огромные деньги на выплату податей и создание нового войска, не позволят врагам возобновить войну в четырёхста пятнадцатом году.

Другим важным следствием победы было то, что через пленённых сваяльцев, Всеслав Строгов налажил прямое общение со знатью их племенного союза. Сваяльцы пообещали создать Юрьевым небольшие проблемы в будущем году. Конечно не потому что они любили державную власть и ненавидели Дом Юрьевых, вовсе нет. Государя Рустовесской земли они тоже не любили. Но он был где-то далеко, в Древгороде, а Юрьевы совсем рядом. Так что почему бы не договориться?

Зима зашевелилась, поудобнее положив голову. Затем причмокнула и снова сладко засопела. Любимая жена... Любимая ли, любит ли он её? Молодой государь крепко задумался, пытаясь найти в глубине души ответ на этот вопрос. Она добрая, умная, заботливая, ненавязчивая. Её нельзя назвать красавицей, но у Зимы приятная наружность. Она родила ему сына, наследника, Красимира. Он крепкий и здоровый мальчик. «Да, я привязался к этой женщине, но есть ли здесь любовь?» Всеслав вновь стал перебирать волосы жены. Ему было хорошо с Зимой, он уже с трудом представлял свою жизнь без неё. Это была привязанность, которую он воспитывал в себе все годы их совместной жизни. И она должна была стать любовью со временем. Но встреча с Айрой в походе против Вежинского содружества, потревожила его чувства к другой женщине. Даже если бы она не схороводилась с князем в ту ночь, то всё равно улётшаяся страсть была бы разбужена. Но Айра осталась до самого утра.

«Вот интересно, отец был с той купеческой вдовой, Ольгой. Но любил ли он её?» Подумав про неожиданно умершего отца, Всеслав загрустил. Ведь именно отец нашёл ему жену. Отец всегда был надёжной опорой, любящим и твёрдым наставником. Всё что Всеслав умел и знал о войне и управлении государством, передал ему Лесьяр Строгов. И эта война. Если бы не внезапная смерть отца, её бы просто не было. Он победил малой кровью. Вот кого по настоящему не хватает в годину испытаний!

— Ты всё размышляешь, любимый? — Зима закинула голову и в темноте посмотрела в глаза мужу. А дыхание её приятно согрело его губы.

— Ты не спишь?

— Нет. И не спала. Я всегда чувствую, когда тебя тревожат тяжёлые думы и тоже не сплю. Что тебя заботит?

— Всё тоже, что и всегда. Война.

— Чего же волноваться? Ты же победил.

— Я выиграл битву, но не войну. А вот мой союзник, Ростих Клыкков, проиграл битву.

— Это правда, что мой брат Кирилл себя очень хорошо показал?

— Истинно так. Если бы не он, то войско северян было бы не просто разбито, а уничтожено.

— Он всегда мечтал быть воином.

— Ну да... Кем ещё захочет быть мальчик из княжеского Дома, если не воином?

— И то правда, — по голосу Зимы Всеслав понял, что она улыбается.

— Впереди ещё много походов и битв. Много поводов для волнения.

Зима обняла Всеслава за шею и, оказавшись сверху, плотно охватила мужа бёдрами. «Ну по крайней мере в Древограде тихо и волноваться не о чем», — прошептала она и припала к его рту губами.

День Земли, когда элаиты празднуют начало зимы, был отмечен с большим размахом. На таинстве богослужения присутствовал сам молодой державный князь со своей женой, грудным сыном и ближайшими родичами. Горожане, особенно простолюдины, радостно приветствовали Всеслава и прославляли его победу над войском мятежников. Когда богослужение закончилось, прямо на улице был накрыт большой стол и проведена совместная трапеза. После этого были исполнены гимны в честь Единого бога. Горожане ликовали.

По завершении празднества, купеческая вдова Ольга пригласила в свой дом гостей. Помимо Виктора, взявшегося быть главным организатором заговора, явились ещё четверо. Купцы Айвар, Фёдор и Константин. Они торговали мёдом, пенькой и солью соответственно. А также Юрий, возглавитель ремесленного союза стекольщиков.

— Я велю подавать яство? — спросила Ольга.

— Обождёт, — ответил Виктор, — угостились уж. Прежде всего о деле. Все кто здесь собрался давно тебе знакомы.

— И мы тебя тоже давно знаем, — улыбнулся Юрий.

— Так и есть, — подтвердил Виктор. — но теперь мы не просто знакомцы и деловые товарищи. Мы вместе решили взяться за большое дело.

— Я рада, что у меня нашлись единомышленники.

— То, что пришло тебе в голову, мне и самому не раз мыслилось, — Константин, прозванный по роду занятий Солеторгом, был самым богатым из собравшихся. Он утвердительно покачал головой. — Да, так и есть. Я много раз про это думал. Но всё дела, заботы. Да вы и сами меня прекрасно понимаете. Мы богаче большинства князей Рустовесского государства. Мы постоянно путешествуем, умеем извлечь корысть из любого дела. Много знаем в конце концов! А чем заняты князья? Все эти Ратные, Малые и прочие Дома. Да хоть бы и Великий Дом! Что они могут? С детства облачаются в сталь и машут мечами. Затем лишь, чтобы наняться на державную службу. Вот и весь их горизонт. Но при сём все эти дармоеды выше нас. Ходит он такой весь надутый в броне, которую ему в арсенале выдали, с мечом отцовским, да чуть от гордости не трескается. В мощне у него целых две-три улы звенят, да пригоршня рез медных. Да весь он целиком вместе с доспехом государевым, да пригоршней своей и половины не стоит от моего добра, с которым я до ветру выхожу!

— Даже если ты голышом идёшь? — засмеялся Айвар.

— Даже если и голым! Я если нагой у меня вон ещё что есть, — Константин гордо растопырил напоказ правую пятерню. На безымянном пальце его причудливыми искрами драгоценных камней сверкал огромный золотой перстень. — Во как! При этом князья нашего совета никогда не слушают. Лишь налоги берут. Раньше оно может и к лучшему было, а сейчас? Довели государство до кровопролития.

— Но Всеслав оказался не таким уж сосунком, как мы про него думали, — сказал Фёдор Пузо, прозванный так за необыкновенно большой живот. — Всё же он разбил таких

искусников меча как Юрьевы и Озеровы.

— Это правда, — голос Ольги звучал разочарованно.

— То к лучшему, — заметил Виктор. — Поражение Всеслава означало бы победу благоверов. А нам сие не нужно. Не забывайте, что мы хотим не уничтожить державного князя, а лишь заставить его поделиться с нами властью.

— Давно пора, — выразил всеобщее согласие Юрий. — Часть заботы о государстве пусть передаст умным людям.

— Это кому именно? — Ольга улыбнулась. — Ну то есть, конечно же, это мы. Я про то, как нам себя представить?

— Изберём Совет могучих, — Виктор обвёл всех присутствующих рукой.

— Великолепно. Совет могучих у нас есть, теперь нужно решить, как мы будем действовать.

— Ольга, — улыбнулся Юрий. — Мы уже всё продумали!

— Вот как?

— Виктор расскажет.

— Ничего затейливого. Орудует быстро и решительно. Грядущим летом Всеслав Строгов уйдёт в поход на Булатовых. А мы на лето назначаем в городе ярмарку. Под предлогом охраны товаров вводим в город своих боевиков. В условленный день разоружаем Дворцовую стражу и берём под охрану резиденцию державного князя и всю его семью. Когда Всеслав вернётся из похода, мы потребуем от него поделиться властью и предложим помощь в войне.

— Вот так просто? А что мы можем ему предложить?

— У нас есть деньги, возможности следить за соседними землями и, самое главное, у нас есть влияние. Мы можем убедить купцов в других пределах, выступить против князей.

— Действительно ничего затейливого. Думаешь, у нас получится?

— Конечно. Мы все вместе можем выставить до трёх тысяч боевиков. Это большая сила. А самое главное, такого от нас никто не ждёт. Если будем действовать без огласки, то добьёмся своего.

Прибыв в храмовое подворье Агуна и Кесы, Пётр Строгов, вопреки этикету первым делом отправился не к мудрейшему. Он посетил сиротский дом, куда привезли малышей из Миргорода. Посмотрел, как приняла детишек и впервые за долгое время вздохнул спокойно. Пётр уже давно упустил, кто именно из грудничков сын Деяна и Агаты. Но в дороге никто не умер и не пропал, значит он своё обещание исполнил. Похоже, никто младенца убивать и не хотел. Что к лучшему.

Выйдя из сиротского дома, Пётр увидел как густо закружился в воздухе снег. Как раз к его приезду! Скалогром отпросился у Петра в местную харчевню. Юный Строгов с радостью его отпустил. Сегодня угрюмый охранник крепко напьётся, как он любит делать раз в две недели. В дороге такой возможности не было. Всё же если Видогост повелел Скалогрому не спускать с брата своей жены глаз, то телохранитель выполняет свою обязанность не совсем добросовестно. Пожелай Пётр сбежать, возможностей было множество. Хотя куда ему сбежать и зачем? В густеющем снегопаде мимо него прошёл рослый воин с саблей на боку. Одет он был в подбитый мехом кафтан, а на ногах были дорогие сапоги.

— Послушай, добрый человек, — обратился к нему Пётр Строгов. Обернувшийся

показался знакомым. — Не знаешь ли ты где сейчас мудрейший Валентин?

— Он в Хранилище Мудрости. Не знаю где там точно. Возможно, в библиотеке или в канцелярии.

— Благодарю, — Пётр закрутил головой, пытаясь вспомнить, где здесь находится Хранилище Мудрости.

— Это в ту сторону. Ты ведь Пётр Строгов, сын Лесьяра?

— Так и есть, — сын Лесьяра узнал этого человека, но не помнил его имени.

— Я Егор, сын Андрея из Дома князей Михайловых. Мы виделись летом.

— Да, я помню тебя, Егор. Ты уходил с Храмовой дружиной в поход.

— Ага, — улыбнулся Егор. — А ты как раз вернулся в благую веру и собирался уезжать в Миргород. Ну как, сестра приняла тебя?

— Приняла и приютила. А ты, Егор, был в битве?

— О... В самой гуще! Мне повезло больше, чем дружине. Я смог уцелеть.

— Не ранен?

— Посекли, малость поколотили. Но в общем я цел!

— Послушай, — внезапный помысел осенил Петра, — хочешь поступить ко мне в телохранители? Хотя... Наверное, я глупость говорю. Сейчас воины здесь нужны.

— Отчего же? — Егор был готов подпрыгнуть от радости, когда осознал услышанное. Значит боги всё-таки помнят о нём! Но нужно было сохранить солидность и соблюсти приличия. — Твоё предложение это большая честь. Но я не могу просто так покинуть храмовое держание. Вот если бы ты отпросил меня у мудрейшего Валентина.

— То есть ты не отказываешься? Всё же я не смогу платить много.

— Не страшно. Жить интересно или жить богато, это не всегда одно и то же. Главное попроси за меня мудрейшего.

Найдя Валентина в Хранилище Мудрости, Пётр Строгов понял, что приехал не вовремя. Главный хранитель благоверия в Крайнесточье был занят денежными ведомостями и ратными списками. Благословив юного князя, он велел тому расположиться рядом со своими покоями и сказал, что будет к вечерней трапезе. Но опоздал. Когда же наконец явился, то был очень отвлечён мыслями о своих заботах. На просьбу Петра отпустить к нему в охрану человека, ответил категорическим отказом. Правда потом, словно что-то вспомнив, уточнил.

— Погоди, как ты говоришь зовут того ратника?

— Егор из Малого Дома князей Михайловых.

— Егор значит? Хм, — мудрейший почесал заросший густой щетиной подбородок. — Ты знаешь, что он покрыл себя славой в битве, спасая воеводу Онагоста?

— Нет, он мне не сказал.

— Скромность красит воина. Я благословлю его на службу у тебя.

Видя, что мудрейшему хватает забот, Пётр уже на следующий день засобирался в Миргород. Егор Михайлов был с ним. Он навьючил на коня свои скромные пожитки, поправил саблю и спросил:

— А где жить-то будем?

— Видогост обещал мне отдать для жителя свою старую резиденцию.

— Ух ты, чудно! Там есть где развернуться.

— Там... — Пётр хотел рассказать новому другу, что к их возвращению Агата Лоскутова уже переберётся обратно в свиту к Мирине и освободит резиденцию. Но решил,

что недостойно мужчине трепаться направо и налево о таких вещах. Егор не отводил вопросительного взгляда. — Ну, в смысле что там очень много места. Почитай целая крепость!

В этот момент к ним подошёл проспавшийся после попойки Скалогром. Егор присвистнул, оценивая издали его огромную фигуру. Глаза Скалогрома были затуманены мутно-красной сеточкой. Он шёл слегка вразвалку, потирая здоровенными ручищами голову.

— Знакомься, Скалогром, это мой новый боец, Егор Михайлов. Твой помощник.

— Вот как?

— Да. Теперь защищать меня это ваша общая обязанность.

— Ну... Добро.

Старый и новый телохранители пожали друг другу руки. Скалогром некоторое время пытался раздавить руку Егора, но когда тот в ответ сжал его кисть не менее твёрдо, по обыкновению мерзко улыбнулся. Потом поднял прямо из-под ног пригоршню снега и растёр им лицо, задержав хрустящий ледяной комок на лбу. «Я попью водицы и тогда в путь, — сказал он Петру. — Конюший, засранец мелкий, быстро воды мне принеси!» Когда Скалогром отошёл подальше, юный Строгов шёпотом обратился к Егору:

— Видал какого жлоба мне Видогост в охрану подсунул!

— Поросят можно об лоб бить!

— Верно. Слушай, Егор. Тебе я доверяю, а ему верить нельзя. Если я тебя попрошу, ты с ним справишься?

— Хм... Ну... Думаю... Думаю, да. Мне его так зарезать или на поединок вызвать?

— Нет. Нужно, чтобы без подозрений. Чтобы он тебя вызвал, а ты бы только защищался.

— Князь, это как-то низко с моей стороны будет. Я так не привык. Нечестно это, — Егор посмотрел на Петра. — Но если правда нужно, то возможно всё. Мне нужно хорошенько обдумать, как поступить. Чтобы правда без подозрений.

— Обдумай, Егор. Спешить пока некуда.

Глава 12 Храм Благопроявлений

В самом начале равновеса, первого месяца четырёхста пятнадцатого года, войско державного князя явилось к храму Позара и Светлобы, чаще именуемому храмом Благопроявлений. Вёл рать сам государь Всеслав Строгов. Десять тысяч воинов под алыми знамёнами с серебряной звездой обложили храмовое держание со всех сторон. Их никто не ждал. Когда войско появилось на тракте, жителей посада охватил ужас и они беспорядочными толпами бросились под защиту крепостных стен. Вилхо, воевода Храмовой дружины, хотел по всем правилам сжечь посад, но не успел. По его приказу лучники стали пускать подождённые стрелы в постройки, что вызвало немалое возмущение жителей. Но воины Всеслава потушили очаги. Обитатели храмового держания были в восторге. Дабы не вносить раздор, мудрейший запретил дальнейшие попытки поджога.

К вечеру первого дня осады семидесятилетний Эммануил, главный хранитель благоверия в Рустовесской земле, поднялся на крепостные стены. Сопровождал его воевода. Из храмового держания вело три дороги — на северо-запад, северо-восток и на юг. Стольный тракт приводил путников в Древгород. Дорога успонов шла через земли этого племенного союза в Солоплаж, а Полуденный тракт упирался в море. Войско державного князя основной своей силой встало на Стольном тракте, выстроив лагерь у леса. Две другие дороги также были перекрыты сильными отрядами княжеских ратников.

— Быстро обустраиваются, — Вилхо указал мудрейшему на суетящихся недалеко от лагерного частокола воинов.

— Что там? — спросил Эммануил, кутаясь в меха от пронизывающего ледяного ветра. — Я отсюда не вижу.

— Готовятся стенобитные орудия ставить. Ещё несколько дней и всё будет сделано.

— Вот пришёл и наш черёд, — тяжело вздохнул мудрейший. — Сколько их здесь?

— От восьми до двенадцати тысяч.

— Против тысячи нашей дружины и стольких же ополченцев. Скажи честно, воевода, есть ли у нас хоть малейшая возможность победить?

— Если будут осаждать, то заморят нас к весне, — Вилхо моргнул слезящимися на ветру глазами. — Если пойдут на штурм, то потеряют много людей, но нам всё равно не сдержать натиска.

— Значит это конец...

— Когда тараны будут построены, можно совершить вылазку и сжечь их. А заодно и вражеский лагерь. Стенобитные орудия они могут новые сделать, а вот ночевать в поле и в лесу без шатров и припаса намного сложнее. Тогда вы сможете выторговать условия мира.

— Думаешь, такое возможно?

— Да, мудрейший. Если Вы дадите добро, я приготовлю дружину и ополченцев. Дня два или три у нас есть. Ударить нужно будет ночью.

— Я одобряю. Действуй так как необходимо.

— Зачем нужно два лагеря? — Волк Озеров чуть пришпорил коня, чтобы поспеть за Всеславом, объезжавшим свои войска. — Это же глупо!

— Не так глупо как ты думаешь.

По приказу Всеслава Строгова, его офицеры организовали два лагеря. Первый, ложный, прямо на виду у защитников храма, был поставлен на Стольном тракте у леса. Второй за лесом. День войска проводили в ложном лагере, а с наступлением темноты отправлялись по тракту в главный. В ложном лагере оставалось лишь небольшое количество охраны и люди, которые поддерживали огонь в кострах. Ближе к рассвету войска возвращались. Тараны сооружались на дороге у ложного лагеря и слабо охранялись.

— К чему такие сложности? — Волк подъехал совсем близко и его приостановил следовавший за ним повсюду боец Знамённого отряда. — Государь, а ты не мог бы попросить своего дружинника не следить за мной так пристально? Тем более, что я смогу сделать без оружия? Убежать не смогу.

— Нет, это невозможно, — улыбнулся Всеслав, — ты ведь пленник. А насчёт убежать, не забывай, что ты поклялся этого не делать.

— Я помню.

— Тем более, что я не держу тебя в цепях в темнице. Вот видишь, в поход с собой взял. Здесь гораздо интереснее, чем сидеть в Древгороде и ждать, когда отец тебя выкупит. Так что ты говорил про сложности?

— Просто не понимаю, зачем тебе столько войск? Насколько я знаю, даже твой отец привёл на Михайлов луг меньше воинов.

— Мы показываем свою силу. Наша численность лишает врага воли к борьбе.

— Почему бы тогда просто не атаковать?

— Просто так не интересно, — Всеслав Строгов внимательно посмотрел в глаза Волка. Стало ясно, что наследник Суломатья всё очень хорошо понимает. Ему очевидно зачем нужны два лагеря и десять тысяч воинов. Зачем по ночам мёрзнут группы копейщиков у леса, в ожидании врага. Просто он хочет подтвердить свои догадки прямыми словами державного князя. — Не переживай, Волк, очень скоро ты сам всё увидишь.

К вечеру четвёртого дня осады, стенобитные орудия были достроены. Вилхо внимательно осмотрелся с высоты крепостных стен, запоминая мельчайшие подробности, которые могут пригодиться во время вылазки. Дорога, чуть загибающаяся направо, почти тотчас после ворот. Шесть таранов около лагерного частокола. Интересно, что там за лесом? Оттуда тоже тянулся дымок от костров, но разглядеть не было никакой возможности. Впрочем, не важно, может быть это обоз. Нужно запомнить очень подробно то, что рядом. Осталось не более часа до темноты. Храмовая дружина сейчас отдыхает, пора их собирать. Вилхо бросил последний взгляд на поля, тракт, лес и лагерь державного войска, начавшие тонуть в темноте и спустился со стены.

Смазанные петли скрипнули совсем тихо, но воевода всё равно мысленно выругался. Оглянулся последний раз на свою дружину. Он был самым первым, как и положено старшему офицеру. На острие дружины было сто конных латников, за ними следовали две сотни лёгкой конницы. Вслед них длинной колонной встали лучники, взятые в прямоугольное построение храмовых копейщиков. Вилхо направил коня в темноту. Дружина последовала за воеводой.

Выйдя за пределы посада, всадники храма Благопроявлений прищипорили коней и, быстро преодолев расстояние до стенобитных орудий, набросились на их малочисленную охрану. Пехотинцы перешли на бег. Подойдя вплотную к изгороди лагеря, лучники подожгли

стрелы и пустили их по шатрам и палаткам державного войска. Ночное небо осветилось потоком из сотен ярких огней, осыпавших лагерь Всеслава Строгова. Многие палатки загорелись.

Добив охранявших стенобитные орудия воинов, Вилхо огляделся. Теперь нужно собрать всадников и копейщиков в кулак и ворваться в лагерь. Но что-то было не так. Да, шатры горели, воины врага в ужасе разбежались, некоторые гибли под стрелами. Но слишком уж их было мало! Воеводе хватило пары секунд, чтобы сообразить что к чему. Но было поздно. В отблесках пожара, на тракте, шедшем через горящий лагерь показались конники Старшей дружины под знаменем Великого Дома. Их кольчуги, латы, шлемы и наконечники пик сверкали огнём. По сигналу свистка, проход в лагерь был открыт, дабы пропустить стальную лавину державной конницы. Вилхо лишь успел перестроить своих воинов, дабы принять удар грудь в грудь. Возможность отступить они упустили. Но тут раздался сигнал боевых рогов с правого и левого фланга. В ледяном сиянии вылезшей из-за туч луны, стали видны ряды тяжёлых копейщиков, наступавших с обеих сторон и бравших Храмовую дружину в кольцо.

Мудрейший Эммануил наблюдал за битвой со стен крепости. Ему, мирному человеку, сложно было понять что именно происходит. Сначала загорелся вражеский лагерь, накрытый потоком огненных стрел. Потом на несколько мгновений шум ослаб. Когда луна осветила поля подле храмового держания, понять уже вообще ничего было нельзя. Всё смешалось в сплошную чёрную массу, сверкавшую изредка отблесками огня и лунного света и издававшую стальной лязг, хруст и крики с руганью.

Вилхо был усажен в шатре Всеслава Строгова. Княжеские лекари потрудились над израненным воеводой. Посечённая мечом или саблей голова была перевязана. Сломанную левую руку туго затянули между дощечек. Рану от копья на правом боку промыли, обработали мазями и тоже перебинтовали. Всеслав Строгов сидел напротив и улыбался. Воевода тяжело дышал и поглядывал на князя.

— Может быть приказать подать мёд? — спросил Всеслав. — Не нужно слишком сильно корить себя, воевода. Ты не единственный мой пленник.

— Напекаешь на моих дружинников, государь?

— Не только, — державный князь указал рукой на стоявшего чуть поодаль безоружного человека в богатой одежде.

— Я Волк, сын Чернека из Большого Дома Озеровых, — назвал тот.

— Из Дома Озеровых, — повторил Вилхо. — Всё понятно. Как ты догадался, что я буду совершать вылазку именно в эту ночь?

— Это совсем просто. У тебя не было другого выбора. Стенобитные машины были достроены к вечеру. Значит, ты либо должен был разрушить их ночью, либо утром я бы уже ломал ваши ворота.

— Да... Верно. Ложный лагерь, — кисло ухмыльнулся и покачал головой Вилхо, — как же я сразу не додумался! Но как ты мог так точно просчитать мои действия?

— Сложно догадаться какой вопрос тебе зададут. Но если сам задаёшь вопрос, то и ответ легко предугадать.

— Правда... Всё правда. Ты просто выманил меня. Но твои орудия я всё же сломал!

— Подойди сюда и взгляни, — Всеслав откинул полог шатра. Слегка покривившийся от боли воевода подошёл. По тракту воины державного князя катили пять новеньких

стенобитных орудий.

— Понял. Про это я тоже не подумал. Раз уж ты устроил ложный лагерь, то позаботишься о том, чтобы не подставлять под мой удар все тараны — Вилхо вернулся обратно на своё место и ощупал правой рукой повязку на голове. Затем потрогал бороду. — Что теперь?

— Как ты себя чувствуешь, воевода? У тебя достаточно сил?

— Благодаря твоим лекарям, неплохо. Хотя раны, конечно, болят. Сил у меня достаточно.

— Хорошо. Потому что сегодня ты пойдёшь к мудрейшему Эммануилу и убедишь его сдать. Остальные условия я буду обговаривать лично с ним. Если вы сдадитесь, то я клянусь, что никто не пострадает. Никто из хранителей или обитателей храмового держания не будет убит. Ни одна постройка не будет разрушена.

— А если я откажусь?

— Если ты откажешься или мудрейший отклонит моё предложение, то завтра случится следующее. Для начала я на виду у всех казню попавших ко мне в плен бойцов Храмовой дружины. После чего возьму штурмом храмовое держание и отдам его на разграбление своим воинам. Поверь, они не оставят никого в живых. Особенно если получают мой приказ. Думай сам. Твоя дружина уничтожена. Сколько там осталось у вас? Пара тысяч ремесленников, которым раздали копья и суконные платья со старенькими щитами? Думай сам.

Вилхо несколько минут тяжело дышал, морщась то ли от боли, то ли от терзавших его мыслей.

— Какой сигнал мы должны будем подать, если принимаем твои условия?

— Завтра утром все знамёна над храмом должны быть спущены, а ворота открыты. Ополченцы выйдут через ворота на стольном тракте и сложат оружие.

— Я понял.

Вскоре защитники крепости увидели, как в их сторону медленно движется пеший человек. Особо зоркие могли разглядеть, что левая рука его висит на повязке, а сам он заметно прихрамывает. Когда человек приблизился к воротам, все узнали своего воеводу.

Солнце скрылось за серой пеленой туч и с неба повалил густой снег. В оговоренное время со стен и башен спустили знамёна. Ворота на Стольном тракте отворились и оттуда потянулась толпа ополченцев. Всеслав прикинул на глаз, что их около тысячи. Молчаливые и понурые они были подобны идущим на собственную казнь. С опаской поглядывая на стоявших вдоль тракта державных ратников, ополченцы дошли до Всеслава Строгова и стали складывать у копыт его коня своё оружие. Вскоре выросла солидная горка из копий, щитов, железных шапок и обшитых стальными кольцами суконных платьев. Попалось несколько боевых топоров и даже мечей. Разоружившиеся стояли, опустив головы и ожидая своей участи. Князь молчал. Наконец, ополченцы вытолкали вперёд себя самого пожилого ратника. Тот почтительно поклонился и спросил от имени всех:

— Что с нами теперь будет, государь? Как нам быть?

— Как вам быть? — Всеслав улыбнулся. — Возвращайтесь в свои дома и жилища, занимайтесь тем, что вы всегда делали. Платите налоги без задержки. И, главное, не смейте больше поднимать оружие на державную власть. Второй раз прощения вам не будет.

— То есть, — удивился пожилой ополченец, — мы можем уходить?

— Да. Идите по домам к своим жёнам и детям. Вас никто не тронет.

Ошарашенные неожиданной милостью жители попадали на колени и обнажили головы. Раздались дружные возгласы благодарности и даже прославления защитнику Рустовесской державы.

Мудрейший Эммануил принял Всеслава в гостевом зале своей личной резиденции. Присутствовал здесь и воевода Вилхо.

— Приветствую главного хранителя благоверия в Рустовесском государстве, — Всеслав почтительно поклонился. Стоявшие за его спиной офицеры не шелохнулись.

— И я приветствую тебя, государь, — Эммануил попытался встать, но державный князь жестом дал понять, что это излишне.

— Давайте сразу перейдём к самому главному, — Всеслав полуобернулся и махнул рукой. Из-за спин офицеров вышел писарь с двумя свитками гербовой бумаги. Положил оба свитка на письменный стол перед мудрейшим и развернул их. Эммануил стал поочерёдно заглядывать то в один, то в другой. — Это две одинаковые копии одного договора.

— Угу, понимаю. Один останется у меня, другой ты заберёшь?

— Именно так.

— Но вот эти все условия, — Эммануил несколько раз обвёл пальцами лист, который читал, — нам ведь надо всё оговорить и обдумать.

— Вы не совсем поняли меня, мудрейший. Мы не обсуждаем здесь условия мира или перемирия. Я здесь вообще не ради переговоров. Я принёс вам на подпись положения вашей капитуляции.

— По всей видимости, выбора у меня не остаётся. Что же, давайте прочитаем. Я оглашаю манифест об одобрении элаитства в качестве государственной веры, — Эммануил вопросительно посмотрел на Всеслава.

— Верно.

— Обеспечиваю свободный доступ государевым людям до всех архивов и библиотек.

— Правильно.

— Открываю школы, где за умеренную плату обучаю всех желающих грамоте. Но это же невероятно! Нельзя просто так разбрасываться знаниями, которые были сохранены в течение тысячелетий.

— Можно, нужно и Вы, мудрейший, это сделаете.

— Конечно сделаю, какой у меня выбор? Так, — Эммануил опустил уставшие глаза к бумаге. — Я распускаю Храмовую дружину и лишаясь права впредь содержать воинские отряды.

— Всё верно.

— Но куда мне деть моих бойцов, воспитанников из Дома мальчиков? Кто в конце концов будет поддерживать порядок в станах, управляемых храмом?

— Уцелевшие дружинники могут заняться мирными делами или перейти в моё войско. Старшие воспитанники также вольны выбрать державную службу. А порядок будет обеспечивать Дворцовая стража. Тысяча её бойцов разместятся в бывших казармах Храмовой дружины. Есть возражения?

— Конечно же есть. Но ведь мы не обсуждаем условия, а лишь оглашаем их. Так ведь? Давайте закончим уже. Последнее, — Эммануил вчитался и лицо его сделалось совсем огорчённым. — Храму запрещается взимать десятину с подконтрольных станов. Но как же

так, кто её будет брать, если не мы? И на что мне жить, содержать хозяйство?

— Мудрейший, в договоре всё указано.

Удручённый Эммануил прочитал о том, что теперь налоги с его земель будет брать державная казна. Но не десятую, а восьмую часть. Храму же теперь разрешено принимать только добровольные пожертвования. Ещё можно брать продукты, но тоже добровольно принесённые. А содержаться храм будет за счёт выплат со стороны державного князя. «Проклятый хитрец, — подумал про себя мудрейший. — Простолюдины будут рады, что им меньше платить податей. Храм же станет полностью зависим от державной власти».

Обе копии договора были подписаны и скреплены печатями. Когда воск застыл, Всеслав Строгов подал знак и к ногам мудрейшего Эммануила сложили три увесистых мешка с золотыми монетами.

— Здесь три тысячи калист. Они вам пригодятся, — сказал князь.

Глава 13 Не прощать и не наказывать

Правильно налаженная работа не требует непрерывного вмешательства её организатора. Лишь общего руководства и выборочных проверок. Лесьяр Строгов оставил своему сыну начальственный люд и офицеров, которые хорошо справлялись со своими обязанностями. Молодой державный князь приложил все возможные усилия, чтобы наследие отца стало ещё более действенным. Старания Всеслава не пропали даром. Сейчас, весной четырёхста пятнадцатого года, полным ходом шла подготовка к походу в Крайнестьче и государь с удовлетворением отмечал как чётко выполняются все его поручения. Конечно, день правителя Рустовесской земли был полон множества забот, но тем не менее у него появилось время для жены и сына. Не то, что прошлой весной и летом.

По завершении очередного военного совета, Всеслав подумывал пойти потренироваться в казармы Старшей дружины. Но увидел, что исправник Тайной стражи Степан Глазков остался на своём месте, хоть государь и не просил его задерживаться. Такое без причины не случилось. Всеслав понимающе покачал головой и встал из-за стола. Степан тоже поднялся и подошёл к князю.

— Я слушаю тебя, исправник. Тебе ведь есть что сказать?

— Истинно, государь.

— Так в чём дело?

— Заговор. Очень опасный. Затруднительная ситуация для Вас и меня.

— Продолжай.

— Купцы сговорились выступить против державной власти. Хотят, чтобы их допустили до участия в государственных делах.

— Любопытно. То есть они хотят, чтобы я поделился с ними своей властью? А откуда тебе всё это известно?

— Мне донёс возглавитель союза бумажных ремесленников. Его призывал к участию купец Виктор, который занимается тканями и украшениями.

— Тому возглавителю разве не хочется иметь власть?

— Конечно же хочется, но он слишком Вас боится, чтобы участвовать в подобном предприятии.

— Ладно. Кто ещё в заговоре?

— Вдовая купчиха Ольга.

— Бывшая беззаконница моего отца?

— Да, она. Ещё Айвар, купец, торгующий воском и мёдом. Юрий, возглавитель ремесленного союза стекольщиков. Фёдор Пузо, который пенькой торгует. И Константин Солеторг тоже с ними.

— Все элаиты, — Всеслав сжал кулаки. Заговорщиков он хорошо знал, это были крупнейшие торговцы в Древогороде. — Про заговор только от бумажного ремесленника известно?

— Нет. Мои соглядники последили, подсмотрели где надо. Один отрок, прислужник в тереме купчихи Ольги, подтвердил, что все означенные не раз собирались у неё.

— Вот паршивцы! Значит хотят не только денег, но и власти побольше. Теперь всё понятно, зачем они испрашивали дозволения на увеличение числа боевиков. А этот Виктор недели две назад упросил меня одобрить проведение летней ярмарки... Хорошо, что ты

сейчас узнал про заговор! Ведь как только просохнут дороги, мне нужно будет выступать в Крайнесточье. Как же быть? Таких крупных и богатых людей трогать опасно. К тому же все они мои единовверцы. Но и оставлять без внимания их сговор тоже нельзя. Что посоветуешь, Степан?

— Я думал над этим, государь. Мы можем подослать к одному из них убийцу. И когда дело будет сделано, намекнуть остальным на то, что нам известно о заговоре. Тогда им придётся притихнуть.

— Хм... — Всеслав почесал подбородок и задумался. — Такое вполне может сработать. У тебя ведь есть надёжные люди для такого дела?

— Само собой, государь.

— Тогда выбери самого лучшего. Приготовь всё в самой глубокой тайне.

— Будет исполнено.

— Нет, подожди, — Всеслав размышлял вслух. — Нам нужно уничтожить заговор, а так мы лишь припугнём их. Они не откажутся от своей затеи, станут ещё более осторожными. Хм... Слушай сюда! Заговорщики сейчас все в городе?

— Да, кроме купца Виктора. Он в отъезде.

— Жаль... Но да ладно, так даже лучше. Завтра перед рассветом твои бойцы явятся к этим подлецам и приведут их в темницу резиденции. Каждого усадим в отдельную камеру в разных её частях и допросим их по очереди. Взять их нужно будет одновременно, чтобы слух не пошёл.

— Моих собственных сил не хватит.

— Привлеки Дворцовую стражу и ещё из Старшей дружины для внушительности. Я распоряджусь. Всем объявить, что я приглашаю их на важную беседу. Пусть бойцы ведут себя вежливо и даже дружелюбно. Ни в коем случае никакого насилия или погромов. И главное, чтобы никто из купцов между собой не виделся и не разговаривал.

— Я понял, государь. Будет исполнено.

— Опасные испытания шлёт нам Единый!

— Истинно так.

— Я уже давно думал над одной вещью. Во время летнего похода она была неактуальна, ибо тогда речь шла о выживании. Но сейчас, тем более с этим заговором. Мы должны обезопасить себя на случай непредвиденной беды. Ты понимаешь о чём я, Степан?

— Пока нет, — улыбнулся пристав.

— Если враг или какие заговорщики захватят Древгород, мы должны усложнить их положение, а своё улучшить. Когда мы покончим с купеческим заговором, займись вот чем. Продумай тайный вывоз казны из сокровищницы.

— Она очень большая. Так запросто вывезти её не получится.

— Всю целиком и не надо. Нужно будет забрать до двух третей золота и серебра. Это вызовет замешательство у противника. А тем временем мы сможем организовать сопротивление.

— Я понял, государь. И куда подготовить вывоз?

— Помнишь, три года назад мы набрели во время охоты на странное место в Ловицком стане?

— Недалеко от того месте, где Мицальта впадает в Рустовесь? — Степан Глазков сразу понял о чём идёт речь. Тогда они наткнулись на медвежью берлогу, как сначала подумали. Но медведя там не было. Собаки никого оттуда не подняли, хоть и лаяли как взбесившиеся.

Просто дыра в земле. Когда её очистили от коряг и травы, удивлённые охотники увидели внушительный лаз, обделанный камнем. В глубину вели покорёженные временем и скользкие от мха каменные ступеньки. Остатки какого-то сооружения Древних. Но пробраться слишком глубоко не удалось, потолок этого подземелья обрушился так давно, что кроме небольшой площадки, затопленной водой, там ничего не было.

— Да, — подтвердил Всеслав, — именно то место. Там вполне укромно, от посторонних глаз далеко. Как раз для укрытия казны подойдёт.

— Но там на дне воды по колено.

— Золоту с серебром вода не помеха.

— Да, это верно. Я всё продумаю, государь. Но как узнать, что пора вывозить?

— Две причины. Первое, это мой прямой приказ. Когда тебе передадут от меня «красные крылья», то ты немедленно собираешь деньги и прячешь их. Второе, это твоё собственное решение, если я по какой-то причине не смогу распорядиться лично. Например, буду ранен. Или буду в походе, когда к нам вторгнутся Вечерние короли. Если тревога напрасная, а ты уже всё вывез, то ничего страшного. Просто вернём деньги обратно.

— Я всё понял. Значит, «красные крылья»?

— Да, «красные крылья».

Когда малыша забрали, Агата горько плакала до самой ночи. Даже Вера никак не смогла её успокоить, только сама расстроилась. Может быть даже не меньше самой Агаты. Потом ночью, оставшись одна, она ещё долго жалобно стонала в темноте. Ей стало ужасно больно и одиноко. С четверть часа Агата пыталась отыскать кинжал, чтобы заколоть себя, но не нашла. Хотела пойти к кухарям, чтобы взять у них нож. И в это мгновение внутри неё будто что-то сломалось. Слезы закончились. Закончилась её прошлая жизнь. Андрей остался в прошлом. Деян обезглавлен и остался в прошлом, их общего сына чужие люди забрали воспитанником в храмовое держание. Рядом с ней никого нет. При мысли о своих мужчинах она ничего не почувствовала. Легла в постель и остаток ночи проспала крепко, так как не удавалось уже очень давно.

На утро Агата велела прислужникам растопить баню. Когда всё было готово, девушка с удовольствием попарилась и вымылась. По её просьбе, прислужница хорошенько отхлестала Агату веником, в довершение облив затем ледяной водой. Заплетя косу и надев свежее платье, девушка некоторое время вертела в пальцах стеклянные бусы. Те самые, что были на ней когда она приехала в Миргород год назад. Их подарил ей Андрей в знак своей любви. Именно эти стекляшки так любил разминать Деян, когда ласкал своими ладонями её шею. Надевать или нет? Подумав немного, она бросила их в деревянный ларчик.

В тот же день Мирина вновь приняла её в свиту. Супруга хозяина Крайнесточья одарила свою воспитанницу недовольным взглядом. Агата сразу поняла в чём дело. Мирина очень хотела подарить своему мужу сына, но у неё родилась дочь. В то время как никому не нужный ребёнок Агаты оказался мальчиком. Но не только в том была причина недовольства. Мирина очень рассчитывала, что её соглядница от переживаний сморщится как засохшее яблоко и в конце концов сведёт себя в могилу своими страданиями. Вместо того перед обитателями резиденции и воспитанницами свиты объявилась сияющая красотой и свежестью молодая женщина, на лице которой не было и намёка на горе. «Засранка мелкая», — подумала про себя Мирина, с приветливой улыбкой приглашающе похлопав

ладонью по пустующему месту на скамье рядом с собой. Агата присела.

— Агата, цветочек мой весенний, наконец-то ты вернулась!

— Спасибо, что заботилась обо мне все эти месяцы. И что слово сдержала, Дому моему помогла.

— Ну что ты, глупости какие! Мы же с тобой подруги. Я рада, что ты вернулась. То, что было, остаётся в прошлом. Жизнь продолжается, — Мирина улыбаясь, оглядела «подругу». Хотела себя сдержать, но не смогла. — Ты такая красивая стала! Все мужи от тебя с ума сойдут. А не боишься, что я тебя такую красавицу на кухню отправлю горшки мыть?

— Нет, не боюсь, — улыбнулась Агата. — Мне не в диковинку. К тому же это намного веселее, чем в старой резиденции сидеть в одиночестве.

— Умничка моя, — Мирина погладила Агату по щеке. — Ну ступай, тебя, вон, Вера, ждёт. Да и с другими воспитанницами познакомься. Пока тебя не было, я многих в супружество отдала, некоторых мужья увезли или родители обратно забрали. Зато новые девицы приехали.

Агата, вежливо кивнув, удалилась. Мирина поглядела ей вслед, оценивая в который раз стройную фигуру. «И наказать-то мне тебя не за что, — подумала Мирина. — Дрянь!»

Под усиленной охраной отрядов Дворцовой стражи и Старшей дружины, подозревавшиеся в заговоре купцы были доставлены в резиденцию державного князя. Там их без разъяснений отправили в заключенницу и заперли в разных камерах. Всё прошло как надо. Никто из них не знал, об аресте других заговорщиков. Теперь настало самое трудное. Нужно было разузнать о подробностях заговора. А разузнав, уничтожить.

Первым делом державный князь, сопровождаемый исправником Тайной стражи, явился к вдовой купчихе Ольге. Она не выглядела ни растерянной, ни напуганной. Держалась с величавым достоинством, которое Всеслав отмечал и раньше.

— Государь, — вдова сухо поклонилась.

— Приветствую тебя, Ольга. Скажи, тебя не занимает вопрос, почему ты оказалась здесь?

— Нет, государь, — Ольга сохраняла невозмутимость. — Хотя твой отец принимал меня в более знатных покоях.

— Да, верно, — Всеслав внимательно посмотрел в глаза вдовы. По её тону он понял, что заговор действительно существует. Непричастный человек захотел бы знать причину своего заточения. А вдова безразлична как замёрзший пруд. — Но ты не думай ничего плохого. Это просто временная мера ради твоей же безопасности.

— Хорошо.

— Ответь на такой вопрос. Мой отец ведь был у тебя, вечером накануне своей смерти?

— Да, мы провели с ним время.

— А он ни на что тебе не жаловался?

— На что мне мог жаловаться хозяин Рустовесской земли?

— Например, на своё здоровье.

— Нет. Он поел у меня, мы поговорили.

— О чём?

— Он предложил мне стать его законной женой. Я согласилась. Не будь на то воли Единого, я бы стала твоей мачехой. Но Элай распорядился иначе. И теперь наша страна

воюет сама с собой. Это плохо.

— Плохо для торговли?

— Плохо для всех нас. Торговать всегда выгоднее, чем воевать. Но ты достойный сын своего родителя. Я рада тому, что ты одержал победу прошедшим летом. Верю в твою победу над всеми врагами.

— Спасибо. И последнее, Ольга. Ты что-нибудь знаешь о заговоре?

— О заговоре?

— Да. Против меня лично или против державной власти.

— Нет, — отрезала Ольга. — Ничего не знаю.

— Если вдруг узнаешь, сразу сообщи мне.

— Непременно.

— Ну и славно. Побудь здесь ещё немного, тебя скоро отпустят.

Ольга уселась на специально принесённый для неё стул и посмотрела на лучик весеннего солнца, пробивающегося сквозь железную решётку под потолком.

После разговора с Ольгой они спустились в подземелья, где в каменных камерах содержались другие участники заговора. Когда тюремщик отворил им тяжёлую дверь, Айвар встал с пола и сощурился, прикрывая лицо руками от пламени факела, который был в руках Степана Глазкова.

— Приветствую тебя, Айвар! — Всеслав говорил нарочито вежливо и приветливо.

— Государь. Простите, не разглядел Вас с темноты.

— Ты ведь знаком с купцом Виктором? — Всеслав заметил, что купец насторожился.

— Тот, который торгует украшениями и дорогими тканями? Конечно, знаю. А что с ним?

— Он мне во всём признался.

По лицу Айвара молнией прошла вспышка ужаса, глаза затравленно сверкнули страхом. Князь увидел ещё одно подтверждение своим догадкам. Но купец мгновенно взял себя в руки и совершенно спокойно спросил:

— В чём он признался, государь?

— В заговоре.

— Вот как? Хм, интересно. И в какой же он впутался заговор, с кем?

— С тобой, твоими подельниками. Ольгой-вдовой, Константином Солеторгом, Фёдором Пузо, Юрием стекольщиком. Они уже признались.

— Я знаком с ними всеми. Но про заговор ничего не знаю.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно. Ни о каких заговорах никогда не слышал. Если бы узнал, сразу же рассказал бы.

Константин Солеторг также оказался непреклонен. Ни тени сомнения не было на его лице. Его голос не дрожал, он не запинаясь и не прятал глаза. На все расспросы отвечал лишь одно: «никаких заговоров, я твой верный слуга». Потратив час на пустые расспросы, Всеслав удалился. Степан Глазков посоветовал попробовать надавить на купцов. Уже было ясно, что сговор существует. Но нужны были признания, дабы узнать все подробности.

Обычно поступали проще — отдавали преступника мастеру страданий, и тот вырезал из тела арестанта все сведения. Но сейчас так было нельзя поступить. Речь шла о самых богатых купеческих семействах, к тому же бывших ближайшими союзниками престола.

Под давлением державного князя, Фёдор Пузо почти признался в заговоре. Но в последний момент нашёл в себе силы замолчать. Видимо, когда понял, что пытаться его никто не будет. Оставался только Юрий, возглавитель союза стекольщиков.

— Если ничего из него не вытрясем, — сказал Всеслав, — пойдём по новой.

— Государь, — Степан Глазков улыбнулся своей мысли, — иногда угроза пыток пугает сильнее, чем сами пытки.

— Да, ты прав. Зови сюда мастера боли.

Юрий не знал сколько прошло времени с того момента, как к нему в дом пришли воины державного князя и настоятельно пригласили в резиденцию на разговор. Такое не было частым событием, но иногда случалось. Правда обилие ратников при полном вооружении говорило об особых обстоятельствах. Это была первая странность. Волнение Юрия усилилось, когда вместо Большого зала или княжеских покоев, Юрия увели в темницу, причём в нижний её ярус, в подземелья. Последовавшие за тем часы ожидания лишь добавили тревог.

Когда за дверью послышались шаги, он встал с пола, на котором лежал и прислушался. В открытую дверь молча вошли люди, ослепившие ремесленника светом своих факелов. Кто они и сколько их было, он разглядеть не смог. Его подхватили под руки и поволокли к стенке в которую были вделаны стальные скобы. На запястья ему надели кандалы с цепями и прикрепили к скобам. Он уже более-менее видел, когда оказался прижат к стене с разведёнными в разные стороны руками. Юрий узнал державного князя Всеслава и исправника Тайной стражи. Пыточных дел мастер раскладывал на полу свои жуткие инструменты. Всё это происходило в полной тишине. Лишь звякали по измазанной запёкшейся кровью и маслом тряпице какие-то щипцы, лезвия, ножницы.

— Князь! — в ужасе выкрикнул Юрий. — Князь, что Вы делаете! Зачем это? Что вы хотите? Что происходит? Почему Вы молчите, что это?! Что надо?

— Мне ничего не надо от тебя, — после долгого молчания ответил Всеслав. — Я уже всё знаю. Твои друзья тебя предали, всё рассказали. Ты больше никому не нужен, особенно мне.

— Что... Что это значит? Что они рассказали?

— Всё... С учётом того, что про тебя выложили, у меня нет другого выхода, кроме как пытаться тебя до смерти, а труп сжечь.

— Но... Кто рассказал? Я знаю! Это была Ольга, Виктор, Айвар, Фёдор и Константин Солеторг?

— Они, да, — Всеслав сделал вид, что ему совсем не интересно. — Я помилую их за честность. А вот тебя придётся убить. Как главного заговорщика.

— Меня?! Нет, я вовсе не главный. Главный Виктор! А придумала всё Ольга!!! Это не я!

— Государь, — вперёд вышел Степан Глазков, именно в тот момент, когда было нужно. — Похоже, что у него своя версия. Может выслушаем его?

— Думаешь нужно? Если он только всё честно изложит, посмотрим, может есть смысл сохранить ему жизнь.

— Я всё расскажу, государь! Всю правду.

Вскоре Юрий, возглавитель ремесленного союза стеклоделов, изложил Всеславу Строгову всё, о заговоре и своём участии в нём. Потом ещё около часа ушло на то, чтобы Юрий собственноручно изложил свой рассказ на бумаге.

Яркое весеннее солнце то и дело высывалось из-за серых туч, чтобы прижечь своими лучами умирающие сугробы. Во дворе резиденции державного князя выстроились плечом к плечу воины Старшей дружины и Дворцовой стражи. Перед их стройными рядами были поставлены купцы, которых вывели на свежий воздух из холодных подземелий. Растерянные, они глядели в разные стороны. На них же, помимо ратников, смотрели ещё и все обитатели резиденции, появившиеся кто откуда. Семья князя и ближайшие офицеры с крыльца, воспитанницы свиты и прислужники из окон и подсобных помещений.

Наконец, вышел сам Всеслав Строгов. Он величественно подошёл к купцам и громко провозгласил: «Сегодня эти добрые люди сделали очень большое дело для меня и всех нас. Они донесли мне об опасном заговоре, созревшем в купеческих концах». После чего поочерёдно поблагодарил Ольгу, Юрия, Айвара и Фёдора, демонстративно пропустив Константина. Отойдя чуть в сторону, Всеслав указал на Солеторга: «Вот этот человек замыслил убийство меня, моей жены и детей. Но, слава Единому, мои добрые друзья предупредили меня об опасности. Стража, взять его!» Подбежавшие с двух сторон бойцы Тайной стражи, окружили Константина. Перед рядами ратников поставили большой пень. Вперёд вышел глашатай, развернул бумагу и громогласно стал зачитывать приговор.

— Ты бы снял свои одеяния дорогие, Константин, — обратился к купцу державный князь, — запачкаются.

— Вот значит как ты своё правосудие творишь, государь? — Солеторг стал невозмутимо расстёгивать пуговицы на кафтане.

— Мои добрые друзья предупредили меня, — Всеслав указал на открывших рты и в ужасе наблюдавших за происходящим оставшихся заговорщиков. — Не переживай, тело твоё отдадут семье и похоронят как полагается.

Палач со своим топором уже был на месте. Жена Всеслава Зима со своими воспитанницами удалились, дабы не смотреть на казнь. Константин остался только в рубахе. Когда приговор был зачитан, купца поставили на колени, а шею его положили на пень. Перстень на его руке засверкал в лучах вылезшего солнца. Всеслав наклонился к уху Степана Глазкова: «Пусть твои люди пустят слух, что заговорщики все сдали его единогласно, пускай все запятнанные ходят. Так они друг друга подозревать станут и доверие к ним ещё не скоро вернётся». Палач убил Константина с одного удара. Ольга лишилась сознания, упав в руки Айвара и Юрия. Ещё один удар понадобился палачу, чтобы отделить голову от тела. Шлёпнувшись в сырую истоптанную землю, она прокатилась немного и остановилась. Белая купеческая рубаха окрасилась кровью.

Глава 14 Вражда

Проснувшись, Любица ещё некоторое время лежала с закрытыми глазами. Во сне ей всегда открывались яркие красочные видения, наполненные интересными и радостными образами. Она знала, что пробудившись, вернётся в реальный мир, более серый и скучный, поэтому попыталась задержать ускользавшее сновидение. Но тщетно. Огромное море снов опять выбросило её обратно на хмурый берег реальной жизни. Любица сладко потянулась и открыла веки. Рядом было пусто. Муж её, небольшой по меркам предельного города купец, отбыл вчера днём по торговым делам в верховья реки Сувы. Там он занимался тем, что приобретал у местных племён пушнину, выменивая её на хлеб, соль, оружие и предметы роскоши. С чего имел весьма неплохой доход. Поэтому, как только река очистилась ото льда, он немедленно собрал своих боевиков, спустил нагруженные зерном и другим товаром ладьи на воду и уплыл.

В свои двадцать три года у Любицы было всё о чём только может мечтать молодая женщина. У неё был приличный молодой супруг, терем, прислужники в необходимом числе. Был достаток и сытая жизнь. Большинство женщин её возраста с рассвета до заката трудились в полях и нянчили детей, помимо этого волоча на себе ещё и всю заботу по дому. Любица же в полях не трудилась, о детях её заботилась няня, а все работы по дому выполняли прислужники. Словом, было у неё всё. Не было лишь житейского счастья.

Конечно, хлопоты у Любицы тоже имелись. Дочерей, девочек двух и пяти лет она разбудила сама. Расчесала им волосы, накормила и передала няньке. Потом распорядилась по хозяйству, велела наколоть дров и натаскать воды для бани. Устроила кое-кому нагоняй за нерасторопность. И что теперь? Она вышла на гульбище, облокотилась на резные перила и посмотрела во двор, где суетились прислужники. Можно пойти сесть за прялку и вновь занять себя хоть чем-то, пока не кончится очередной серый день. Даже весенний воздух и тёплое солнце не радовали Любицу. Всё равно всё казалось серым и однообразным.

Её отношения с супругом в последние несколько лет стали прохладными, потеряли всякую живость и нежность. Это сильно огорчало Любицу и очень выматывало. Мужу нужен был сын, наследник. А она родила ему двух дочерей, поэтому он был недоволен своей женой. И пока зачать ещё ребёнка у них не получалось. Может, если бы муж был более нежным и ласковым, а во время близости проявлял побольше страсти, то Любица смогла бы подарить ему наследника? Она с тоской вспомнила то время, когда супруг только начинал за ней ухаживать. Как посылал в её дом сватов и просил у её отца отдать Любицу ему в жёны. Всё чаще казалось, что то время было самым счастливым в её жизни. Но с годами быт съел все чувства, как плесень краюху хлеба. Хотя на что ей жаловаться? Большой дом, сытость, прислуга, достаток. И тем не менее полное отсутствие значимых событий и равнодушие мужа, не прибавляли личного счастья. Так чем себя теперь занять? Подумав немного о прялке, Любица решила первым делом посетить торжище Миргорода. Это было единственным её развлечением, позволявшим немного отвлечься от дурных мыслей. Там она гуляла, смотрела на людей, слушала сплетни и новости, приценивалась, делала мелкие покупки. Лишь затем возвращалась за прислужниками, чтобы с ними уже делать крупные закупки.

Торжище Миргорода бурлило ежедневно. Там продавали и покупали всё: живую скотину, рыбу, свежее мясо, мёд, воск, посуду, ткани, ножи и оружие. Продавцы зазывали к

своим латкам, покупатели приценивались, торговались. Было очень шумно. Рыночная суета, обилие лиц и постоянное внимание зазывал, подняли Любице настроение. Она заметила где закупит необходимые для стола лакомства. Присмотрела себе кое-какие ткани.

Любица повесила небольшую корзинку на левую руку, расправляя правой красивый платок красного цвета, расшитый чудесными узорами в виде цветов. Она выслушивала торговца, который нахваливал ей свои платки, когда заметила шагах в пятнадцати от себя высокого статного воина, возрастом не старше тридцати. Он был светловолос, имел крепкое телосложение, на круглом лице его сверкала жизнерадостная улыбка. Слегка запачканные весенней грязью зелёные сапоги и небрежно придерживаемая на левом боку сабля в дорогих ножнах, говорили за его принадлежность к воинскому сословию. Любица невольно восхитилась этим крепким красивым парнем. Воин явно кого-то поджидал, потому что никуда не отходил и посматривал в разные стороны. Неожиданно их глаза встретились. Любица заулыбалась незнакомцу, ей вдруг захотелось подойти к нему и заговорить с ним, голова её стала приятно кружиться. Но в последний момент она смутилась, взяла себя в руки и отошла подальше, спрятавшись за развешенными для продажи меховыми накидками.

Любица сделала вид, что рассматривает их, но сама поглядывала в сторону светловолосого воина. Тот проследил за её отходом и улыбнулся. Тут к воину подошёл другой ратник, здоровенный и безобразный. Они о чём-то заговорили. Её боец указал подошедшему на кого-то в толпе и хлопнул того по плечу, подталкивая вперёд. Здоровый сморщился и сначала отнекивался, но потом всё же пошёл. Она правда подумала о светловолосом, «мой боец»?

Весь остаток дня эта встреча не выходила у неё из головы. А на завтра она снова пошла на торжище в то же самое время. Предварительно надев свои самые красивые наряды, заплетя косу и нацепив дорогие серебряные серьги. На месте их вчерашней встречи былолюдно, но светловолосого воина там не оказалось. Это очень огорчило Любицу. Она долго бродила по торжищу, всматриваясь в окружающих. Потом поняла, как глупо себя ведёт и уже собралась уходить домой, как вдруг натолкнулась на того, кого искала. От неожиданности она смутилась, опустила глаза, поправляя платок, а когда посмотрела снова, то ратника там не было. Он стоял рядом. С доброй улыбкой воин оглядел молодую женщину с ног до головы, так заинтересованно, что она почувствовала это кожей.

— Не боится ли такая красивая незамужняя девица бродить одна по торжищу?

Любица улыбнулась, щёки её густо порозовели. Она приподняла правый рукав, показывая воину свой брачный браслет.

— О... Вон как. Стало быть муж отпускает тебя одну, без прислуги?

— Вообще-то не отпускает. Но когда он в отъезде, я сама хожу.

— Как тебя зовут, прелестница?

— Любица, — улыбаясь таким любезностям ответила она. — А тебя?

— Егор Михайлов. Подскажи мне, Любица, просто я в городе недавно, где здесь оружейники живут?

— Вон в ту сторону. А где ты живёшь, Егор?

— В Старой резиденции Видогоста. Я охраняю Петра Строгова.

— Того самого Петра, сына Лесьяра, который брат нынешнего державного князя?

— Его самого.

— Ух, как здорово! И давно?

— Месяца... четыре где-то.

— И ты за четыре месяца так и не узнал, где оружейники гнезятся?

— Ну... Хах! — Егор засмеялся. — Давай, покажи мне оружейников, а я тебя до твоего дома провожу.

— Пойдём, — Любица светилась от счастья.

— Ты что, снова пьянствовал? — Видогост, оторвавшись от бумаг, недовольно покосился на Скалогрома.

— Ну... Да, господин. Я всегда раз в две недели.

— Пёс с тобой. Что там Пётр Строгов?

— Да чего ему станется, господин? Всё у него нормально. Живёт себе, ничего дурного я не замечал за ним. С Верой сдружился, племянницей вашей.

— Ну и ладно, хорошо. Ещё что-нибудь?

— Там этот охранник, которого Пётр нанял.

— Что с ним не так?

— Не нравится он мне. Чего-то подшучивает всегда надо мной, смеётся.

— Ну и ты посмейся, не так уж это и дурно, весёлым быть хоть иногда.

— Не нравится он мне. Скажите ему, чтобы он не веселился в моём присутствии. Может вообще выгнать его? Мальца я и сам сторожить могу. Я Петру говорил, а он не хочет этого Егора выгонять. Поговорите с ним.

Видогост хлопнул по столу кулаком и, поднявшись, подошёл к Скалогрому, глядя на того снизу вверх:

— Мне по-твоему делать совсем нечего как дрызгами увлекаться? У меня война этим летом начнётся. Через два месяца войско в поход вести. А ты мне предлагаешь чем заниматься? Я назначил Петру содержание, пусть тратит его как ему в голову взбредёт. Хочет себе Егора нанять в охрану, пусть наймёт. Захочет пусть ещё кого наймёт. Или на медовуху с потаскушками потратит, мне всё равно! Ступай отсюда.

Скалогром удалился. Выйдя на плац он столкнулся с Егором, который болтал с ратниками Старшей дружины. Завидев Скалогрома, они оживились. Как всегда первым заговорил Егор:

— Ну что, понравилась тебе та девица с торжища?

— Нет. Мерзкая она какая-то. За коим лешим ты меня вообще с ней сводил?

— Как за коим лешим, — Егор и дружинники еле сдерживали смех, — надо же знать тебя получше. А то может тебя бояться надо в плохом смысле. Ну так понравилась она тебе?

— Мерзкая она какая-то, — повторил Скалогром.

— Я и говорю, странный ты тип. Жены у тебя нет, женщин не любишь.

— Егор и ратники взорвались дружным смехом.

— Сам то ты? — попытался защищаться Скалогром, но его уже никто не слушал. — Тоже не женат.

— Не женат, но с женщинами у меня всё очень хорошо. Я их люблю!

На реке Суве есть пристань, которую купцы Миргорода используют для своих нужд. Со всех сторон окружена она складами с товарами и амбарами с припасом. У самых богатых и значительных купцов они ближе к реке, кто помельче, тот дальше. Любица привела Егора к

амбарам с овсом, принадлежащим её мужу. Было их не очень много и стояли они вдали от пристани и тамошней суеты. Место было самое подходящее. Никого, кроме двух сторожей тут не было.

— Это от предельного князя Видогоста, — кивнула Любица на Егора. — проверяет запасы овса.

— Понятно, ага...

Любица выдала каждому по несколько медных монет.

— Прогуляйтесь в город, покормитесь.

— Спасибо, хозяйка.

— Благодарствую.

Охранники, обрадованные неожиданной возможностью развеяться, быстро засобирались. Пока они не ушли, Любица говорила на отвлечённые темы. Потом протянула Егору связку ключей и он, поднявшись на простенькие ступеньки одного из амбаров, стал открывать замок. Зашёл внутрь и осмотрелся, привыкая к мраку. Часть овса была в зерновых бочках, часть просто насыпана большой горкой. Из этого амбара зерно уже брали, поэтому он был заполнен не целиком. Когда после ухода охранников прошло какое-то время, Любица поднялась в амбар к Егору. Разглядев его в полумраке, она подошла совсем близко.

— Не так уж и много тут овса.

— Муж увёз. Мы что, будем про овёс разговаривать? Чего ты ждёшь?

— Я же не знаю, что мне дозволено, — Егор разминал пальцы Любицы в своих ладонях.

От этих прикосновений дрожь шла по её телу и сердце забилось чаще от предвкушения.

— Всё дозволено, — нетерпеливо прошептала Любица. — Делай со мной всё что хочешь и как хочешь.

На пол с шумом грохнулся снятый Егором пояс с саблей и кинжалом. Он сгрёб Любицу обеими руками так крепко, что у неё чуть не хрустнула грудная клетка. Именно таких полных страсти и желания объятий ей так не хватало. Егор припал к её рту, с силой раздвинув языком её пухлые мягкие губы. Освобождаясь от одежды, они вместе повалились в гору овса.

Пётр Строгов ужинал со своим телохранителем Егором Михайловым в малой трапезной бывшей резиденции Видогоста. Вера Булатова, которую он пригласил, помогала прислужникам поставить на стол. «Мне нравится за тобой ухаживать», — ответила она на возражения Петра, чем заставила юношу смутиться. Пётр говорил, что Вера может взять с собой ещё кого-нибудь. Та звала Агату Лоскутову, но лучшая подруга наотрез отказалась. «Не выношу тамошних стен, — сказала она Вере. — Я там больше полугода просидела почти как в тюрьме». В общем-то Агату можно было понять. А приводить кого-то ещё Вере с собой не хотелось, поэтому пришла одна, хоть и было это не совсем благовоспитанно. «Плевать, — решила для себя Вера, — мне в этом году семнадцать, жениха у меня всё равно ещё нет. А Пётр приличный юноша, брат самого державного князя! Чего мне терять?»

Когда стол был накрыт, а мужчины принялись за еду, Вера взяла лишь кусок свежеспеченного хлеба и слегка откусила.

— Чего не ешь? — спросил её Егор, уплетавший поросячье мясо.

— Сытая уже. Да мне много и не надо, — улыбнулась Вера. — А что, Скалогром не придёт?

— Он в предельной резиденции, там питается обычно.

— Ой, хорошо, что его нет! Он страшный такой. А тут слух про него такой ещё жуткий ходит!

— Какой же? — заинтересовался Егор.

— К Мирине новая девица прибыла в свиту, — Вера положила руки на стол и расправила плечи, как любой разговорчивый человек, сообразивший, что нашёл слушателей. — Миронегу Рябинову. Смешная такая! У неё нос всегда так шевелится, как у собаки.

— Шевелится? — усмехнулся Пётр.

— Ну да! Как будто вынюхивает чего-то всегда. Точнее, обнюхивает всех. Так вот, ей жениха нашли уже, но отец жениха сказал, что благословит брак, если невеста пробудет в свите у предельной княгини. Что его сыну приличная жена нужна, солидная.

— А она не солидная?

— Ну... Не особо. Зато свита ей на пользу пойдёт.

— Так что там про слух-то? — напомнил Егор.

— Так вот, Рябиновы соседствуют с тем острогом, откуда Скалогром родом. Он ведь старший сын. Во! Кстати, там же её жених живёт неподалёку, — Вера перешла на шёпот, так что Петру и Егору пришлось прекратить жевать и придвинуться ближе, чтобы лучше слышать. — Миронегу призналась, что перед тем, как отбыть в Миргород, она была на свидании с женихом своим. И чтобы укрепить их будущий союз, они... Ну, это самое.

— Что «это самое»? — спросил Егор.

— Ну было у них всё! — щёчки Веры заметно порозовели.

— Глупо это, — отрезал телохранитель.

— Это ещё почему? — в один голос спросили Пётр и Вера.

— Малы вы ещё, чтобы понимать, — улыбнулся Егор.

— Я уже взрослый! — возразил Пётр.

— А я тем более, — присоединилась Вера. — Так чего же глупого?

— Ну как? У неё был кто-то раньше?

— Не было.

— Стало быть, жених был её первым. И ежели бы нашла она себе здесь подружника, то не смогла бы ему отдаться. А отдалась бы, это открылось по возвращении. Теперь же, когда жених забрал у неё девичество, она спокойно сможет здесь гулять и он про то никак не узнает.

— Фу, Егор, какой ты пошляк! Ничего подобного, они любят друг друга, — Вера была крайне возмущена рассуждениями телохранителя.

— Любовь это чепуха.

— Ты не веришь, что люди могут любить друг друга? — Вера захотела нарочито нежно накрыть руку Петра своей ладонью, но он, не подозревая о её намерениях, потянулся за солёной рыбой.

— Любовь капризная вещь, — продолжал Егор. — Её сначала не разожжёшь, потом не потушишь. При всём при том даже самая крепкая любовь с годами чахнет и увядает.

— Нет! Ты ошибаешься. Вот мои родители, да пребудут они в блаженстве, очень друг друга любили. Когда отец умер от раны, матушка не выдержала этого горя и тоже умерла, — глаза Веры слегка увлажнились от горьких воспоминаний.

— Не буду спорить. Ладно, чего мы про любовь? Ты же про Скалогрома хотела

поведать.

— Ну да. Этот ваш Скалогром, по словам Миронегги, не должен был здесь ошиваться на такой должности. Он старший сын, наследник, мог быть крупным офицером в войске или стражах.

— И как же он здесь оказался?

— Говорят, что в приступе ревности, когда был сильно пьян, изрубил саблей свою жену. Родня всё это скрыть смогла. Но ему велели убираться куда подальше, чтобы Дом не позорить.

— Хм... Вон что! — Егор что-то прикидывал в уме.

— Ещё у него две дочери и сын остались. Их на воспитание его младший брат взял. Он теперь наследник, так повелел их отец.

— Интересно, — Егор глянул за окно, где уже заметно вечерело. — Пётр, если я тебе не нужен, то мне необходимо отлучиться по важному делу. Сейчас ведь около семи?

— Да, примерно так, — кивнул Пётр. — Иди если нужно.

— Не скушайте тут, — подмигнул Егор.

— Не будем, — засмеялась Вера.

Любица уже часа два сидела у раскрытого окна и наблюдала за улицей. Знала, что время ещё не пришло, но ничего не могла с собой поделать. Хоть Егор и велел ей не слишком прихорашиваться, она всё же достала свой кружевной платок. И днём помылась в бане. Наконец, она увидела в конце улицы знакомую фигуру. Быстро собравшись, Любица вышла из терема. Казалось, что все соседи смотрят за каждым её шагом, но это только казалось. Когда они завернули за угол, Егор набросил ей на плечи накидку, которую обычно носят простолюдинки.

— У нас всего пара часов, ну, или не больше трёх, — сказала Любица. — Я сообщила, что иду в гости, поэтому нужно будет вернуться вовремя.

— Значит вернёшься.

В воротах резиденции Егор с Любицей столкнулись с Петром, который шёл провожать Веру. Любица прикрыла лицо платком и почтительно поклонилась.

— Я у себя буду, — сказал Егор своему господину.

— Хорошо...

Во дворе резиденции, Любица увидела того самого здоровенного и безобразного ратника, который подходил к Егору на рынке. Когда ратник посмотрел в их сторону, Егор приобнял Любицу за плечи и улыбнулся.

— А кто это?

— Тоже телохранитель как и я.

— О... Здорово тут, никогда не бывала в княжеской резиденции.

— Ни разу?

— Неа... Муж бывал по делам, а я никогда.

В комнате, которую выделили Егору под жильё, было темно. Он слегка приоткрыл ставни, а когда повернулся, то увидел, что его беззаконница уже скинула с себя всю одежду. Егор невольно залюбовался её стройной фигурой, крупной грудью, изящной талией и ровными ногами с тонкими икрами. Любица подошла ближе, в её синих глазах блестели жаркие угольки влечения. Она обвила шею Егора руками и, прижавшись к нему, подарила любовнику полный страсти поцелуй...

Пётр Строгов, проводив Веру, вернулся в резиденцию и некоторое время бесцельно

бродил по двору. Племянница предельного князя никак не выходила у него из головы. Да, она старше почти на три года, но с ней так легко и интересно общаться. И сама Вера проявляет к нему столько нескрываемой симпатии, что становится трудно не обращать на это внимание. Может попросить у Видогоста её руки? Женитьба на дочери Дома Булатовых повысит его политическую значимость. Тем более, что они очень дружны, а это важно. Его брат Всеслав со своей женой вообще никогда не виделся до свадьбы. Но согласится ли на такое сама Вера? Он для неё, наверное, как мелкий мальчишка. С другой стороны, она ведь явно ему симпатизирует. Да не такой уж он и мелкий. Он даже чуть выше её ростом, а уж телосложением намного крупнее и крепче. Пётр решил посоветоваться со своим телохранителем. Подойдя к запертой двери его комнаты, Пётр поднял кулак, чтобы постучаться, но в последний момент рука застыла в воздухе. За дверью раздавались громкий шорох и копошение, дополненные отрывистым мужским дыханием и женским стоном. Пётр некоторое время озадаченно стоял с поднятым для стука кулаком, потом помялся немного и повернулся уходить. «Точно, он же какую-то женщину к себе привёл, — вспомнил юный князь. — Может, женить его тоже? На ком вот только? С Верой посоветуюсь».

От той потаскухи, которую Скалогрому подсунул Егор Михайлов, он подхватил дурную болезнь. Знахарь только что это подтвердил. Сказал, что вылечить вполне можно и назвал такую сумму денег серебром, которой телохранителю при всём желании не собрать. Разъярённый Скалогром отправился искать Егора. Сегодня Петра Строгова пригласили участвовать в военном совете, значит Егор где-то в резиденции Видогоста. Оказавшись на плацу, Скалогром сразу же увидел Егора, который травил байки с офицерами Железного войска и несколькими бойцами Старшей дружины. Подошёл сзади и с вызовом толкнул его в плечо.

— О! Скалогром, — Егор от неожиданного сотрясения едва удержался на ногах, — ты чего?

— Чего?! Я из-за тебя болезнь подхватил!

— Какую болезнь, простудился?

— Я тебе сейчас дам «простудился». Такую самую болезнь, от той пробляди с которой ты меня свёл!

— Тихо, не пыли. Ты о чём?

— О том самом! — стоявшие вокруг спорящих телохранителей воины, уже хохотали в голос.

— Да не может такого быть, — возразил Егор. План его срабатывал именно так как он его задумал. — Ирма здоровая, это точно. Я сам к ней захаживал, а с болящей я бы не стал.

— Какая ещё Ирма? Ту дешёвку, на которую ты мне указал на рынке звали Алма!

— Нуууу... Скалогром, я тебе, значит, на Ирму указал, а ты ушёл с Алмой, и от неё болезнь неприличную схлопотал? И при чём тут я?

— Ты что, специально всё подстроил, чтобы посмеяться надо мной?

— Больно мне надо над тобой смеяться. Ты сам насмешка ходячая. Нет, ну вы можете представить, — обратился Егор к бойцам, — я ему одну показал, а он с другой ушёл!

— Да ты, как ты вообще смеешь так разговаривать со мной? — Скалогром был в бешенстве. — Мой Дом намного выше твоего! Я о твоём и не слыхал даже.

— Кстати говоря, про вышину Домов. Ты из такого крупного семейства, а всего лишь

телохранителем служишь у беглого князя. Не слишком ли мелко?

— Не твоего ума дело! Бегают по шлюшкам и развратницам всяким, а у самого даже жены не было.

— Конечно не было поэтому я её и не убивал.

Скалогром выхватил саблю и с криком бросился на Егора. Тот тоже вынул сталь, но их обоих схватили под руки стоявшие вокруг бойцы. Егор Михайлов был торжественно спокоен, Скалогром же трясся от ярости.

— Что тут происходит? — раздался начальствующий голос Видогоста. Он в окружении высших офицеров выбежал на крики. Среди них был и Пётр Строгов.

— Да вот, повздорили двое, — сказал один из очевидцев ссоры.

— Поединок!!! — кричал Скалогром. — Князь, разрешите поединок!!! Я убью его!!! Поединок насмерть!!!

— Пётр, — обратился Видогост к своему почётному гостю, — твои люди повздорили, тебе и решать.

— Что же, — Пётр был невозмутим, чем напомнил присутствующим своего покойного отца, — если они хотят поединка, пусть будет так.

Владелец постоялого двора, мужчина средних лет, с большим пузом и гнусной ухмылкой, принимал от Егора серебряные улы и придирчиво пробовал каждую на зуб. Про этот постоялый двор телохранителю рассказал один знакомый офицер из Поместной стражи. Был он всего в паре часов от Миргорода и мало кто в нём останавливался, чтобы отдохнуть с дороги. Все старались добраться до предельного города. Зато пустовать подворью не приходилось, отчего его владелец и не разорялся уже много лет. Заезжали сюда в основном влюблённые пары, которым нужно было место для уединения, сокрытое от глаз жён, мужей или родителей. Да и от соседей тоже. Кисло осмотрев три монеты в своей ладони, хозяин покачал головой:

— Этого мало.

— Мало? — возмутился Егор. — Ничего себе! Я же говорю, мы на пол дня, не более того.

— Мало, — хозяин указал рукой на приехавшую с Егором красивую молодую женщину и спросил. — Она кто тебе?

— Я же сказал, жена!

— Жена... — повторил хозяин. — Красивая, да. Только вот на её руке браслет обручальный я видел. А твой где?

— Дома остался...

— Дома остался, — ехидно покачал головой хозяин. — Вот же незадача! — и вновь протянул Егору свою ладонь. Тот отсчитал ещё две улы.

— Ты знаешь, что за эти деньги...

— За эти деньги, — перебил Егора пузатый, — я тебя и твою женщину вообще никогда в жизни не видел, даже если меня пытаться будут.

Сначала Егор взял Любицу в предбаннике, а потом ещё раз, когда они вошли в жаркую парилку. Купеческая жена была восхищена своим любовником. Пока он переводил дыхание, рассевшись на горячих досках, она прильнула к его мокрому телу и долго целовала в губы. Потом, не разжимая объятий, положила голову ему на грудь.

— Сколько этот скряга взял с тебя за наш постой?

— Не важно, — отмахнулся Егор. — Достаточно много, зато обещал молчать. Кстати, я нашёл под лежанкой в своей комнате шесть ул и четыре калисты. Это не ты подкинула?

— Нет...

— Точно не ты?

— Я же сказала, нет. Ну чего ты такой сердитый? — Любица погладила Егора по щеке и нежно поцеловала. Деньги подложила она, когда узнала от любовника как мало платит ему за службу Пётр Строгов. Сначала Любица хотела дать ему денег в открытую, но справедливо рассудила, что он разозлится. Все воины такие гордые. И сейчас, когда Егор первым прошёл в парилку, она подложила ему в подсумок пригоршню монет. — А тебе обязательно драться с тем верзилой?

— Обязательно.

— Но зачем, любимый?

— Так нужно. Чего ты разволновалась так?

— Просто я люблю тебя. Я не хочу, чтобы тебе сделали дурного. Можно мне прийти на бой, он ведь послезавтра?

— Да, послезавтра. Тебя не пустят, это будет в резиденции Видогоста. К тому же странно будет, если ты придёшь, подозрительно.

— Тогда я буду молиться за тебя, береги себя!

Егор развернул Любицу к себе и, целуя, уложил на горячие доски, навалившись сверху. Она, издав сладостный стон, обвила его ногами и руками.

Поединки были редким событием, поэтому поглядеть на него собрались все обитатели резиденции. Видогост, как хозяин Миргорода, восседал на специальном помосте, возвышавшемся над местом будущей схватки. Его окружали ближайшие офицеры. Жена Видогоста со своими воспитанницами наблюдала за схваткой с крыльца. Воины держали место боя в плотном кольце и при полном вооружении. Прислуга толпилась в самом дальнем углу. Как и ожидалось, посторонних пускать не стали.

Мирина недовольно покосилась на своих воспитанниц, цыкнула на кого нужно. На глаза ей вновь попала Агата, с интересом разглядывавшая одного из телохранителей Петра Строгова, белокурого стройного бойца. Всё-таки красивую девушку породил Дом Лоскутовых! Мирина с досадой замечала, что и Видогост украдкой любит милость её воспитанницы. Терпеть рядом с собой красивую незамужнюю женщину было опасно. Словно услышав мысли Мирины, к ней подошёл один из глав Малых Домов, что съехались по призыву Видогоста для обсуждения грядущей войны. Вежливо поздоровавшись он спросил не найдёт ли хозяйка для него несколько минут для разговора.

— Конечно найду, — улыбнулась Мирина. — А отчего вы не с моим мужем?

— Я сейчас туда отправлюсь, — сказал почтенный князь, — но у меня разговор касающийся именно Вашей осведомлённости.

— Я слушаю.

— Мой сын, второй сын, уже вошёл в брачный возраст и я подбираю для него супругу. А где же найти хорошую невесту, как ни в свите предельной княгини?

— Понимаю, всё правильно. Вам кого-то посоветовать или о ком-то рассказать, ежели Вы уже присмотрели?

— Да, — князь указал на Агату Лоскутову, — я был бы рад женить сына на этой девице. Могу предложить очень хороший выкуп.

Вот! Сами боги прислали этого пожилого главу Дома, чтобы избавить Мирину от её страхов. Агата, в её положении, не сможет отказаться. Уедет навсегда из Миргорода, и ещё за неё хороший выкуп предлагают. Достаточно сейчас ответить согласием. Но желание мелкой мести возобладало в душе Мирины.

— Да, сия девица весьма очаровательна, но по правде говоря... — Мирина поманила князя ближе и, когда он наклонился, нашептала в его ухо столько гадостей про Агату, что тот от удивления раскрыл рот.

— Вот это да... А по виду такая порядочная...

— Внешность обманчива. Давайте чуть позже мы обсудим кого подобрать вашему достойному сыну в жёны.

— Хорошо...

Соперники облачились в лёгкие кольчуги и шлемы, взяли в руки небольшие круглые щиты. Между ними встал мудрый, хранитель градского подворья храма Агуна и Кесы. Воздев руки сначала к поединщикам, а затем к небесам, он призвал их замириться именами пресветлых богов. Егор и Скалогром ответили решительным отказом. Видогост, повернулся к стоящему рядом с ним Петру Строгову:

— Скалогром то покрупнее твоего Егора будет. Не боишься, что он его прибьёт?

— Нет, — Пётр сохранял ледяное спокойствие, хоть внутренне переживал за своего телохранителя. — Мне уже надоела их вражда, так что пусть решат всё здесь и сейчас. А если его убьют... Зачем мне защитник, который не умеет драться?

— Верно сказал, — Видогост улыбнулся, восхитившись самообладанием этого юнца. Кровь Строговых!

Поединок начался. Егор и Скалогром осторожно приблизились друг к другу и несколько раз скрестили сабли, пробуя силы. Егор был спокоен, Скалогром тоже, однако чувствовалось, что он готов взбеситься в любую секунду. И тогда наступит очень опасный момент, когда враг допустит ошибку. Егор прикрылся щитом от ударов здоровяка, и стал пятиться, одновременно пытаясь обойти его сбоку.

— Чего ты всё вертишься, — ощерился Скалогром, — дерись нормально!

— Ой, а я просто понять не могу где у тебя зад, а где перед, — насмехался Егор, парируя удары противника.

Михайлов стал обходить Скалогрома с разных сторон, постоянно меняя направления атаки. Менее поворотливый здоровяк начинал терять терпение. Ещё чуть-чуть и взбесится окончательно. В это мгновение Егор заметил, что его противник слишком старательно прикрывает грудь, зато ноги его почти беззащитны. Изловчившись, он закрылся от удара и нырнул почти к самой земле, рубанув по левой ноге своего противника. Скалогром угадал атаку Егора, поэтому попытался увернуться, но не успел отскочить на достаточное расстояние. Егор не смог подрубить Скалогрому ногу, как рассчитывал, но всё же нанёс тому глубокий порез. От раны Скалогром пришёл в ярость. Вот сейчас всё и решится. Здоровяк бросился на своего противника и попытался прижать его к стене щитов, выставленных бойцами Старшей дружины по границе отпущенной им для боя площадки. Егор не позволил Скалогрому этого сделать, и нанёс ему ещё две раны, уже более заметных. Правда, заплатить за это пришлось пропущенным ударом в левую часть груди. Кольчуга спасла, но рана всё же заметно кровоточила. Наконец, Егор изловчился поранить противнику вторую ногу, отчего

Скалогром рухнул на колени. Ударом ноги Егор выбил у него щит, а ударом сабли клинок. Пара особо изнеженных девиц из свиты Мирины завизжали. Егор на секунду увидел рядом с самой госпожой необыкновенно красивую девушку, невозмутимо наблюдавшую за боем. Истекающий кровью Скалогром обратился к своему победителю:

— Не убивай меня... Пощады!

— Ну уж нет. Уговор был о бое насмерть, — сказал Егор и широко замахнувшись, перерубил Скалогрому горло.

После победы в поединке, Егор убедил Петра Строгова, что ему нужно больше людей в охрану. Когда же тот возразил, что у него просто не хватит денег на жалование хотя бы ещё одному бойцу, Егор ответил, что денег не нужно. Тех бойцов он наберёт из простолюдинов, и обучит всем необходимым навыкам. А служить они будут за паёк. Десятка полтора бойцов он содержать вполне сможет. Пётр посоветовался с Видогостом и тот одобрил, пообещав дать оружие и снаряжение на необходимое число людей. За крестьянскими юношами Егор и отправился вверх по реке Луме. В то же самое время вверх по Луме поехала Любица, которая решила посетить свою родню и от имени мужа договориться о закупках зерна на осень. Всё было заранее оговорено, и они встретились.

Лежанка в маленьком зимовье была вся измята, а в комнатке сделалось жарко от их любовных утех. Любица была красивой женщиной и близость с ней приносила много удовольствия. Но с каждым свиданием она всё больше надоедала Егору своей навязчивостью и разговорами о любви. Вот и сейчас, когда он снова взял её и теперь отодвинулся в сторону, чтобы отдышаться, Любица немедленно обняла его и стала целовать раны и шрамы на его теле.

— Я молилась за тебя всем богам. Я не могла заснуть перед твоим поединком, так за тебя переживала!

— Да? А я вот нормально спал.

— Милый... Я тебя так люблю! А ты меня любишь?

— Угу, — выдавил из себя Егор, подавая тем Любице знак, что ему не нравится этот разговор. Но она не поняла ничего, а слышала лишь то, что ей хотелось.

— Да, милый, я так счастлива! Нашей любви ничто не сможет быть преградой.

— Ты о чём?

— Я хочу замуж.

— Ты уже замужем.

— Ты не понял, я хочу быть твоей женой! Когда мой супруг вернётся, я поведу его к хранителю и мы разведёмся.

— Тебя никто не разведёт с мужем просто так.

— А я признаюсь в измене! Скажу, что не люблю его. Скажу, что ношу чужого ребёнка. Ведь мы вполне могли с тобой зачать ребёнка. Я хочу быть с тобой всю жизнь!

— Чего ты такое говоришь? Ты привыкла жить в достатке, без трудностей. А что тебе могу дать я? Я бедный воин, который живёт на содержание от нанявшего князя. Я не смогу дать тебе того, что ты заслуживаешь. К тому же у тебя две дочери, подумай о них!

— Мне плевать на деньги, мы же любим друг друга!

— На деньги легко плевать, когда их много, — Егор встал с лежанки и начал одеваться. — К тому же я тебя не люблю.

— Но как же так?

— Мы расстаёмся, всё закончено.

— Ты что, бросаешь меня?

— Да!

Глава 15 Бескрайний Шиш

В начале лета четыреста пятнадцатого года Всеслав повёл своё войско в Крайнесточье. Под его началом было более двадцати трёх тысяч воинов. Ещё несколько тысяч остались в Гужвоземье для обучения новобранцев и как запасные, на случай если военная удача отвернётся от державного князя. Это было меньше, чем мог выставить для войны Видогост Булатов, поэтому из Хладоручья примерно в то же время вышла рать Ростиха Клыккова. Они замыслили соединить свои силы у храма Агуна и Кесы.

В один из дней державное войско встало лагерем примерно там, где заканчивалось Гужвоземье и начинались земли племенного союза вилушканцев. По всем правилам ратники обустроили военный лагерь, а Всеслав провёл военный совет со своими полководцами. Ближе к вечеру они вышли из шатра. К державному князю подошёл Матвей Вяткин, старший офицер Знамённого отряда.

— Государь, Вас хочет видеть старшина местной общины.

— Снова видеть? Я уже принимал их сегодня. Что он хочет?

— С ним молодая крестьянка. Говорит, очень важное дело. Хочет представить Вам наследника Миргорода.

— Вот как? — заинтересовался Всеслав. — Ну пропусти их.

Местный старшина, солидный мужчина средних лет, немного сконфуженно подступился к высоким князьям. С ним была молодая женщина довольно привлекательной внешности. Она держала на руках мальчика примерно года от роду. Кроме того большой круглый живот её говорил о солидном сроке беременности.

— Простите за беспокойство, государь, — старшина почтено поклонился. Крестьянка тоже поклонилась настолько низко, насколько это позволяли ей живот и ребёнок.

— Что тебе угодно, старшина? — спросил Всеслав.

— Не мне, государь. Вот эта женщина, — он указал рукой на простолюдинку, — проживает в мызе, которая входит в общину, над которой я старший. Её зовут Мирка. Я понимаю, что это дерзость с нашей стороны, приходите к Вам с подобными разговорами. Но она очень упрашивала меня сопроводить её к Вам.

— Вы меня заинтересовали. Подойди ближе и говори что хотела, — обратился Всеслав к простолюдинке.

— Меня зовут Мирка, государь. Вот... Вы ведёте своё войско на Миргород?

— Так и есть.

— Тогда вот, — Мирка торжествующе протянула Всеславу ребёнка, отчего мальчик испугался и крепче схватился пальцами за материнскую одежду. — Мой сын наследник Миргорода и Крайнесточья!

— Неужели? И как так оказалось? Все знают, что Деян умер не оставив наследника. У него не было детей и в брак он вступить не успел.

— Я знаю, государь. Но этот мальчик наш общий с ним ребёнок. И раз других детей у князя не осталось, то он может быть наследником Миргорода.

Офицеры с интересом разглядывали крестьянку и слушали её доводы. Роман Хвостов, новый князь-воевода Железного войска, указал на круглый живот женщины и с усмешкой поинтересовался:

— А это у тебя ещё один наследник Миргорода на подходе?

— Нет, князь, — простолюдинка положила руку на живот. — Это моего мужа ребёнок. Вот...

— Поясни, — приказал Всеслав.

— Я была замужем. Вот... Но муж мой помер, его медведь задрал. А детей мы нажити не успели. Вот... И никто меня брать замуж не хотел. Боялись, что неплодная я. Вот... А предельный князь был у нас проездом и ночевал в избе моей, со мной. Вот... Он ехал в Древгород на совет Великий.

— О... Понятно, — Всеслав мысленно прикинул сроки. Сроки совпадали. — Хочешь сказать, что Деян провёл с тобой всего ночь и ты родила сына?

— Так и было, государь.

— Булатовым обычно с девочками так везёт, — заметил Лютогост. — А тут всего ночь и мальчик. Чудно! Мирка, откуда нам знать, что это сын Деяна? Может ты ещё от кого нагуляла?

— Эээ нет, князь, — обиделась крестьянка. — Я не какая-то там гулящая и не потаскушка, — Мирка посмотрела на старшину в поисках поддержки.

— Так и есть, князь, — заговорил тот. — Эта женщина всегда вела жизнь добропорядочную и ни с кем в распутстве никогда замечена не была. Что могут подтвердить все жители её хутора. То местные бабы предложили устроить князя на ночлег в её избе. И только он у неё и ночевал тогда. Все на хуторе это знают. Да ещё дружинники самого Деяна видели, что он у неё ночевал.

— Можешь поклясться, что твои слова правдивы? — как можно строже спросил Всеслав, хотя происходящее его весьма веселило.

— Клянусь именами всех богов, что это правда!

— Да вот же, государь, — Мирка протянула Всеславу малыша, — сами посмотрите. Он же так похож на предельного князя!

Мальчик поначалу испугался, но плакать не стал. Когда же Всеслав покачал его на руках, ребёнок успокоился. Державный князь прикидывал, что можно выгадать из всей этой истории. В общем-то дело весьма обычное. Мужчины высших сословий нередко пользовались благосклонностью простолюдинок во время охот и походов. Что уж говорить, у самого Всеслава рос сын от бывшей любовницы. И этот малыш вполне может быть сыном покойного Деяна. Другое дело, что это может дать державному князю? Заманчивым было бы свергнуть Видогоста с предельного владения и назначить полностью подконтрольного наместника. И чем ниже его происхождение, тем лучше. Сын предельного князя и крестьянки в данном случае идеален. Но пока он совсем младенец и толку от него мало. К тому же у Видогоста большое войско и его ещё надо победить. Ежели тот будет пленён или погибнет в бою, семья его всё равно остаётся в Миргороде и до них не добраться так просто. К тому же полное устранение от власти предельного Дома вызовет недовольство не только у врагов, но и у союзников — Клыковых и Волковых. Потому что это небывалый случай. И время для таких необычных шагов пока не пришло. Сначала нужно выиграть войну.

— Скажите же, государь, ведь они так похожи, — тараторила тем временем Мирка, — ну одно лицо! Вот...

— Похожи, да, — не стал спорить Всеслав и отдал ребёнка матери. — Вот что, женщина. Береги своего сына, не надо всем подряд про него трепать. Живите как все. Потому что если про тебя прознает Видогост Булатов, он убьёт твоего сына, тебя, других твоих детей и твоего нового мужа. Быть может придёт время и я вернусь за твоим сыном. Но

не сейчас. Пока мне нужно победить в войне.

— Да, государь, конечно. Мы все желаем Вам победы. Вот...

— Возьми, — Всеслав протянул Мирке пригоршню золотых и серебряных монет. Та с поклоном приняла дар.

— Спасибо! Спасибо за щедрость, государь!

— Ну всё, ступайте. Матвей, возьми несколько бойцов и проводи старшину с Миркой до хутора.

— Будет исполнено, государь.

— И что теперь? — поинтересовался Лютогост у брата, глядя на удаляющуюся крестьянку. — А если у Деяна в каждом сельце, где он останавливался по ребёнку имеется?

— Тогда он по этой части самый успешный князь в Рустовесской земле, — улыбнулся Всеслав. — Но если отбросить шутки, то ему повезло, что он хоть кого-то успел зачать перед смертью.

— Думаешь, эта Мирка правду говорит?

— Думаю, да.

— А та любовница Деяна из Миргорода, она кого-нибудь прижила от князя, как считаешь?

— Не знаю...

Видогост Булатов был в ярости. За день до начала похода в Миргород прибыл гонец от Чернека Озерова. Предельный князь Суломатья пожелал Видогосту победы в его справедливой войне со Строговыми. Это было издевательство. Мол, не присоединился к Вежинскому содружеству год назад, повоюй теперь один. И выбора нет, придётся воевать одному. С северо-запада шло войско Клыковых, с юго-запада войско Строговых. Доносили, что вилушканцы приняли державного князя вполне дружелюбно. И не смотря на то, что их Поместное войско ушло по приказу Видогоста на соединение с основными силами под Миргород, Всеслав никого не наказывал и не притеснял.

С тяжёлыми думами владыка Миргорода сел в седло. Рядом с ним ехал и Пётр Строгов, настоявший на том, что хочет принять участие в войне. Мирина Булатова, стоявшая в окружении своих детей и воспитанниц из свиты, плакала. Высыпавшие на улицы горожане, провожавшие воинов, тоже не горели радостью от начавшейся войны. В прошлом году, во время казни Деяна, толпа, подогретая кровью и подстрекателями Видогоста, требовала похода на Древгород со всей страстью. Тогда люди были готовы ко всему, теперь от их воодушевления не осталось и следа.

Хранитель градского подворья Агуна и Кесы осенил князя и его офицеров благодатным круговым знаменем. Видогост помахал жене и направил коня вперёд. Пётр Строгов потрогал пальцами в перчатке зелёную ленту, которую ему на правое предплечье повязала Вера, старательно переплетя ткань со стальными звеньями кольчуги. «Чтобы не потерялась ни при каком случае», — сказала она тогда. Сейчас, увидев, как Пётр Строгов прикасается к знаку её внимания, девушка радостно заулыбалась. Почему-то Вера совсем не волновалась за Петра. Знала, что с ним точно всё будет хорошо. Агата Лоскутова, шепталась со своей подругой и, как заметил Пётр, поглядывала на его охранника, Егора Михайлова.

В поход отправилась тысяча бойцов Старшей дружины, пять тысяч конников Младшей дружины, шесть тысяч воинов Железного войска, двенадцать тысяч ратников Поместного

войска и десять тысяч ополченцев, набранных из горожан Миргорода и других поселений.

Бойцы враждующих войск с усмешкой переглядывались друг с другом, когда узнали название поселения, рядом с которым им предстояло сражаться. Хутор Бескрайний Шиш — вот место, где они будут проливать свою кровь. Название было забавное, но поле для битвы в самый раз. С запада и востока его подпирал лес. С севера ручей с оврагом и тем самым хутором. С юга начиналась болотистая земля. По центру поля проходил тракт. Часть самого поля была под огородами, часть под пастбищами. Погода была пасмурная, но тёплая. Солнце пряталось за тучами. Два войска стояли друг на против друга, ожидая приказа начать битву.

Видогост слишком медленно двигал свою рать и не смог помешать Всеславу соединиться с войском из Хладоручья у храма Агуна и Кесы. Оказавшись перед такими значительными силами, храм закрыл ворота. Державный князь не стал его штурмовать, но и мудрейший свою дружину прислать Видогосту не смог. Теперь предельный князь наблюдал перед собой воинов не только под серебряной звездой, но и под чёрным змеем. Конечно, Ростих Клыков был позорно бит в прошлом году. Зато он был под началом Всеслава, который тогда же одержал блестящую победу.

Протрубили боевые рога и рати стали сходитьсь. В воздухе зашипели стрелы, сражённые ими воины падали то там, то здесь. Промежуток между войсками сокращался стремительно, особенно там, где друг против друга стояли конные отряды. Они схватились первыми. За ними ударили друг в друга щиты пехотинцев, ошестинившиеся копьями. Битва началась.

В этот раз Всеслав не стал выдумывать никаких хитростей, приняв решение о стремительном лобовом натиске всеми имевшимися силами. Особенно это решение понравилось Лютогосту. Сам державный князь, в окружении бойцов Знаменного отряда, участвовал в атаке вместе со Старшей дружиной на левом фланге войска. Строговская конница здесь превосходила числом кавалерию Дома Булатовых. А присутствие самого государя ещё больше воодушевляло бойцов. На одного миргородского конника здесь было почти три бойца державного князя. Это и предрешило исход боя. Разорванная в клочья Старшая дружина Булатовых, перемешанная с ошмётками Младшей дружины, стала откатываться в лес, оставляя по пути своего бегства множество убитых и раненных.

Видя разгром своих конных сил и то, что Младшая дружина Строговых с боевым кличем начинает заходить им в тыл, пять тысяч миргородских ополченцев, до того момента вполне успешно сдерживавшие натиск успонов, тоже бросились врассыпную. В то же самое время объединённые в один мощный кулак тяжёлые копейщики Строговых и Клыковых, продавили центр войска Булатовых, где билось их Железное войско. Войско Видогоста бросилось бежать. Некоторые отряды отходили вполне организованно, даже нанося своим противникам ощутимые потери. Но в целом это было бегство. Воины Булатовых бежали в лес. Боевые порядки обоих войск сильно перемешались, что нарушило нормальное управление.

Лютогост, со спины своего боевого коня, радостно отдавал приказы, успевая не только следить за общим ходом боя, но и периодически орудовать отцовским клинком, уже не раз за сегодня обагрённым вражеской кровью. Когда группа дружинников под его началом, прорвалась ближе к уходящему в лес, в сторону столицы предела тракту, воеводе показалось, что он заметил своего младшего брата. Лицо его было прикрыто железной личиной, но

Лютогост был готов поспорить, что перед ним Пётр Строгов. Та же стать, знакомые движения, знакомая манера держаться на коне. Так же держит меч и рубит им, отбиваясь от нападающих противников. В звенья кольчуги на правом предплечье юноши была тщательно вплетена зелёная лента — знак внимания от неизвестной девицы. Девушку себе завёл? Хотя чего удивляться, вполне взрослый уже. Лютогост уже повернул коня в сторону брата, когда чуть поодаль увидел Видогоста Булатова. Предельного князя Крайнестьочья спутать с кем-то было трудно. Броня, плащ, знаменосец рядом и куча закованных в сталь телохранителей. Больше всего Лютогост хотел схватить Петра, но интересы войны и политики выбора не оставляли. В данный момент захват владыки Миргорода намного важнее. Он оглянулся на своих дружинников и скомандовал им: «Вперёд, за мной! Братъ Видогоста живым!» Надо отдать должное охранникам предельного князя, они моментально узрели опасность и без малейших колебаний вступили в бой с дружинниками Лютогоста.

Пётр Строгов заметил на своём мече кровь. Неужели он кого-то умудрился убить или ранить? Рядом с ним кружился неутомимый Егор Михайлов, хищно озираясь по сторонам. Здесь же был десяток его собственных конных телохранителей. Надо отдать должное Михайлову, он говорил, что наберёт простолудинов, а отыскал юношей из ратных Домов, обученных верховой езде и согласившихся служить без жалования за паёк. Быть в охране сына самого великого Лесьяра Строгова само по себе дорогого стоило.

Они стояли на тракте и переводили дыхание. Было видно, что на поле продолжается бой. Остатки Железного войска, сдерживая натиск державников, пятились по тракту. В этот момент подскочил Видогост с частью своих телохранителей. Не дав ему открыть рот, Пётр заговорил сам:

— Князь, по тракту уходить опасно, нас быстро догонит конница моего брата. Вам лучше свернуть в лес к югу от тракта и немедленно отправиться в Миргород, готовить вашу вотчину к обороне. Я со своими людьми уйду чуть к северу, постараюсь собрать как можно больше людей из тех, что разбежались. Буду в Миргороде на несколько дней позже Вас, подойду к Северным воротам, будьте готовы пропустить меня. До встречи! — не дав ничего возразить или добавить, Пётр развернул коня и поехал по тропе в лес. Его отрядик последовал за предводителем.

Ошеломлённый таким неслыханным хамством Видогост от удивления раскрыл рот. Хорошо хоть этого не было видно за железной маской. Выдохнув, предельный князь снял шлем и обратился к начальнику охраны:

— Нет, ты это видел?! — указал Видогост на тропу, на которой исчез Пётр. — Он сказал мне что делать и уехал. Да я... Я... Я и сам хотел именно так приказать ему!

— Кровь Лесьяра Строгова, что тут сказать? — охранник посмотрел на тракт, где неудержимая стальная масса воинов державного князя всё быстрее и быстрее перемалывала остатки не утративших боеспособность отрядов Видогоста. — Но нам и правда лучше уходить.

— Уходим!

Передовые отряды войска Всеслава Строгова уже виднелись за рекой Лумой с юго-западных башен Миргорода. Видогост готовился к худшему. Он увёл в поход тридцать четыре тысячи воинов. Вернулся же, приведя с собой меньше сотни. Настроение горожан было самое мрачное. Настроение предельного князя ещё хуже. Правда, он сделал всё что мог

для предстоящей обороны города. Всё мужское население было разделено на сотни и каждой назначили своего командира. Правда, качество этих бойцов было очень низким, так как самые лучшие были записаны в войско ещё во время подготовки к походу. Тем не менее Игорь Сурин, исправник Поместной стражи, клялся Видогосту, что вверенные ему отряды боеспособны и могут отбить любой штурм. Собственно, на них и оставалась вся надежда.

Проведя более двух часов на стенах, Видогост решил передохнуть и отправился в резиденцию к своей жене. Наблюдение за войском Всеслава и проверка укреплений утомили предельного князя. Но жена не дала ему отвлечься. Мирина ходила по комнате и возмущалась. Девушки её свиты попрятались в разных углах женской половины, занимаясь делами, лишь бы не попасться на глаза рассерженной хозяйке. У кого дел не было, тот их себе придумал. Только Агата Лоскутова сидела в стороне и просто наблюдала за Мириной. Видогост тоже какое-то время просто слушал жену.

— Мой брат предал нас! Разве ты этого не видишь? Пётр увидел, что дело проиграно и сбежал к Всеславу обратно! Какая мерзость! И это после всего того, что мы для него сделали! Мерзкий сопливый прыщ! Когда державная власть запаталась прошлым летом, он удрал к нам. Теперь когда у нас трудное время, он нас легко продал!

— Он не предатель, — заплаканным голосом прохныкала Вера, которая, оказывается, сидела здесь же. — Его убили наверное, он умер...

— Твой дружок нас предал! И тебя тоже!

— Он же твой брат, Мирина...

— После этого никакой он мне не брат!

— Ну хватит, — перебил женщин Видогост и те сразу замолкли. — Может Пётр вернулся к Всеславу, может он погиб, — при слове «погиб» на глазах Веры вновь проступили слёзы, — я всё равно никак на это повлиять не могу!

В этот момент с северной стены раздался звук трубы, возвещавший о появлении отряда союзников. Насколько знал Видогост, конница Всеслава ещё не успела обойти город с той стороны и заблокировать дороги. Но кто эти союзники, дружина храма Агуна и Кесы или какой-нибудь отряд купеческих боевиков? Предельный князь пошёл узнавать в чём дело. Прибежавший вестовой сказал, что за воротами стоит Пётр Строгов с крупным отрядом. «Впускайте», — приказал Видогост.

Через четверть часа в ворота резиденции вошёл отряд численностью более двухсот бойцов. Во главе него ехал на коне младший брат державного князя. Когда они проходили по улицам, горожане выбегали и приветствовали их так, будто это было войско победителей. Хотя зрелище отряд представлял весьма жалкое. Здесь были все — ополченцы, копейщики, конники, вилушканцы. И даже с десятков бойцов Старшей дружины. Все были голодные и грязные, хотя и при оружии. Над этим жалким воинством развеялся стяг Дома Булатовых.

Их вышли встречать все обитатели резиденции. Воспитанницы свиты высыпали на крыльцо. Мирина, словно забыв о своих словах радостно приветствовала брата. Вера была в восторге и бросилась на радостях обниматься с Агатой. Пётр выехал вперёд, слез с коня и обратился к Видогосту:

— Я выполнил своё обещание, князь. Вот все воины, которых я сумел собрать. Я и они готовы защищать Миргород до последней капли крови!

Видогост без слов обнял Петра под всеобщие крики одобрения.

В битве у хутора Бескрайний Шиш державное войско потеряло две тысячи убитыми и четыре тысячи ранеными. Потери Видогоста были более ощутимы. Войско Булатовых потеряло шесть тысяч убитых и десять тысяч раненых. Основная масса уцелевших разбежалась по окрестностям. Отлавливать их специально никто не стал. Никакой боевой силы они больше не представляли, а отвлекать воинов смысла не было.

Всеслав не спеша готовился к правильной осаде предельного города. Несколько дней ушло на то, чтобы обложить Миргород группами конников, которые перекрыли тропы и дороги. На основных направлениях были выставлены сильные отряды пехоты. Так как с трёх сторон гнездо Дома Булатовых было окружено водами рек, то штурмовать его можно было лишь с севера. Именно там и был расположен основной боевой лагерь. Отряды пехотинцев и лучников садились в лодки и плавали вокруг города, чтобы мешать его защитникам пользоваться рекой и заставлять держать на стенах вдоль рек как можно больше воинов. Князь Клыкков уже послал своих гонцов вверх по Луме и в скором времени, Булатовы смогут увидеть под своими стенами не только лодки, но и боевые ладьи. В самом лагере полным ходом шла подготовка к строительству подкопа и последующему штурму.

На четвёртый день осады в шатёр Всеслава привели группу служилых людей. Их было пятеро. Государь как раз окончил военный совет и поэтому все офицеры были в сборе. Задержали служилых разведчики. Старший ратник указал на них:

— Вот, государь, пытались в Миргород пролезть мимо наших разъездов.

— Сильно таились? — спросил Всеслав.

— Нет, не очень.

— Кто вы такие, — обратился к служилым державный князь, — зачем в Миргород пытались попасть?

— Мы посланцы от Рубежной стражи. Нам нужно доложить предельному князю, важные вести... Срочные.

— На кою шишку тебе предельный князь сдался, — заговорил Лютогост и указал на брата, — когда перед тобой сам владыка Древгорода и державный князь Рустовесской земли?

Служилые не сговариваясь переглянулись и попадали на колени. Видимо, до них только сейчас дошло с кем они имеют дело.

— Прости, государь, мы... С дороги, устали зело! Совсем не соображаем. Прости, что не признали.

— Ну хватит в ногах валяться, вставайте. Что у вас за дело, зачем в Миргород ехали?

— Беда, государь! Кочевники напали. Целое войско, до двадцати тысяч. Уже сожгли несколько острогов на юге Засечной черты. С набегом идут.

Глава 16 Важнейшее обязательство

Старшие офицеры державного войска восприняли новость гробовым молчанием, за которым могло таиться всё что угодно. Хоть Всеслав и хорошо знал своих людей, всё же решил сначала переговорить с ними, прежде чем объявлять свою волю. Ростих Клыкков был явно озадачен сильнее других.

— Двадцать тысяч конных воинов очень грозная сила, особенно в степи — покачал головой он. — Если найзалы привели такое войско, то это не просто ради стычки на границе. Это уже война.

— Прощупывают оборону, — продолжил мысль Ростиха Вадим Камушкин, князь-воевода Младшей дружины Строговых.

— А зачем нам сражаться с найзалами? — заговорил Лютогост. — Ведь наша цель это Миргород. Если мы уйдём отражать вторжение, кто знает, чем закончится наш поход? В любом случае мы потеряем время и предельный город возьмём ещё не скоро.

Слова Лютогоста никто не поддержал. Однако и возражать тоже не стали. Всеслав понял, что его люди вновь ждут, что скажет державный князь.

— Я уже решил, — Всеслав поднялся на ноги и для значительности сжал рукоять меча. — Мы снимаем осаду и идём на юг, на встречу найзалам.

— Но подожди, брат, — перебил Всеслава Лютогост, — зачем нам сражаться с ними?

— Конкретно тебе, ради славы, — ответил державный князь. Присутствующие улыбнулись. — Видогост Булатов наш враг и мы с ним воюем. Но это не значит, что ведя войну внутри страны, мы должны позволять иноземцам пользоваться нашими ссорами и грабить наши земли. Защита Рустовесского государства — важнейшее обязательство державного князя. И я не собираюсь от него отказываться. А мятежников мы накажем позже, пусть никто не сомневается.

Офицеры Рубежной стражи получили на руки заверенные державной печатью письма, которые давали им право распоряжаться от имени Всеслава. Сменив коней, поев и отдохнув, они отправились в путь с приказом собирать из Рубежных гарнизонов подвижные отряды и накапливать их в оговоренном остроге в нижнем течении реки Сувы.

Приготовления к походу начались немедленно. По приказу Всеслава к нему привели всех купцов, которых только сумели собрать по окрестным станам и из торговых местечек вдоль Сувы и Лумы. Под гарантии безопасности явились все. Конечно, значительная часть наиболее богатых и влиятельных купцов осталась за стенами Миргорода, но и тех, что пришли было немало. Всеслав кратко описал угрозу, связанную с вторжением кочевников.

— Чего же ты просишь от нас, государь? — спросил один из купцов, которому поручили говорить за всех. — Тебе нужны деньги, кони, хлеб?

— Да, мне нужно всё это, — подтвердил Всеслав. — Но самое главное, мне нужны ваши боевики.

По рядам купцов прокатился недовольный гул удивления. Они некоторое время совещались. Затем вновь заговорил самый старший.

— Государь, не сочти это за мятеж или неповиновение, но мы не можем дать тебе своих бойцов. В наших землях мы обязаны учитывать волю предельного князя. А Видогосту совсем

не понравится, что мы дали тебе свои отряды. К тому же, если наши боевики уйдут с тобой на юг, кто будет защищать наши товары и прибыли?

— Для начала вы все сыны Рустовесского государства и поэтому обязаны повиноваться воле державного князя, то есть моей воле. Второе. Если кто-то ещё не знает, то я разбил Видогоста Булатова, а значит именно я сейчас являюсь безраздельным хозяином Крайнестьочья даже помимо законных оснований. Просто по праву вооружённой руки. Третье. Если вы так сильно меня просите, то я уйду обратно в Древгород и буду спокойно там пировать. А вы обратитесь за помощью к Видогосту. Пусть он вас защитит. Но у него сейчас нет достаточно войск, чтобы противостоять двадцатитысячной коннице найзалов. Поэтому они придут под Миргород и разорят по пути все ваши хранилища. И последнее. Я возьму девять из десяти ваших боевиков, чтобы было кому присмотреть за вашим добром.

Купцы некоторое время озадаченно молчали. Затем стали совещаться между собой. Всеслав внимательно наблюдал за ними, видел, что его доводы заронили в торговые души серьёзные сомнения. Хотя число тех, кто возражал тоже было немалым. В какой-то момент Всеслав начал терять терпение от нерешительности купцов. Наконец, старший из них озвучил общее решение.

— Ты получишь от нас все необходимые припасы. Девять из десяти наших боевиков пойдут с тобой. У нас к тебе лишь одна просьба.

— Говори.

— Государь, мы покорнейше просим тебя отразить нашествие кочевников. И по возможности сохранить наших людей в целости.

— Что же, я попробую исполнить обе ваши просьбы. Хотя на всё воля Единого.

Помимо отрядов Рубежной стражи, державный князь почти полностью выгреб из имевшихся в досягаемости острогов отряды Поместной стражи, влив их в состав своего войска. То же самое он намеревался делать с гарнизонами по пути следования. В то же самое время посланные группы Младшей дружины пустили по окрестностям клич, обращённый к попрятавшимся ратникам Видогоста, из тех, что уцелели в битве. Именем державной власти всем им гарантировалась жизнь и все они призывались в войско для защиты Рустовесья. Поначалу откликнулись лишь несколько небольших групп бойцов. Но когда их дружелюбно приняли, отмыли и накормили, слух распространился быстро. Через несколько дней к державному войску прибилось около девяти тысяч воинов Видогоста. Помимо этого офицеры Всеслава собирали крестьянские ополчения и тоже вливали их в состав войска.

— Послушай, Всеслав, — Ростих Клыкков улучил момент, чтобы переговорить с глазу на глаз. — Мы тут теряем время на сбор беглых воинов, купеческих боевиков и крестьянских ополчений вместо того, чтобы выдвигаться в поход. Мы увеличиваем численность войска, но боеспособность его не улучшается. Что толку от массы этих плохо управляемых отрядов? Ведь в битве нужно будет победить не числом, а умением.

— Ты верно заметил. Я специально увеличиваю именно численность войска.

— Но зачем?

— Понимаешь, победить в битве это высшая доблесть. Но я собираюсь победить без битвы.

— Это как?

— Если будет на то воля Единого, ты сам всё увидишь. Почему пришли найзалы?

— Потому, что узнали, что мы воюем друг с другом.

— Вот именно. Покажем им, что они ошибаются. Кстати, твои ладьи уже прибыли? — Всеслав сменил тему разговора, давая понять, что обсуждать больше нечего.

— Да, прибыли.

— Очень хорошо. Начинайте грузить припасы. Через три дня выдвигаемся. Будем двигаться как запланировано: пехота на кораблях, конница берегом.

— Но мы управимся за сегодня, зачем ждать ещё два дня?

— Моя разведка заметила недалеко отсюда дружину храма Агуна и Кесы.

— И что?

— Они передали моё послание воеводе Онагосту. Я поеду поговорю с ним.

Они встретились на тракте, ведущем из Миргорода в храм Агуна и Кесы. Рядом с дорогой находилась лесная поляна, залитая ярким летним солнцем. Их сопровождающие остались по разным концам. Державный князь и воевода подъехали друг к другу и не сговариваясь спешили. Подбежавшие прислужники быстро взяли их коней под уздцы. Некоторое время стояли молча оглядывая друг друга.

Онагост был крепким ладно скроенным воином, на котором прекрасно смотрелась сталь его брони. Ростом на пол головы выше Всеслава, он мог оказаться очень серьёзным противником. Лютогост бы наверняка был рад скрестить с таким мечи. Было жарко и державный князь снял шлем. То же самое сделал воевода. Птицы пели где-то вдали от них в зарослях орешника.

— Государь.

— Воевода.

— Зачем Вы сюда прибыли, князь?

— То же самое хотел спросить у тебя, воевода. Ты ведь знаешь, что Видогост проиграл битву и заперся с остатками своих отрядов в Миргороде. У меня больше тридцати трёх тысяч воинов. У тебя... Сколько у тебя, тысячи две? И тем не менее ты залез со своим отрядом в мои тылы. Зачем?

— Я воин, — отрезал Онагост. — Я рождён для войны. Мы же воюем, князь.

— Без сомнения. Поэтому я и предложил тебе встретиться. Ради войны. Ты знаешь, что в южные станы Крайнестьчья вторглось войско найзалов?

— Нет. Это правда?

— Я клянусь тебе, что это правда. Сейчас я собираю всех, кто может держать в руках оружие, чтобы отбить это нападение. И твоя дружина была бы очень кстати.

— На поле у Каменного идола остались лежать многие из моих соратников. Вы хотите, чтобы я про это забыл?

— Может я и хотел бы этого. Но ты ведь всё равно не забудешь, верно?

— Не забуду.

— Поэтому я и не прошу тебя забыть о той битве. Мы с тобой враги и война наша не окончена. Но сейчас на нашу страну идёт иноземец и я прошу твоей помощи, чтобы изгнать его. Нельзя позволять всяким кочевникам, киврийцам или Вечерним королям пользоваться нашими смутами.

— Хотите, чтобы мы вдруг стали друзьями?

— Я хочу, чтобы мы отложили нашу войну на время. Встретимся на поле боя потом.

— Мне надо посоветоваться с мудрейшим.

— Зачем? Мы с тобой воины и сами решаем как вести сражение в зависимости от сложившихся обстоятельств. Покажем найзалам, что можем защитить свою землю. А как нам на ней жить, разберёмся потом. Решай, воевода.

Онагост крепко задумался. Взгляд его жёстких глаз плавал где-то над головой Всеслава. А медленно сжимавшиеся и разжимавшиеся уголки губ, выдавали глубину размышлений, словно предводитель Храмовой дружины разговаривал сам с собой, не открывая рта. Время шло. Онагост посмотрел под ноги, пошевелив в разные стороны левой ногой. На зелёном сапоге звякнули запылённые шпоры.

— Я пойду с Вами, князь. Но хочу, чтобы Вы поклялись мне Агуном и Кесой, что это не обман и моя дружина по окончании похода будет свободно пропущена обратно в храмовое держание.

— Давай так. Я не стану клясться тебе Агуном и Кесой, потому что не верю в них. Я не буду клясться тебе Единым богом, потому что в него не веришь ты. Я поклянусь тебе честью державного Дома и могилой своего отца, что не нарушу наш договор.

— Хорошо.

— Тогда считай, что у тебя есть моя клятва.

Державный князь Рустовесского государства и воевода Храмовой дружины Агуна и Кесы пожали друг другу руки в знак временного примирения.

Войско державного князя опоздало. Когда они подходили к речке Линь, им стал виден дым горящего острога, прикрывавшего броды. Найзалы сожгли его и отправили на другой берег несколько разведывательных отрядов. Заметив рустовесские войска, кочевники поспешили отступить. Но два отряда всё же были настигнуты конницей под командованием Лютогоста Строгова и Кирилла Витвинова, и уничтожены полностью. Тем временем, Всеслав построил свою пехоту в большое каре, разбитое внутри на несколько более мелких квадратов. Конные дружины были выделены в подвижный резерв.

Рустовесские рати подошли к бродам через небольшую речушку, не шире чем половина полёта стрелы. Как можно было заметить, вода здесь доходила до колена коням. Всеслав Строгов пошёл на хитрость. Впереди он выстроил самых лучших бойцов своих войск. За ними держали оборону рубежные и поместные стражники, ещё дальше купеческие боевики, и совсем на другом конце каре старались удержать строй крестьянские ополченцы.

Вид более чем пятидесятитысячного войска сильно озадачил хана. Передовые конные отряды вступили в перестрелку с воинами державного князя. Кое-кто из предводителей повёл свои сотни через речку. Их встретили княжеские копейщики, поддержанные лучниками из глубины построений. На правом берегу реки закипела жаркая схватка. Рустовесцы легко отбили несколько атак найзалов, нанеся им чувствительные потери. Кочевники тоже не остались в долгу и по берегу реки можно было увидеть до сотни убитых и раненых ратников державного войска.

Хан найзалов посмотрел на попытки передовых конных групп перейти броды и не решался пока вводить в сражение все силы своего войска. Слишком много против него стояло врагов. Он внимательно разглядывал знамёна неожиданно появившегося войска. Когда он повёл воинов в поход, ему рассказывали, что в Рустовесской земле идёт жестокая война и никакого серьёзного сопротивления он не встретит. Но вот перед ним стояло огромное вражеское войско и слаженно отбивало наскоки его всадников. Серебряная звезда

на красном поле знамён — герб верховного хана Рустовесья. Был здесь чёрный глаз в золотом круге, под которым ходили воины наместника Миргорода. Чёрный змей на белом поле. Как сказали советники, это знамя северных жителей Рустовесья. Виднелись знамёна племенных союзов. Даже солнце одной из Храмовых дружин. Не все гербы Рустовесской земли были сейчас перед ханом найзалов, но и того, что он видел было немало. Поэтому когда его ближайшие тысячники запросили о том, что делать дальше, хан приказал им уходить в степи.

Мирина отыскала Агату на кухне, когда та отдавала распоряжения младшим воспитанницам свиты. Отведя её в сторону, жена владыки Миргорода некоторое время задавала самые общие вопросы о самочувствии, хозяйственных делах, о воспитанницах. Но потом неожиданно для Агаты резко перешла на мужские дела.

— Смотри как война обернулась. Войско моего мужа разбито, Всеслав обложил нас со всех сторон, потом ушёл куда-то на юг.

— Почему он увёл войско?

— Муж говорил, что кочевники вторглись.

— Если державный князь и кочевники истребят друг друга, нам ведь от этого лучше будет?

— Без сомнения. Но времена всё равно трудные. Нужно держаться вместе. Нужно всех иметь на виду.

— Мирина, к чему ты ведёшь? — Агата сразу по её тону заподозрила неладное.

— Я веду к тому, что мой младший брат, Пётр, нуждается в опеке и присмотре. А с этим лучше тебя никто не справится. Ты ведь понимаешь о чём я?

Агата хлопнула ладонями по бёдрам, закачала головой и обиженно засопела.

— Теперь хочешь, чтобы я с твоим братом спала? Вера мне этого никогда не простит.

— Ну что ты, зачем же с Петром путаться? У него есть человек, который по всей видимости с ним очень близок, Егор Михайлов.

— Который над его охраной начальствует?

— Именно он.

— Значит мне с ним спать?

— Нет, ну что ты, — Мирина заулыбалась, — то есть ты верно подумала, но не совсем. Я хочу выдать тебя за него замуж.

— Меня замуж за Егора Михайлова?

— Да. А что в этом такого. Он видный офицер, красивый и крепкий. Видела, как он Скалогрома победил на поединке?

— Кто же этого не видел!

— Ну вот. Такой молодец и не женат. И ты у меня в девках засиделась. Тебя ведь всё равно надо замуж выдать. Для тебя Егор самый подходящий жених.

— Вера говорила, что Пётр желает его женить. Только пока не знает на ком.

— Отлично! Ты скажи им, что хочешь за него замуж и мы вместе всё устроим.

— Стало быть мне за ним так же как за Деяном наушничать?

— Не так же. Пётр мой брат и по всему видно, что он хороший человек. Просто ты, моя верная подруга, будешь рядом. Мы ведь с тобой подруги? Присматривай за ними, смотри, чтобы они по ошибке или по злему умыслу не навредили моему Дому.

— А приданное?

— Ой, ну за это не беспокойся. Будет у тебя приданное. Так ты согласна?

Агата ещё в начале разговора смекнула, что отказываться нет смысла. Всё равно она в полной власти Мирины. И если не сделать так как она хочет, то жена хозяина Миргорода найдёт способ ей жестоко отомстить. А так... Ведь всё равно нужен муж. Хоть этот Егор и не большой человек, но всё же не урод какой-нибудь. Служит Петру честно. И в бою хорош. К тому же муж это защитник жены и худо-бедно хоть кто-то в этом мире будет за неё заступаться. Все эти доводы промелькнули в голове Агаты за пару мгновений. Главный же из них был тот, что отказаться всё равно нельзя.

— Я согласна, — сказала Агата.

— Вот и чудесно!

После того, как найзалы ушли в свои степи, Всеслав Строгов ещё некоторое время находился на Засечной черте, восстанавливая там порядок и делая нужные распоряжения. К тому же кочевникам полезно будет знать, что войско державного князя твёрдо встало на рубежах государства. Тем не менее, лето подходило к концу и нужно были принимать решение: продолжать осаждать Миргород или отложить войну до зимы. С учётом того, что застрять под сильно укреплённым городом, имея угрозу со стороны Юрьевых и Озеровых, было опасно, Всеслав принял решение завершать поход.

Державное войско отошло вдоль берега Сувы до тех мест, где западнее начинались владения племенного союза вилушканцев и встало там лагерем. Там их уже поджидало большое посольство князей, купцов и сельских старшин, пришедших благодарить государя Рустовесской земли за защиту от набега найзалов. Радость была ещё полнее от того, что кочевники убрались из Крайнесточья без большого сражения, а значит без кровопролития. И так достаточно было битвы у хутора Бескрайний Шиш.

Помимо словесной благодарности, знать Крайнесточья преподнесла Всеславу богатые дары. Как прикинул державный князь, общая их стоимость приблизительно равнялась сумме ежегодного налога с этого предела. Тем лучше для державной власти и хуже для Видогоста. Чтобы окончательно завоевать любовь Крайнесточья, Всеслав объявил воинам Видогоста, ополченцам, купеческим боевикам и дружине Агуна и Кесы, что отпускает их на все четыре стороны. Общая радость неожиданно для самого Всеслава охватила всех кто был на поле на берегу реки Сувы. словно и не было жестокой междоусобной войны, словно те же самые люди, что стоят сейчас рядом не бились насмерть совсем недавно.

Воины стучали копьями и мечами о щиты, звенели боевой сталью и слаженно выкрикивали: «ГО-СУ-ДАРЬ, ГО-СУ-ДАРЬ, ГО-СУ-ДАРЬ!!!! ВСЕ-СЛАВ, ВСЕ-СЛАВ, В СЛАВ!!!!»

Глава 17 Воссоздание доверия

Доверенный человек купца Виктора пришёл к ней утром, аккуратно после завтрака. Это был неприметный юноша лет семнадцати. Передал Ольге свёрнутую в трубочку записку и вежливо посоветовал сжечь её после прочтения. Купеческая вдова долго колебалась, читать ли её вообще. Некоторое время даже склонялась к тому, чтобы сжечь бумажку не разворачивая. Прислужница поставила перед хозяйкой кувшин с клюквенным морсом и наполнила алым напитком глиняную кружку. Записка лежала на столе в вязком луче усталого осеннего солнца. Ольга думала. Отхлебнула приятный кислый напиток и посмотрела на бумажку. Что она несёт за собой? Игры с державным князем уже привели их однажды в каменные темницы, а Константину Солеторгу вообще стоили головы. Постепенно солнечный луч уполз на край стола, оставив записку в тени. Ольга взяла её и прочла. Только место и время, ничего крамольного. Тем не менее, воспользовавшись советом посыльного, она бросила бумажку в очаг.

Аромат золотой осени уже витал в воздухе, даже перебивая местами через чур крепкий запах города. Ольга оделась в простой плащ с капюшоном, чтобы не слишком выделяться и взяла с собой двух боевиков. Лишь идя по улицам, она подумала, что женщина за которой двигаются вооружённые телохранители уже одним этим довольно примечательна. «Ну и ладно, — решила она, — мало ли знатных и богатых женщин в стольном городе?»

Виктор ждал её именно там, где и было указано в записке — на пристани. С невозмутимой лёгкой улыбкой он наблюдал как разгружают зерно из кораблей.

— Ты не мог выбрать более укромного места? — вместо приветствия спросила Ольга.

— Укромные места рождают подозрения. А что удивительного в том, что два купца встретились на причалах?

— Ну да... Теперь и зерном приторговываешь?

— Почему нет? Урожай в этом году отменный. Трудное время, — Виктор поднял голову, словно разглядывая облако, заворачивавшее в свою пелену солнце, — война. Роскошная утварь и ткани дело прибыльное, но купить их могут немногие. А хлеб нужен всем и всегда.

— Твоя разумность как всегда неуязвима.

— Так ты не против выслушать доводы моего ума?

— Касательно чего?

— Касательно нашего общего дела за которое мы взялись.

Ольга недоверчиво покачала головой.

— Наша попытка провалилась, — твёрдо сказала она. — Константину отрубили голову. Державный князь всё выведal про наши дела. Ты знаешь, что он назвал нас добрыми друзьями и поблагодарил за раскрытие заговора?

— Знаю, конечно. Весь город знает.

— И после этого ты хочешь начать всё заново?

— Конечно. Когда мы решались бросить вызов державной власти, то знали чем это может кончиться.

— Знали, — согласилась Ольга.

— Заставить державного князя уступить часть его власти, это не у шавки дворовой кость отнять. Хотя и пёс за свой кусок загрызёт кого угодно. Мы встали на опасный путь и его

надо пройти до конца.

— Почему он казнил именно Константина?

— Очень просто. Казнить всех нас он не мог, мы очень влиятельны и мы тоже элиты. Но и оставить нас тоже было нельзя. Он выбрал самого богатого и убил его. Кто сказал, что Всеслав глуп? Он достойный сын своего отца.

— И как же нам быть?

— Будем действовать осторожно и медленно. Через пару недель войско Всеслава вернётся из Крайнестьочья и тогда стражи будут более бдительны. Пока же мы начнём, вернее, продолжим наше дело. Используем подкуп среди офицеров. Деньги все любят. Будем собирать боевиков не так открыто, а мелкими группами, чтобы подозрения не вызвать. Простолюдинов привлечём. Цель та же, только путь к ней другой.

— Ты сказал «мы»?

— Да. Я уже со всеми договорился. Кроме тебя.

— И все готовы вновь рискнуть?

— Да.

— Я с вами, — Ольга немного помолчала. — Всеслава надо убить. Он слишком умён и опасен.

— Стеклодел Юрий тоже сказал, что Всеслава надо убить. Позволь тебя спросить?

— Спрашивай.

— Ты любила Лесьяра Строгова?

— Да, — еле слышно подтвердила Ольга и Виктор заметил как глаза её сделались печальными, словно она корила себя за что-то.

— Тогда почему ты хочешь смерти его старшему сыну?

— Не знаю, — вдова плотно сжала губы и медленно втянула носом воздух. Потом мрачные глаза её устремили взгляд в даль, туда, где за причаленными ладьями виднелась тёмно-синяя гладь Рустовеси. Поднявшийся с реки ветер сдул с её головы капюшон и растрепал волосы. Ольга поправила их своими длинными пальцами. Суется на пристани работники едва не уронили в воду бочку с зерном. Начальствующий над разгрузкой старшина начал грязно ругаться. Его разудалая брань словно привела Ольгу в чувства. — Я всегда хотела родить Лесьяру сына. И всегда знала, что мне уже не дано родить. А если и дано, то моему ребёнку никогда не стать ровней законным детям Лесьяра. Всеслав... он почти как его отец. Но не такой. Наверное, поэтому я его ненавижу.

— Понимаю, — откровенность Ольги немного озадачила Виктора.

— А как нам быть с Тайной стражей? Они ведь наши главные враги.

— Ты права, Ольга. Цепные псы державного князя никогда не спят. Да они и сейчас за нами присматривают.

— Что? — Ольга в ужасе отшатнулась от Виктора.

— У тебя испуганное лицо, это очень хорошо. А теперь ответь, ты с нами в нашем деле?

— Да, я с вами.

— Я рад. Теперь просто развернись и уходи. Больше не нужно, чтобы кого-то из нас видели друг с другом. Будем действовать скрытно.

В ратном зале Вежинского острога было очень шумно. Предельные князья и мудрейшие храмов бурно спорили о насущных делах потрёпанного содружества врагов державного

государя. У каждого было своё мнение, каждый знал, как поступить правильно и мог подробно обосновать почему его собеседники ошибаются. Чернек Озеров, собравший съезд Вежинского содружества, тоже принимал в спорах самое горячее участие. Так продолжалось около часа, но ни к чему общему прийти никак не удавалось. Утомившись, предельный князь Суломатья отхлебнул из деревянной чаши большой глоток студёной воды, который приятно освежил засохший в пустых спорах язык и только сейчас обратил внимание на молчащего Видогоста Булатова. Владыка Миргорода, конечно, то и дело отвечал на вопросы, но активно в перепалку не лез. Наклонившись к Видогосту, Чернек заговорил с ним:

— Смотрю, не слишком ты рад нашим спорам?

— Чему радоваться? С ваших поражений хотя бы год прошёл, а меня этим летом унизили, — Видогост сжал кулаки. Если с Юрьевых и Озеровых Всеслав содрал полагавшиеся Древгороду налоги, постепенно отпуская пленных ратников и офицеров, то владыка Миргорода подвергся более изощрённому позору. Жители Крайнестьочья сами отдали державному князю все причитающиеся подати. Когда же Видогост напустился на них за поддержку врага, то ему ответствовали, что он сам виноват, оставив их без защиты перед лицом войска найзалов. А Всеслав спас их от гибели и разорения. По хорошему за подобную дерзость полагалось рубить головы, но возможности такой не было. Значительная часть войска участвовала в походе вместе с ратью Всеслава и полностью одобряла действия державного князя, сумевшего забыть обиды ради защиты Крайнестьочья от иноземцев. — Древгород всё так же силён, а с востока уже кочевники начинают наседать. Я не выдержу долгой войны.

— Её никто из нас не потянет. Кстати, как поживает Пётр Строгов, он ведь у тебя сейчас гостит?

— Да, он хороший юноша. Смелый и хитрый. Хочет жениться на моей племяннице, Вере.

— Вот как? И ты одобрил эту затею?

— Да, одобрил. Почему нет, если они друг другу милы.

— Если милы, то хорошо. Но их брак сделает тебя ещё более близкой роднёй Дому Строговых.

— Не так уж это бесполезно, — улыбнулся Видогост. — Для меня.

Споры тем временем не угасали, оставляя всё меньше шансов на то, чтобы привести князей и мудрейших к обоюдному согласию. Чернек Озеров поднялся на ноги и поднял вверх руку в знак того, что требует внимания. Прошло некоторое время прежде чем разгорячённые перепалкой спорщики слегка утомонились.

— Спасибо, — сказал Чернек когда все готовы были слушать. — Мы с князем Булатовым мыслим, что затягивать войну с державной властью совсем не в наших интересах. Не в наших общих интересах, — добавил он на всякий случай, обводя взглядом собравшихся. — Новых разгромов Вежинское содружество может и не выдержать. Согласны ли вы с моей мыслью?

— В целом да, — поддержал Хотен Юрьев. — Нужна решительная победа.

Мудрейшие храмов пресветлых богов молча закивали. Им, как людям далёким от поля боя, были мало понятны возможные военные последствия новых поражений. Но как хозяйственные управители, все они прекрасно знали об огромной цене войны. Расходы храмов уже давно стали превышать их доходы. Многие были вынуждены черпать деньги из накопленных ранее сбережений. Хоть земли пока и не разорялись, но на крестьянские

хозяйства плохо влияли новые налоги и необходимость поставлять мужчин в войска и дружины. Князья, занятые усилением своих войск, почти перестали жертвовать храмам деньги. Подаяния от купцов тоже снизились в несколько раз.

— К тому же все мы знаем, что мудрейший храма Благопроявлений уже подписал своё светлейшее дозволение на принятие в Рустовесской земле элаитства. И хоть все знают, что сделал он это под угрозой оружия, всё же в умы простых людей это вносит смятение. Итак. Кто согласен, что мы должны решительно объединиться для достижение скорейшей военной победы? — спросил Чернек и первым же поднял руку. Его примеру последовали все остальные.

— А мы сможем одержать эту победу? — с сомнением в голосе спросил Филипп, мудрейший храма Аурина и Зары.

— Наш выбор прост, — отрезал Чернек — победа или смерть. Кто думает, что есть другой способ, пусть уходит прямо сейчас.

Уходить никто не стал. Князь Озеров подвёл всех к самой главной мысли.

— Раз все согласны, что другого выбора кроме решительной битвы нет, перейдём к главному. Я требую, чтобы меня выбрали верховным воеводой всех ратей Вежинского содружества.

— Ты требуешь этого? — Максим, мудрейший храма Сияя и Кипины едва не упал со скамьи.

— Именно. Никакого Совета ратных начальников не будет. В походе и на поле битвы я буду распоряжаться единолично.

— Но... Ты уже распоряжался у Каменного идола и чем это закончилось?

— В битве у Каменного идола я осуществлял только общее руководство. Теперь я требую, чтобы меня назначили верховным воеводой со всей полнотой военной власти.

— Это уже слишком, — Максим в надежде посмотрел на тех, кто мог осадить владыку Старогуля. К его разочарованию Видогост Булатов был слишком подавлен своими неудачами, да и князь Юрьев тоже не особо возмущался. — Ну... Как знаете, я человек не воинского ума, — сдался мудрейший.

— Только одно условие, — заговорил Хотен Юрьев, — ты, Чернек, будешь только военным командующим. В походе и на поле боя твои приказы беспрекословны. Но никакой политической власти ты иметь не будешь.

— Это справедливо, — согласился князь Озеров. — Кто за?

Все подняли руки в знак согласия.

— Я договорился с Всеславом. Мы будем биться на полях Дворцовой управы в нескольких часах пути от Древгорода. Битва произойдёт в травене. Так что к ледоходу все наши рати должны собраться на юге Густошумья.

— Последний вопрос, — заговорил Видогост. — Как именно мы поведём себя после победы? Что делать с державной властью, как быть с Гужвоземьем? Что мы заберём у побеждённых, чтобы наказать их?

— Как далеко ты стал мыслить, — усмехнулся Хотен Юрьев. — Сначала надо одержать победу, а потом будем думать исходя из итогов битвы. Быть может нас всех там же и закопают, на полях Дворцовой управы.

— Не будем о том, — сказал Чернек. — Прошу всех в трапезную. Поощрим себя вкусной пищей!

Глава 18 Желанное и вынужденное

Накануне своего отбытия на съезд Вежинского содружества, Видогост Булатов пригласил к себе Петра Строгова. Кроме них двоих в Малом зале никого не было, даже стражников. Хозяин Миргорода очень обстоятельно поговорил с беглым братом державного князя. Поначалу Пётр немного стеснялся, так как раньше он с Видогостом не общался один на один. Но потом разговор заладилась и они нашли общий язык. Предельный князь был откровенен со своим юным шурином. Поведал, что сил для долгой войны уже не осталось. Скорее всего, всё будет решено в компанию будущего года. Либо ратям Вежинского содружества удастся победить Всеслава, либо благой вере в Рустовесской земле придёт конец. Пётр заверил Видогоста, что будет с ним до конца. Чтобы закрепить союз, предельный князь предложил Петру жениться на Вере Булатовой. Он сразу согласился. Хоть Вера и была старше его почти на три года, он испытывал к ней самые тёплые чувства. Девушка потеряла отца, мать, брата, но при этом сохраняла присутствие духа, была дружелюбна и даже жизнерадостна. Тем более они с Петром близко подружились. Иногда Вера смотрела на него так, что сердце юного князя начинало биться чаще. Он согласился, решив, что женитьба на племяннице предельного князя Крайнесточья будет лучшим вариантом.

По возвращении Видогоста из Вежинского острога прошло около недели. Наступил день свадьбы. Для проведения таинства малого огненного благоосенения над женихом и невестой, прибыл сам Валентин, мудрейший храма Агуна и Кесы. Вера Булатова была безумно счастлива. В ночь перед таинством она почти не могла заснуть, думая о том, что теперь её ждёт новая жизнь, уже не как девицы, но как женщины. Пётр Строгов тоже был в приподнятом настроении. Однако будущее не казалось ему настолько безоблачным. Что будет с ним и его женой, если Всеслав победит? Что будет с ним и его женой, если Всеслав проиграет? Хотя в последнее верилось с трудом. И вообще, не слишком ли он торопится, надевая брачный браслет в пятнадцать лет? Его отец женился в шестнадцать... С другой стороны, брак с Верой политический. Впрочем, поздно пребывать в раздумьях, и отказываться тоже поздно!

Они встретились во дворе Градского подворья. На Петре были одежды красного цвета, на Вере — зелёные платья. За ней шла свита девушек, за ним свита парней. Все были одеты в лучшие наряды. Они подошли к воротам хранилища и посмотрели друг на друга. Вера улыбалась так заразительно, что Пётр тоже не стал себя сдерживать. Холодный ветер поздней осени закружил первые снежинки под их ногами. Жених и невеста повернулись к дверям. Видогост открыл перед Петром левую половину двери, а Мирина перед Верой правую. Вообще, по обычаю, это должны были сделать старшие родичи вступающих в брак. Но таковых здесь не оказалось и мудрейший Валентин сказал, что не будет большого нарушения в том, если это сделают Видогост и Мирина.

Они спустились в хранилище и под пение гимнов пошли к храмовому очагу. Там их уже ждал Валентин. На фоне отблесков огня Пётр и Вера повернулись лицом друг к другу. Мудрейший на распев прочитал отрывок из Книги мудрости, в котором говорилось об извечном противостоянии Блага и Хлада, порождающем бытие. Затем главный хранитель благоверия в Крайнесточье повязал на правую руку Петра и левую руку Веры бело-синюю ленту, символизирующую собой силы Хлада, врага всего живого. Жених и невеста

опустились друг перед другом на колени. Специальными позолоченными щипцами мудрейший взял с поднесённого ему блюда крупный кристалл чистейшего прозрачного льда и вложил его в правую ладонь Петра. Сверху лёд накрыла своей ладонью Вера.

Хор ищущих в тот же миг запел особые защитные молитвы, призванные помочь рождающейся человеческой семье совместным теплом одолеть холод мешающего им символического зла. Мудрейший тем временем осенял жениха и невесту священным огнём. Кристалл больно обжигал кожу, но Пётр и Вера не сговариваясь крепче сжали руки. Вскоре сквозь их сцепленные пальцы стала сочиться талая вода. Сначала по капле, потом всё больше и больше. Наконец, они почувствовали, что в ладонях ничего не осталось. И болезненное холодное жжение на коже сменяется теплом от близкого соприкосновения рук. Они отпустили друг друга. Считалось дурной приметой, если из ладоней новобрачных выскочит хоть какой-то остаток ледышки. Значит они не смогли до конца победить Хлада. Но на каменные плиты пола вылились только оставшиеся капли воды.

Мудрейший поднял их с колен и провозгласил, что новая семья одолела Хлада и теперь под защитой Блага начала собственную маленькую Эпоху Благоденствия. С этими словами он размотал бело-синюю ленту и бросил её в огонь. На плечи Петра надели зелёную накидку, на плечи Веры красную. Теперь оба они были одеты в цвета храма Агуна и Кесы. Валентин призвал всех возрадоваться за новую семью. Под пение торжественного гимна мудрейший надел молодым брачные браслеты. Петру на правую руку, Вере на левую.

Пир в резиденции Видогоста был довольно скромный. Подданные предельного князя отдали свои подати Всеславу, а его оставили ни с чем. Потрёпанное же войско и необходимость готовиться к весенней кампании будущего года требовали очень больших расходов. Тем не менее за столами в Большом зале восседали почти сто человек. Гости ели, пили, веселились и поздравляли молодожёнов. Приглашённые по такому поводу бродячие музыканты развлекали высших людей Миргорода игрой на гусях, гудках, жалейках и свирелях.

Егор Михайлов искренне порадовался за юного князя. Он укрепил своё положение, да ещё женился на девушке, с которой у них была взаимная симпатия. А может даже и любовь, что для политического брака очень большая редкость. Сам Егор с аппетитом уплетал пороссячье мясо, запивая его густым пивом. Но не столько еда привлекала его внимание, сколько обилие молодых женщин и девиц из свиты Мирины Булатовой. Прошло уже больше полугода с тех пор как он расстался с купеческой женой. Иногда он даже начинал жалеть об этом. Денег на то, чтобы ходить к поблядушкам у него не было. И времени, чтобы завести новую беззаконницу тоже. Слишком много заботы требовала обязанность охраны Петра Строгова и обучения его молодых стражников. А тут столько молодых женщин...

Он заметил подругу Веры, Агату Лоскутову. Эта девушка безусловно была самой красивой в свите Мирины. Несколько дней назад Егор увидел её во дворе старой резиденции Видогоста, поджидающей Веру. Инстинкт охотника не позволил ему упустить такой случай. На его удивление, Агата довольно дружелюбно с ним пообщалась. В её завораживающих чёрных глазах он разглядел неподдельный к себе интерес. Ошибки быть не могло, эта Агата явно его вождедела. Тогда Егор спросил, бывает ли у такой красавицы свободное от забот в свите время. «Бывает, — улыбнулась Егору Агата. — Пригласи меня потанцевать на свадебном пиру».

Когда стали плясать, Егор пошёл в круг со всеми. Под весёлую музыку молодые девушки и парни, кружили два разных хоровода. Потом, хороводы распались и все должны были разбиться по парам. К нему в объятия шагнула какая-то девица, но Егор, увернулся от неё и, бесцеремонно подвинув молодца из Старшей дружины, взял под руки Агату. Дружинник, сам желавший потанцевать с прекрасницей, выразил своё возмущение, но вскоре был подхвачен другой девицей. Танец был быстрым, но им всё же удалось поговорить.

— Как ты выхватил меня у того парня, — засмеялась Агата.

— Решил не отдавать такую красоту в чужие руки.

— Вот как?

— Ага.

— И зачем же тебе такая красота?

— Любоваться ей. Желательно наедине, — подмигнул Егор.

— После танца сделай вид, что по нужде пошёл. За этим залом есть Ратный зал. Подожди меня около него.

Егор так и поступил, когда закончился танец. Ожидая Агату, он не мог стоять спокойно. Близость уединённого свидания с красивой молодой девушкой гоняла кровь с такой силой, что можно было услышать, как гудит она в венах. Несколько раз кто-то проходил поодаль, но это были другие люди. Прошло наверное около четверти часа, когда Егор решил, что прелестница просто над ним посмеялась. Восторг предвкушения начал сменяться нарастающей горечью обиды. Он уже собирался уходить, когда в коридоре показалась Агата. «Не ждал?» — хмыкнула она. Егор взял её за талию, утянул к себе за угол и потянулся губами к её устам. Девушка твёрдо оттолкнула его. «Зачем здесь? Пойдём в комнату», — она взяла его за руку и потянула за собой.

Они вошли в комнатку в дальнем конце резиденции. Ближе к той стороне, где располагались казармы Старшей дружины. Все обитатели были заняты на свадебном пиру, либо личным участием, либо прислуживанием. Егор и Агата оказались вдвоём. Через приоткрытые ставни в комнатку сочился свет полумесяца, давая глазам возможность увидеть, где находится ложе. Егор хотел что-то сказать, но Агата, захлопнув дверь, повернулась к нему, обвила руками шею и приподнялась на цыпочках. Он притянул Агату к себе и, впитывая ароматный поцелуй её нежных губ, ощупал руками вожаделенные изгибы её стройного тела. Мгновение спустя, уже почти без одежды, Егор и Агата повалились на ложе. Сейчас, ещё немножко...

Дверь в комнату с шумом распахнулась и топая ногами, ложе окружили люди с масляными фонарями в руках. Кто-то из сзади стоящих даже светил маленьким факелом. Около уха Егора раздался истошный крик о помощи. «Что ещё за?» — Егор скатился с Агаты, пытаясь прикрыть наготу скомканными штанами и расстеленной на ложе шкурой. Вокруг него с осуждающими лицами стояла вся верхушка миргородского общества. Предельный князь Видогост, его жена Мирина с несколькими знатными женщинами из свиты, воевода Старшей дружины, князь-воевода Младшей дружины, командир Железного войска, другие люди. Всего около дюжины. Был здесь и юный князь Пётр Строгов. Агата, мгновение назад умело поощрявшая Егора, теперь тряслась от рыданий, пытаясь прикрыться снятым с неё платьем и благодарила вошедших за спасение.

— Вот значит как ты себя ведёшь, Егор Михайлов? — Видогост строго посмотрел на оторопевшего молодца. — В моём доме девиц насильничаешь?

— Я... Да вы что, князь? Мне бы и... Да что тут творится, она сама со мной пошла!

— Щаз, — раздался голос Агаты, — «сама пошла»... Как набросился на меня!!! Хвала богам, вы спасли...

— Как ты мог, Егор? — заговорила Мирина. — Я всегда считала тебя приличным человеком. А ты девочку из моей свиты изнасиловал, да ещё и на свадьбе моего брата! Как ты мог?!

— Э... Я... Это... Ничего... Это вообще...

— Что полагается делать с насильником, мудрейший? — задал вопрос Видогост.

— Согласно Законам мудрости, — раздался голос Валентина, — всё зависит от тяжести преступления. От ста ударов плетью до отсечения головы или детородного органа.

— Мудрейший! — едва на расплакался Егор. — Вы же меня давно знаете!!!

— С учётом всех обстоятельств, — сказал Видогост, — за такое полагается отсечь детородный орган!

— Нет, князь, нет, смилуйтесь!!!

— Даже не знаю... Мудрейший, могут ли быть исключения?

— Могут. По Законам мудрости, наказание может быть отменено, если насильник не причинил жертве жестоких увечий и опасность от сего деяния искуплена его обязательной женитьбой на девице. При условии, если она не замужем и прощает его.

— Агата, ты можешь простить Егора за его преступление?

— Могу, звякнул сталью голос молодой женщины. Пусть возьмёт меня в законные жёны!

Егору всё тут же стало понятно. Его просто заманили в ловушку. Все эти люди, даже его юный князь заранее сговорились и разыграли затеянное, словно бродячие лицедеи. А он повёл себя именно так как они и задумали... Дурак!

— Так что, Егор, выбираешь? Возьмёшь Агату Лоскутову в жёны или лишишься своего хозяйства?

— Женюсь, — выговорил он с усилием. — Кто же не женится на таких условиях?

Собравшиеся быстро удалились вслед за Видогостом. Остался только Пётр. В руке его горел тусклым светом масляный фонарь. В его отблесках Егор отыскал свою одежду и стал одеваться.

— Как же так, князь? — горько усмехнулся Егор. — Я не верю, что ты заговорился на такое против меня...

— Я тебе три раза говорил, что ты должен жениться, — ответил Пётр. В голосе его Егор услышал нотки обращения старшего с младшим. Не смотря на разницу в возрасте и довольно близкую дружбу, юный князь давал понять своему начальнику охраны, кто из них выше. Кто сын державного князя, а кто его слуга. — Ты трижды отказывался. Мой ближайший помощник должен быть женат. Я так решил и это не обсуждается. Надеюсь, что ты запомнишь, что я не прошу, а приказываю и приказы мои для тебя закон. Ладно, не унывай, — добавил Пётр уже более дружелюбно. — Агата Лоскутова редкая красавица. Думаю, ты должен радоваться, что женишься именно на ней!

Егор Михайлов и Агата Лоскутова сочетались браком через два дня. Правда, таинство над ними совершил не мудрейший, а хранитель Градского подворья. Скромный пир провели в старой резиденции, использовав для него в основном то, что осталось от свадьбы Петра и Веры. Кроме молодого Строгова и его жены никто из крупной знати не пришёл. И в целом никакого особого торжества не было. Но Пётр, чтобы порадовать своего главного телохранителя и подругу жены, достал припасённый кувшин с вином из южных стран. Один

из тех, что преподнесли ему миргородские купцы. Юный князь сам наполнил им кубки из «слёз Древних». Мирина сдержала слово и оплатила своей воспитаннице приданное. Хорошая сумма денег для бедных служилых людей, которыми они по сути являлись. Да и ледышка в руках жениха и невесты растаяла полностью. «Лучше так, чем совсем никак», — решила для себя Агата Михайлова.

Глава 19 Багровые поля

Поля Дворцовой управы у крупного сельца с названием Липово зеленели свежей весенней травой. По особому приказу державного князя, это поле пахать и засеивать не стали. Оно было загодя предназначено для того, чтобы на нём решилось длящееся уже больше двух лет противостояние державной власти и мятежных предельных князей. Два огромных войска готовились сойтись в кровавой битве. Под знамёнами Строговых, Волковых и Клыкковых собралось более семидесяти тысяч воинов. Вежинское содружество смогло выставить восемьдесят семь тысяч бойцов. Всё Рустовесье собралось здесь. Правда, под началом Всеслава были более опытные, закалённые в сражениях ратники, уже не раз одерживающие верх над его врагами. У вежинцев было очень много новобранцев и ополченцев. К тому же их войска сполна хлебнули горечи поражений. Большое число воинов и офицеров побывали в плену у державного князя, где с ними обращались очень достойно. Войска из Крайнестьчья помнили как владыка Древогорода без сомнений повёл свои силы против кочевников и предотвратил вторжение. Видогост Булатов честно предупредил союзников, что его воины относятся к Строговым с недопустимой симпатией.

По окончании совета Всеслав попросил задержаться в его шатре князей и старших начальников. Прислужники подали всем пиво, разлитое в деревянные кружки. Державный князь выглядел воодушевлённым и полностью уверенным в себе. Он отхлебнул пива, протёр губы тыльной стороной ладони и обратился к собравшимся:

— Запомните этот день, други мои, — сказал Всеслав улыбаясь. — Завтра, в третий месяц весны четыреста шестнадцатого года, двадцать первого травеня, мы одержим окончательную победу над мятежниками. Завтра вечером мы будем праздновать победу, никаких сомнений быть не может.

— Приятно видеть, государь, что ты так уверен в нашей победе, — сказал Олег Волков. — Но ты точно уверен, что нужно выстроить наше войско именно таким манером?

— Уверен. Я совершенно точно знаю, как именно построится войска Вежинского содружества. У меня есть надёжные осведомители в стане врага. Более того, нас ждёт в завтрашней битве приятный подарок.

— Какой же? — поинтересовался Ростих Клыкков.

— Это вы увидите на поле боя, завтра, — хитро сощурился Всеслав. — Самое главное. Я уже несколько раз повторил, но скажу ещё. Предельных князей и самых старших офицеров непременно нужно взять живыми.

— Зачем они нам живые? — спросил Лютогост.

— Ещё раз, брат. Взять живыми во что бы то ни стало. С мертвеца пользы нет. Покойник может лишь вдохновить на то, чтобы за него мстили. А с живых мы поймеем больше пользы. Заставим их подписать всё, что нужно. Проведём над ними державный суд. А когда дело будет сделано, там и казнить можно за восстание против державной власти.

— Что с низшими офицерами и простолюдинами? — спросил Кирилл Витвинов, князь-воевода Младшей дружины Дома Клыкковых.

— Простых помилуем и отпустим. Не сразу, конечно. Но нам нет смысла их казнить или притеснять. Победитель должен быть милосерден к поверженным врагам, если хочет не допустить продолжения войны. А нам внутренняя война совсем не нужна.

— Хорошо, — вновь заговорил Олег Волков, — мы завтра побеждаем и что дальше?

— Об этом я расскажу завтра вечером. Пейте пиво, други мои.

Егор Михайлов, как и положено начальствующему над охраной Петра Строгова, сидел у входа в шатёр, где проходил военный совет. Точнее сказать, военный совет уже закончился, всех старших офицеров отпустили к их полкам. Остались только предельные князья. Здесь же, рядом с Егором сидели и другие начальники охраны. «Верные псы ждут хозяев у входа», — шутили они.

Егор особо в разговоры не лез. Лишь разглядывал как пламя костра играет отблесками на острие его сабли. Он пытался думать о разном, но мысль всё время возвращала Егора к его молодой супруге. Агата. Одна из самых первых красавиц Миргорода. Многие искренне завидовали ему, когда они поженились. Он и сам был бы не прочь взять такую женщину в любовницы. Но вот в жёны... На их брачное ложе она явно легла не девственницей. И в любовных утехах кое-что понимала. Но на все расспросы о том, откуда она и как жила столько времени в свите, сухо отвечала, что из Гармского острога и жила хорошо. Тем не менее они с Егором вполне поладили. Разве что он рассказывал ей о себе больше, чем она.

Когда Агата узнала все обстоятельства появления Егора в Миргороде, она настояла на том, чтобы он немедленно рассказал обо всём Петру. Правда всё равно вскроется. Пусть лучше юный Строгов узнает её из уст самого Егора. Пётр внимательно выслушал всё, что ему поведал телохранитель. И о битве в Орешкином овраге, и о том, как он дезертировал перед сражением на Михайловом лугу, и другие его похождения. Некоторое время подумав, юноша обнял Егора как брата и сказал, что не держит на него никакого зла. Егор показал себя верным и честным человеком, он не страшась вышел ради него на бой со Скалогромом, выполнял все его приказания и прикрывал Петра в сражении у хутора Бескрайний шиш. Так что пусть не сомневается в полной благосклонности Петра.

Егор немедля поведал о разговоре Агате. Он думал, что жена порадует за него, но она лишь сухо сказала: «Вот видишь, я была права, лучше всё рассказать». Он никак не мог её понять. То она была так дружелюбна, что Егор начинал подозревать в ней влюблённость. Потом она становилась холоднее и казалось, что в словах её сквозит искренняя ненависть. Правда, в близости своему мужу Агата никогда не отказывала. А как он знал из разговоров с другими мужами, такое могло случиться. Но и здесь были странности. В их первую брачную ночь тело молодой супруги словно излучало некое необычное тепло, купаясь в котором можно было зачерпнуть столько сил, что их хватило бы на многие дни, а может даже недели. Но такое было лишь раз. Чаще всего тело Агаты грело его самым обычным теплом. Между тем, случалось и по другому. Иногда, прикасаясь к Егору пальцами, Агата словно вытягивала из него все соки. После таких объятий он ощущал себя прошедшим сразу несколько сражений подряд, причём без отдыха. Когда однажды Егор спросил Агату прямо, она ответила пожав плечами: «Не понимаю, что ты там себе выдумал». Но никакой ошибки быть не могло. Такое повторялось ещё. Последний раз это было перед выходом войска из Миргорода. На утро Егор с трудом мог сесть в седло и едва не вывалился из него на первом переходе. Ушло несколько дней, прежде чем телохранитель Петра Строгова смог прийти в себя. Над ним посмеивались: видать всю ночь с супругой миловался. Так то оно так, но сил он лишился вовсе не из-за любовных утех.

Егор усмехнулся своим мыслям. Встал на ноги, подошёл к костру и подвинул лежащее в пламени полено кончиком сабли. Краснеющие угли бревна рухнули в пепел и над пламенем

закрутились недолговечные искры. Он убрал саблю в ножны. «Завтра в битву, а ты про бабу размышляешь, — подумал про себя Егор. — Ладно хоть не в первых рядах рубиться. Что завтра будет? Державный князь не проигрывает сражений».

Когда офицеры удалились, Чернек Озеров сидел некоторое время и молча смотрел на сжатые замком пальцы. Потом набрал полную грудь пропитанного дымом и другими запахами военного лагеря воздуха, и мельком взглянул на товарищей по Вежинскому содружеству. Остались только главные князья. Хотен Юрьев, Видогост Булатов и Пётр Строгов. Юный брат державного князя немного занервничал под пристальным взглядом Чернека. Предельный князь Суломатья не стал слишком долго смущать юнца. При всём при том, что тот не был таким же свирепым бойцом как Лютогост и не блистал умом как Всеслав, он всё же был сыном Лесьяра Строгова. Это угадывалось в его повадках, манере держаться, а иногда и в способности проявлять твёрдость. Когда Чернек увидел, кто командует стражей Петра, он едва не упал с коня от неожиданности. Подступившись к юноше, он стал подшучивать над Егором Михайловым и предложил рассказать про него много интересного. Не смотря на то, что Пётр явно тушевался перед таким знаменитым и могучим князем как Чернек, он твёрдо пресёк его насмешки. Сказал, что про Егора ему известно всё и что в его охране лишь самые доверенные люди. Это очень понравилось хозяину Суломатья. Больше он Петра не трогал. На ум Чернеку даже пришла мысль, что в случае победы, младшего Строгова можно поставить властвовать над Древгородом. Но думать о таком явно преждевременно. Всеслав и семьдесят тысяч его воинов не уступят просто так. Пока державный князь выходил победителем из всех сражений этой войны.

— Я буду говорить честно, — начал Чернек, — наше положение очень трудное. Шансов на победу мало.

— Погоди, — возразил Хотен, — только что ты говорил офицерам, что победа близка.

— Офицеры не должны чувствовать нашей неуверенности. Их задача проста: бить наших врагов. Чем крепче они верят в победу, тем лучше это делают. Мы же не должны тешить себя заблуждениями.

— Ты прав, Чернек, — заговорил Видогост Булатов. — победить будет очень трудно. А если проиграем, то это станет концом нашего союза.

— Победить! — усмехнулся владыка Суломатья. — Молитесь, чтобы мы смогли свести битву к ничьей. Тогда у нас будет основа для переговоров. Если нет, то мы уже завтра вечером будем сидеть на цепи в подземельях Древгорода. Благо тут всего часа четыре пути.

Вытоптав утреннюю росу, воины враждующих сторон построились в боевые порядки. Вежинские полки действовали не так слаженно как войска Всеслава. Это сразу бросалось в глаза. Лютогост, получивший под своё начало всю тяжёлую конницу, разместил её на левом крыле, как и было условлено. Подъехав к центру, он застал Всеслава, который торжественно улыбался, как человек, знающий некий очень большой секрет и готовящийся преподнести его остальным.

Противники построились похожим манером. В центре стояли железные копейщики, по бокам от них пехота племенных союзов, а по флангам конница. Над войсками вырос громадный лес копий, в котором можно было увидеть знамёна всех княжеских Домов,

племенных союзов и храмов пресветлых богов. Разве что знамени храма Благопроявлений тут не было, его мудрейший давно капитулировал перед Всеславом. Лютогост залюбовался этой картиной. Печально было лишь то, что столько славных сынов Рустовесской земли собрались здесь, чтобы убивать друг друга. Эту силищу да на каких-нибудь Вечерних королей опрокинуть, вот было бы славно! Размышления Лютогоста прервал голос Олега Волкова, который пытался выяснить у Всеслава тонкости его замысла:

— Не слишком ли мы наш левый фланг ослабили? Смотри, государь, против твоих усюнов стоят сразу сваяльцы и вилушканцы.

— Олег, — Всеслав дружески положил руку на плечо предельного князя Солоплажа, — я всегда продумываю битву, ты же знаешь. Верь мне.

— Твоя воля, государь.

Ожидать больше было нечего. Битва началась. За мгновение до того как Чернек Озером поднял руку, чтобы отдать приказание о наступлении, боевые порядки вежинского войска надломались. На то не было никаких явственных причин. Никто не отдавал команды ни голосом, ни рогом. Но Поместное войско племенного союза сваяльцев в полном составе стало организовано пятиться назад. Сначала могло показаться, что они отстали, когда вся рать двинулась вперёд. Но рать ещё не успела сделать и шага, отходили именно сваяльцы. В боевых порядках образовалась солидная вмятина, которая неумолимо прогибалась всё глубже и глубже. Спустя всего несколько минут в построениях мятежников зияла пустотой громадная брешь, заткнуть которую можно было лишь последним резервом, семью тысячами бойцов храмовых отрядов. Тринадцать тысяч сыновей самого воинственного племенного союза просто покидали поле боя.

У Чернека Озерова онемела правая рука, которую он хотел поднять, чтобы дать отмашку на начало битвы. Могучий предельный князь в ужасе открыл рот. Сражение не успело начаться, враг ещё не напал, а он уже оказался перед угрозой поражения. Похожее замешательство овладело и его союзниками.

— Что?! Хэ... Это же... Вообще... Чтобы вас Талви осеняла, — на ум князю Юрьеву пришло только древнее проклятие. — Вот ведь мерзопакость! Погань! Нет, ты видел?

— Не слепой, — подтвердил Чернек Озеров.

— Полгода со мной за каждого бойца торговались. Обещали не больше семи тысяч выставить. И вдруг приводят тринадцать! И все тринадцать тысяч уходят!!! Что делать?

— Не знаю...

— Я знаю. Атаковать их, истребить!!!

— Погоди...

— Чего ждать? Вырезать всех!

Чернек внимательно следил за тем, что делают сваяльцы. Их полки не нападали на других вежинцев, а просто уходили. Вот если бы они напали, а с фронта ещё навалился Всеслав со всей своей силой, тогда можно было бы считать себя покойником.

— Нет, — голосом не терпящим возражений сказал Чернек.

— Что значит нет? — Хотен Юрьев покраснел от ярости.

— Они не пытаются на нас напасть, зачем их провоцировать? Пусть проваливаются, мы всё равно помешать не сможем.

Всеслав гордо оглядел своих князей и старших офицеров. В построениях врага образовалась громадная дыра, закрыть которую было теперь очень трудно.

— Ну, — указал державный князь на мятежное войско, — что я вам говорил?

— Ха-ха-ха! Ну ничего себе, — Ростих Клыков не скрывал восторга.

— Как тебе удалось? — поинтересовался Олег Волков.

— Я со сваяльцами уже давно в тайне переговоры вёл. Пообещал им кое-чего.

— Чего же?

— Право избирать себе вождя, иметь конницу, налоговые послабления, некоторые солеварни на землях Юрьевых.

— Это за то, чтобы они ушли с поля боя?

— Ага.

— А почему ты не уговорил их напасть на наших врагов? — спросил Лютогост.

— За то, чтобы вступить в бой на нашей стороне, они просили себе Белошумье. Отдать сваяльцам столицу предела было бы слишком. Битву мы и так почти выиграли. Ну всё, хватит разговоров. В бой!

Всеслав вынул из ножен меч и приказал дать сигнал атаки для левого фланга войска. Олег Волков остался командовать центром и правым крылом. Тяжёлая и лёгкая конница под началом Лютогоста и Всеслава обрушились на вежинскую кавалерию. Успоны атаковали построения вилушканцев. Старшие дружины благоверов, понеся тяжёлые потери, стали пятиться под ударами державных всадников. То же самое случилось и с вилушканцами. Всё правое крыло вежинцев стало неумолимо оттесняться в тыл, неся большие потери.

В какой-то момент, державный князь слишком увлёкся преследованием отступающих вилушканцев. Часть пехотинцев потеряла строй и стала рассеиваться по полю. Младшие дружинники и Всеслав со Знамённым отрядом набросились на них, не давая организованно отойти. Державный князь оказался перед строем копейщиков в сопровождении всего нескольких бойцов. Чуть правее, поместная пехота успонов успешно теснила врага. Сотник вежинцев признал во Всеславе знатного военачальника и отдал нужные команды. Сопровождавшие державного князя бойцы были убиты стрелами и дротиками. Одна из стрел попала в его коня и тот начал ржать и брыкаться. Князь попытался унять животное и не заметил как рядом с ним оказались бойцы вилушканцев. В эту секунду он осознал резкую как вспышка молнии правду — помочь ему никто не сможет. Одного из пехотинцев Всеслав зарубил мечом, другого заставил искать спасения за щитом. Но оставшиеся выбили князя из седла и он упал на землю. На державного князя обрушился град копейных ударов. Он был облачён в прекрасную броню, но любой хороший воин знает, где у доспехов слабое место. Резкая боль прошла руки, ноги, грудь, бок и живот. Это смерть царапала его тело холодной сталью своих когтей.

Лютогосту донесли немедленно. Остановив наступление тяжёлой конницы, он устремился к месту гибели брата. Увидев, что конница прекратила теснить врага, Игорь Строгов, князь-воевода Поместного войска успонов тоже остановил своих людей. Битва замерла. Воевода Старшей дружины Строговых соскочил с коня около того места, где толпились офицеры. Ростих Клыков, предельный князь Хладоручья, уже был здесь. Но Лютогост не обратил на него внимания, направившись к Матвею Вяткину. Командир Знамённого отряда был растерян. Лютогост с силой толкнул офицера в плечо, отчего тот едва не упал.

— Твой долг защищать державного князя! Где ты был?!

— Мы... Это так быстро случилось. Но мы отбили его спустя считанные мгновения.

— Хорошо хоть тело не позволили утащить... Тоже мне защитники!

— Тело? Всеслав жив.

— Жив?

Лютогост прошёл к носилкам, вокруг которых суетились три лекаря. Один из них был явно старшим, потому что двое других выполняли все его распоряжения. Всеслав Строгов был полностью в их власти. С него сняли доспехи и нижнюю одежду. На тренированном теле виднелось несколько глубоких ран, из которых обильно текла кровь. Бледное лицо Всеслава было перекошено от боли, но глаза его были открыты. Лекари работали чётко и слажено.

— Брат, брат! Ты слышишь меня? — спросил Лютогост.

— Да... Мне... Мне нужен...

— Что нужно? Говори!

— Его сейчас нужно не трогать, — вмешался в разговор главный лекарь, не отрываясь при этом от дела.

— Ты сможешь его вылечить?

— Сделаю всё, что можно.

— Этого мало! Он будет жить?

— Не знаю. Слишком глубокие раны, слишком много крови потерял. Его нужно срочно вывезти в Древгород.

— Да, я прикажу...

— Я уже приказал, — подошёл Ростих Клыков. — Не мешай лекарю, Лютогост.

— Срочно... Посыльного сюда... Быстро... — вновь заговорил Всеслав.

Когда подбежал посыльный, державный князь сказал ему: «Исправнику Тайной стражи... От меня лично. Передай... Красные крылья! Немедленно в Древгород!» Посыльный хотел было переспросить, но державный князь потерял сознание.

Подъехавший Олег Волков внимательно осмотрел Всеслава. Потом обратился к Лютогосту.

— Совсем плохо дело?

— Похоже, что да. Может умереть.

— Как бы то ни было, нам надо срочно решать главное.

— Что?

— Очнись, воевода, мы битву ведём, её надо выиграть!

— Да... Я беру командование на себя.

— С чего же это вдруг? — поинтересовался Ростих Клыков.

— В случае ранения или гибели державного князя, воевода Старшей дружины берёт под начало войско.

— Это когда кроме государя никого нет. А кроме тебя, ещё мы есть, предельные князья. И у каждого из нас есть свои воеводы.

— Войско поведу я, — сказал Олег Волков.

— Ты?

— Да. Мой Дом древнее твоего, Ростих. И положением я выше тебя, Лютогост.

— Да ну вас всех с вашими положениями! — не выдержал Лютогост. — Вы как хотите, а я веду конницу в бой.

— Погоди, нужно действовать слаженно.

— Вот и наступай центром и правым крылом! — Лютогост уже был в седле.

Тем временем державного князя погрузили в повозку и в сопровождении лекаря и Знаменного отряда, повезли в сторону Древограда. Всеслав несколько раз приходил в себя, пытаясь смотреть в небо. Но мучительная боль, которая вытаскивала его из темноты, сама же вновь туда и бросала. Весть о том, что государь убит, облетела державное войско моментально, как огонь охватывает поле с сухой травой. Были и те, кто видел как его тело на повозке увозили в Древоград.

Чернек Озеров не тешил себя пустыми надеждами, всё говорило о том, что битва проиграна. Державные войска опрокинули правый фланг вежинских ратей, выдавливая их в тыл. А ведь центр и правое крыло врага в бой ещё не вступали, лишь создавая угрозу и мешая перебросить помощь к терпящим поражение полкам. Отступающие сваяльцы закидали лагерь благоверов горящими стрелами и он в нескольких местах загорелся. Но тут случилось необъяснимое. Внезапно державные войска остановили свой наступательный порыв. Остановились, поправили ряды и лишь перестреливались с вежинцами дротиками и стрелами.

— Как это понимать? — удивлённо воскликнул Пётр Строгов.

— Похоже, боги слышали наши молитвы, — Хотен Юрьев благоосенил себя круговым знаменем.

— Позар и Светлоба не делают подарков, — твёрдо возразил Чернек Озеров. — Они лишь проверяют наш ум и решимость защищать их. Вестовой, срочно передать на правый фланг, чтобы немедленно восстановили строй. Храмовых ратников в полном составе им на помощь! Центр и левое крыло в атаку!

Битва разгорелась с новой силой. Лютогост раз за разом бросался со своими конниками и пехотинцами на врага, но уже никак не мог сокрушить его рядов. Когда подошла семитысячная храмовая рать, обороняться пришлось уже самому воеводе. Возможность разбить врага была безвозвратно упущена. Число убитых и раненых возрастало. В центре тоже шла жестокая сеча. Но там пока ни один из противников не мог добиться перевеса.

Воины Лютогоста оказывали отчаянное сопротивление, но их оттесняли. Бойцы лёгкой и тяжёлой конницы смешались с поместной пехотой. Из части сил Лютогост смог организовать крупный отряд, который занял удобную для обороны позицию на дороге, спиной к вежинскому лагерю. По этой самой дороге не так давно отступила пехота сваяльцев. Жаль, что брат не уговорил их поучаствовать в битве на своей стороне! Сам Лютогост встал плечом к плечу со своими воинами в самых первых рядах на наиболее трудном участке. Его конь, Сайдак, которого подарил Лютогосту отец, с которым он был в Мирлийских горах и с которым прошёл эту войну, был убит. Воевода сражался пешим. Враги поменялись местами. Теперь у вежинских воинов не было возможности прорвать шеренги обороняющихся. Вилушканцы и храмовые ополченцы снова и снова атаковали отряд Лютогоста, но всякий раз им приходилось отступать, оставляя множество убитых и раненых.

Когда Чернек Озеров увидел, что левый фланг державного войска разбит, он приказал снять основные силы оттуда и перебросить их на помощь центру. Против отряда Лютогоста он оставил примерно равное ему по численности прикрытие. Одолеть брата державного князя оно не могло, но и он с ним справиться затруднялся. Ожесточение битвы нарастало.

Но вежинцы всё увереннее теснили державные полки. Наконец, строй державного войска надломился и посыпался.

Под Ростихом Клыкковым стрелой убило коня. Уже второго. Вскоре ему подвели замену. Это произошло как раз в тот момент, когда мятежники переломили ход битвы в свою пользу. Собрав вокруг себя телохранителей, предельный князь Хладоручья попытался остановить бегство. Он направился туда, где был стык Северного ополчения и Поместного войска шумян. Появление знатного князя приободрило воинов и они даже стали группироваться вокруг владыки Камнеграда. Но наступление благоверов было уже не сдержать. Как только офицеры противника увидели, что появившийся в битве князь может повлиять на ход сражения, против его отряда бросили превосходящие силы. Под их ударом пехотинцы бросились бежать дальше, телохранители погибли в неравной схватке. Сам Ростих рубился насмерть, но в какое-то мгновение его сбросили с коня, мир завертелся у князя перед глазами. Земля менялась местами с небом.

Его захватили бойцы племенного союза густашумцев. С предельного князя Хладоручья стащили плащ, сапоги, меч и кинжал. Самого же связали и потащили в тыл. Там офицер толкнул его ногой в спину, отчего Ростих упал лицом в землю, сильно ударившись животом и лицом. Подняв голову, он увидел над собой силуэт на коне, что возвышался на фоне неба.

— Господин, — раздался голос офицера, — перед тобой Ростих, сын Велерада из Дома Клыкковых!

— Молодец, старшина, — тон отвечавшего показался знакомым. — За такой подарок я тебя награжу, не сомневайся! Будь моим гостем, Ростих!

— Пфу... Гос... пфу, — глава Дома Клыкковых выплёвывал изо рта землю. В этот момент он узнал Хотена Юрьева. — Гостем?

— Конечно, ха-ха-ха! Притащить цепь и заковать его!

Олег Волков сумел собрать под своим началом несколько сотен лёгкой конницы и бросился с ними в атаку. Здесь были все. И его люди, и всадники Клыкковых и младшие дружинники Дома Строговых. Особых шансов у них уже не было, но каждый решил умереть в бою, чем позорно бежать. На подходе их дважды накрыл залп стрел. Его конные лучники смогли ответить лишь раз. Но решимость с которой они бросились на врага ошеломила вежинскую конницу. Целый полк благоверов был обращён в бегство. Но на этом успехи завершились, против Олега направились остальные. Державные конники не дрогнули и не побежали, они бились твёрдо, лишь заваливая своими телами и телами своих врагов поле на месте схватки. Олег Волков почувствовал болезненные удары в спину, рот наполнился кровью. «Князь, в тебя попали!» — лишь услышал он чей-то возглас. Похоже, его зацепило стрелами. А потом он нарвался на копьё. Острие возникло перед предельным князем Солоплажа словно из тумана. Резкая боль, когда рожон пробил кольчугу чуть ниже нагрудной пластины. И тьма.

Когда основная масса вежинского войска навалилась на центр и правое крыло державной рати, Лютогост всё понял. Битва была проиграна окончательно. Он дал команду постепенно отступать вслед за сваяльцами. Преследовать их не пытались, офицеры врага здраво рассудили что из этого ничего хорошего не выйдет. Гоняться за тем, кто и так уходит, но при этом может огрызнуться, себе дороже. Вслед отряду Лютогоста лишь выпустили порцию стрел.

Под рукой воеводы Старшей дружины Строговых оказалось около двух тысяч бойцов. Здесь была смесь. Бойцы тяжёлой и лёгкой конницы, пехотинцы успонов. До трети были

ранены. Наиболее тяжело покалеченных и убитых пришлось оставить на милость победителей. Когда горячка сражения стала проходить, воинами овладело уныние. Державный князь погиб, битва проиграна, их поселения теперь под угрозой, они уходят в сторону враждебных земель. Один такой попался на глаза Лютогосту. В бою он вёл себя отважно, никак не посрамив ратного звания. Но теперь на лице его читалась растерянность как у брошенного пса, он шатался от усталости, выронил из рук топор. Лютогост узнал его, то был старшина из Поместного войска успонов.

— Что же теперь? — старшина посмотрел в глаза воеводе.

— Что теперь? — переспросил Лютогост и встряхнул офицера. — Теперь подними свой топор и соберись!

— Битва проиграна, война проиграна. Что же делать?

— Мы проиграли битву, — подтвердил Лютогост. К его словам прислушались все, тем самым признавая за воеводой Старшей дружины своего командира. Теперь уже, наверное, можно считать его бывшим воеводой, ибо дружина уничтожена. — Но наша война на этом не закончена. Наша война только начинается!

— И куда же мы пойдём?

— В Густошумье! — не раздумывая ответил Лютогост.

Ольга не таясь заявила в терем купца Виктора. Здесь уже вооружались боевики, в том числе и из отряда, что собрал её сын. Крепкие рослые мужчины, молодые парни и мужи в возрасте, надевали выданные им кольчуги и шлемы, брали в руки щиты, мечи, топоры и копья. Жена Виктора с любопытством поглядывала из окна на их приготовления. Увидев Ольгу, она помахала ей рукой, та тоже поприветствовала хозяйку.

— Ты уверен, что всё получится? — спросила Ольга у Виктора, который тоже облачался в броню.

— Уверен, — сухо ответил тот.

— В Дворцовой страже почти две тысячи бойцов, да ещё и Тайная стража. Как с ними быть?

— Ну во-первых, когда я объединюсь с отрядами Юрия, Айвара и Фёдора, мы выставим полторы тысячи боевиков. А потом, думаешь деньги, которые мы складывали сообща, я прогулял с любовницей или пустил в оборот? Николай Строгов хорошо поживился за наш счёт, но зато с его людьми не будет никаких проблем. Они за нас.

— Ты подкупил исправника Дворцовой стражи? — Ольгу воодушевили такие вести.

— Да, — Виктор гордо заулыбался, после чего обратился к боевикам. — Ну всё, ребята, выходим! Сейчас собираем силы и в южную часть города. Потом к державной резиденции топаем. За мной!

О возобновлённом купеческом заговоре Степан Глазков предупредил державного князя загодя. Всеслав Строгов приказал дожидаться их открытого выступления, после чего подавить силами Тайной и Дворцовой стражи. Самих заговорщиков полагалось схватить и в последствии обезглавить. Как рассудил государь, после открытого мятежа и его победы над силами Вежинского содружества, сделать это будет проще. Люди возражать не станут. Но всё пошло не так как предполагалось.

Исправнику Тайной стражи донесли, что Дворцовая стража в южной части города оставляет свои посты, а боевики беспрепятственно их занимают. Налицо было предательство на самом высоком уровне. Когда же Степан начал продумывать ответные действия, прискакал гонец с полей Дворцовой управы. Молодой парень, едва отдышавшись, передал короткое послание: «красные крылья». Приказ, означавший немедленный вывоз казны в тайное место, был слишком серьёзным, чтобы откладывать его исполнение. Особенно, если учесть, что со слов того же посыльного, Всеслав Строгов был тяжело ранен. Степан Глазков собрал самых ближайших помощников и отправился с ними к отряду, который ожидал на пристани. Все действия были продуманы и отработаны заранее, оставалось лишь выполнить их без ошибок.

Зима была на женской половине, когда пришёл офицер Малого державного отряда Дворцовой стражи. Жена Всеслава нянчилась с маленьким Красимиром, который с любопытством посмотрел на большого дядьку.

— Что ты хотел? — Зима приветливо улыбнулась стражнику, но его серьёзное лицо заставило женщину забеспокоиться.

— Госпожа, вас просит к себе начальник гарнизона.

— Почему он сам не пришёл?

— Он... Это важно, пойдёмте со мной.

Пристав Дворцовой стражи был в Большом зале. В доспехах и при полном вооружении он негромко объяснял что-то другим офицерам. Когда Зима приблизилась к ним, более младшие отошли в сторонку. Она кожей почувствовала как загустел от напряжения воздух. Ей стало ясно, что услышать придётся страшное.

— Госпожа, — неуверенно начал пристав, — четверть часа назад прибыл второй гонец...

— Второй гонец? — Зима перебила офицера, надеясь тем самым оттянуть его рассказ и развеять дурное предчувствие.

— Да, второй. Первый беседовал с исправником Тайной стражи. Так вот. Второй гонец принёс весть, наш государь...

— Что с ним?!

— Он погиб. Тело везут сейчас в Древогород, — пристав произнёс эти слова на одном дыхании, быстрее избавляясь от тягостной доли приносящего дурные вести. Теперь можно было приступить к своим главным обязанностям.

Зима Строгова безвольно опустилась на скамью, словно тряпичная кукла, у которой подрезали державшие её верёвочки. Пристав говорил ещё что-то, но она его не слышала. Лишь какие-то отдельные слова достигали её разума. В груди её растекалось болезненное чувство горькой утраты.

— Делайте то, что должны, — сказала Зима начальнику гарнизона.

— А вы?

— Я на женскую половину.

Там Зима отыскала Элли, жену Лютогоста. Отвела её в сторону и твёрдо сказала:

— Элли, ты остаёшься за старшую. Мне срочно надо уезжать.

— Уезжать? Но куда? — опешила молодая женщина.

— Всеслав погиб в битве.

— Во имя Единого... Как же так? А мой муж?

— Про Лютогоста ничего не сообщалось. Ты остаёшься за старшую, как и положено. А я поеду встречать повозку с телом мужа. Ты поняла?

— Да.

— Позаботься о моём малыше и о порядке.

— Конечно.

— Зорица! — окликнула Зима одну из младших воспитанниц.

— Да, госпожа?

— Пойдём, поможешь мне переодеться.

Колонна боевиков двигалась по улицам из южной части Древгорода в сторону резиденции державного князя. Их было до полутора тысяч. Предводители мятежа, купцы Виктор, Айвар, Фёдор и Юрий были здесь же, со своими бойцами. Николай Строгов не обманул, боевики беспрепятственно взяли под охрану все посты Дворцовой стражи на юге города. Теперь нужно было сделать главное — захватить семейство державного князя, его казну, архив и арсенал. Это будет хорошая основа для переговоров.

Когда до резиденции оставалось совсем недалеко — знамёна, развевающиеся на её башенках, уже можно было видеть за пространством центральной площади — движение колонны было остановлено. Площадь оказалась заполнена стражниками, вооружёнными копьями и щитами, которые перекрывали боевикам выход с улицы. В окнах теремов, домов и торговых лавок появились лучники. С одного из боковых проулков донеслось ржание лошадей. Виктор, приподнявшись на цыпочках, увидел там конников Дворцовой стражи. Старшины купеческих отрядов скомандовали к бою и боевики сомкнули щиты.

У стражников было серьёзное преимущество. Крепкий строй пехоты, конный отряд, лучники, возвышавшиеся над улицей в каждом окне. Отряд же мятежников был застигнут на марше, застыв растянувшимся на значительную длину. Вперёд выехал офицер, в котором Виктор узнал Николая Строгова, исправника Дворцовой стражи. Он слез с коня, и с лёгкой неспешностью направился к рядам боевиков. Лучники наложили стрелы на тетивы и взяли мятежников на прицел. С одобрения своих товарищей, Виктор вышел вперёд.

— Поговорим? — улыбнулся Николай Строгов.

— Поговорим, — согласился Виктор. — Ты бы велел своим лучникам стрелы убрать. А то вон как напряглись, того и гляди у кого-нибудь рука ослабнет и он ненароком стрелу запустит. Беда может выйти.

— Истину говоришь, — исправник подал знак рукой, и все лучники как один, сняли стрелы с луков. Но продолжили внимательно следить за боевиками.

— Спасибо. Что ты хочешь, Николай?

— Скажу прямо, я тут поразмышлял немного и решил, что вы мне заплатите ещё тысячу калист.

— Ты хочешь ещё тысячу золотых монет? — опешил Виктор.

— Да, хочу, — кивнул головой офицер.

— Мы и так очень хорошо тебе заплатили!

— Ну, — хмыкнул тот, — не только мне, я был вынужден поделиться, иначе стража не стала бы слушаться меня в таком бесчестном деле.

— Тем не менее, ты и так богач в сравнении с другими служилыми людьми.

— Правда. Но как я уже сказал, вы заплатите мне ещё тысячу золотых калист. И это вовсе не просьба.

— Даже так? Ты не думал, что это неслыханная наглость с твоей стороны?

— Думал. Это большая наглость. И вы мне заплатите.

— У нас, купцов, принято показать свой товар, прежде чем выставлять цену. Что ты можешь предложить?

— У вас, купцов, — смеясь передразнил Николай Строгов. — Я тебе так скажу. Мы, ратные люди, не так искушены в деле торговли и прочей выгоды, поэтому у нас всё проще. Смотри сам. Вы платите мне тысячу калист и я отвожу стражу от резиденции. Или вы не платите мне, и я одним движением руки, — для убедительности исправник потряс перед Виктором раскрытой ладонью в кольчужной перчатке, — даю команду на ваше истребление. С полчаса и от твоей оравы не останется ни одного бойца. В итоге я спаситель Древгорода от мятежников, мне почёт и уважение от державного князя, и денег у меня есть больше, чем у других служилых, как ты говорил. Как видишь, мои потери от твоего отказа намного меньше твоих. Что выбираешь?

— Мне нужно посоветоваться с товарищами, — сквозь зубы выдавил Виктор, кивая головой в сторону других заговорщиков.

— Посоветуйся, конечно. Только зови их сюда, ко мне. Нечего вам там шушукаться.

Купцы совещались совсем недолго, решили заплатить. Хотели пойти в свои терема за деньгами, но Николай Строгов велел им оставаться рядом с ним, пусть деньги принесут доверенные люди. Так и поступили.

Зима надела брюки для верховой езды, короткую рубаху, лёгкую куртку и плащ. Взяла на конюшне свою кобылу, и приказала стражникам на Северных воротах резиденции выпустить её. Те некоторое время колебались, но бывший там за старшего урядник, приказал пропускать. За воротами Зима повернула направо, чтобы выехать из Древгорода на Шумянский тракт, по которому везли тело её мужа. Краем глаза она заметила на площади множество вооружённых людей. Одни были под серебряной звездой Дома Строговых, другие вообще без знамён. Но убитая горем женщина не обратила на них никакого внимания, все мысли её были обращены к покойному супругу.

Под началом Степана Глазкова, наиболее преданные бойцы Тайной стражи выполнили волю державного князя. Заранее разложенное по специальным мешкам золото и серебро было вынесено по подземному ходу в домик, находящийся в рыбацкой слободе, недалеко от пристани. Там сокровища погрузили на телеги, вывезли на пристань и переложили в ладью. Ладья, управляемая и охраняемая лучшими бойцами, уплыла в Ловицкий стан. Стараниями подчинённых Степана Глазкова из казны Древгорода уплыли две трети серебра и три четверти золота. Более трёх часов ушло на всё про всё.

За это время положение в городе ухудшилось. Но повлиять на ход событий исправник не имел достаточной возможности. Либо вступать в противостояние, либо вывозить казну. Всеслав чётко отдавал первенство «красным крыльям». Наконец, приняв для себя окончательное решение, Степан Глазков решил идти к резиденции. С ним было до сотни бойцов Тайной стражи, которым исправник честно сказал, что дело гиблое. Объявил, что не

держит никого рядом с собой, и что любой из них волен уйти. Но все бойцы остались с исправником.

На улице у площади на глаза Степану попала женщина, ехавшая верхом на лошади. Ему было некогда разглядывать её, но кобыла принадлежала Зиме, супруге державного князя. Фигурой она тоже походила на госпожу. Чтобы ей делать здесь одной?

Пеший отряд исправника оказался на площади, где творилось невообразимое. Дворцовая стража во главе с Николаем Строговым спокойно стояла и наблюдала как полторы тысячи купеческих боевиков начинали штурмовать стены княжеской резиденции. Подтащили брёвна с прикрученными к ним цепями и окованными железом наконечниками, лестницы и верёвки. Стражники Малого отряда метали в боевиков камни, стрелы и дротики. На земле уже лежали первые убитые. Мятужники также отвечали стрелами. При таком раскладе, обращаться к Николаю Строгову было бессмысленно.

Степан Глазков вынул саблю и скомандовал к бою. Его сотня врезалась в массу боевиков. Неожиданность натиска и непривычность купеческих отрядов к правильному строю, заставили их немного потесниться. Но огромный численный перевес сыграл свою роль, воинов Тайной стражи просто перемололи в рукопашном бою. Степан Глазков погиб от удара копья в грудь, и последовавшего за тем мощного удара топора, раскроившего лицо начальника Тайной стражи.

Всеслава Строгова везли по Шумянскому тракту на телеге, запряжённой парой лошадей. Рядом с ним сидел лекарь, который то и дело поправлял повязки. Следом ехали хмурые бойцы Знаменного отряда, во главе с приставом Матвеем Вяткиным. Когда картофельные поля остались позади и дорога стала приближаться к небольшому леску, оттуда выехал одинокий конник. Солнце скрылось за дождевыми облаками и его палящие лучи сменились свежестью приятной прохлады. Всадник увидел их и немедля прищорил коня. Матвей Вяткин с несколькими бойцами выехал вперёд, закрывая путнику телегу.

Конник остановил кобылу и спрыгнул на землю. Все узнали Зиму, жену державного князя. Она тоже узнала пристава и других бойцов и бросилась к телеге. Извозчик остановился. «Всеслав!», — женщина взобралась на телегу и потянулась к мужу. Переглянувшись с другими охранниками, Матвей подал знак двигаться дальше.

— Осторожнее, госпожа, — предупредил лекарь, придерживая её под локоть, — сорвёте повязки, кровотечение возобновится.

— Кровотечение? — опешила Зима, аккуратно потрогав щёки супруга. Они были тёплыми. — Но мне сказали... Это же... Как так вышло? Всеслав! Милый!

Зима разрыдалась, осторожно целуя мужа в лоб. Тот тяжело приоткрыл глаза и улыбнулся ей. «Любимый, любимый, любимый... Живой!» — только и повторяла она.

— Госпожа! — настойчивый окрик пристава Знаменного отряда, заставил Зиму поднять заплаканные глаза от лица мужа. — Нас преследуют. Уже давно. Государя нужно довести целым. Везите его. А мы устроим засаду и дадим бой.

— Да, да... Конечно, — Зима вновь наклонилась к Всеславу.

— За мной, ребята! — Матвей Вяткин вынул из ножен меч.

Конники с шумом удалились обратно по тракту. Некоторое время спустя, до уха Зимы донеслись звуки боя. Извозчик и лекарь заметно нервничали. Прошло не более четверти часа, когда по тракту вновь послышался топот копыт. Зима ничего не понимала в военных

делах, но приближавшаяся масса конницы была явно более многочисленной, чем ушедший Знаменный отряд. Жена державного князя почувствовала опасность. «Гони быстрее! — крикнула она извозчику, но вместо ускорения, телега вовсе встала. — Чего ты ждёшь?» Зима посмотрела на место возницы, оно было пусто. Он вприпрыжку убежал в лес. В противоположную сторону, в заросли орешника удирал лекарь. Зима осталась одна со своим мужем на тракте.

Несколько мгновений спустя, к повозке приблизился отряд. Она узнала знамёна Юрьевых, Озеровых и Булатовых. Среди них было знамя Дома Строговых. Основная масса воинов остановилась подальше. Вперёд выехал конник в богатых одеждах. Когда он снял шлем, Зима узнала Чернека Озерова. Предельный князь Суломатья бросил под колёса повозки меч. «Это клинок пристава Знаменного отряда, — сказал владыка Старогуля. — Он убит. И все его люди тоже». Повисла пауза. На небе раздались едва слышные раскаты грома. Утомлённые лошади фыркали, бойцы в хвосте колонны переговаривались. Зима затравленно смотрела на окружавших её мужчин, облачённых в сталь. От них зависела её жизнь и смерть. Но за себя она не боялась, ей было страшно за Всеслава, которому и так сегодня очень крепко досталось. Первые капли упали на дорожную пыль, наполняя воздух сырой весенней свежестью, смешанной с вонью от лошадей и мужчин.

Молчание затягивалось. Самые главные, те что были в первых рядах, и их охранники, стали спешиваться. Зима с трудом узнала помимо Чернека Озерова ещё и Видогоста Булатова, Хотена Юрьева и... Нет, это было невероятно. Среди предельных князей стоял и юный брат её мужа, Пётр, сбежавший ещё в самом начале войны.

— Ну и... Что нам с ним делать? — заговорил Хотен Юрьев.

— Хороший вопрос, — развёл руками Чернек Озеров.

— Убить, конечно! — тон Видогоста Булатова не допускал никаких сомнений.

— Нет!!! — Зима передвинулась, закрывая мужа своим телом. — Нееееет!

— И кто же его убьёт? — спросил Чернек.

Вновь повисло тягостное молчание. Лязгнула сталь и Зима увидела в руках Петра Строгова меч.

— Во, — раздался довольный голос Видогоста, — юный Строгов хочет подкрепить свои права на престол!

— Как бы не так! — Пётр шагнул вперёд, повернувшись спиной к телеге и встал между раненым братом и воинами Вежинского содружества. Один.

— Ты чего удумал?

— Сложно понять? Я не дам убить брата.

Вновь лязгнула сталь и плечом к плечу с Петром встал его главный телохранитель, Егор Михайлов. Чернек Озеров презрительно сморщился.

— Куда ты лезешь, стервец?

— Я рядом со своим князем!

— И чего вы вдвоём сделаете? Вас же прикончат в два счёта!

— Давайте, — Пётр принял боевую стойку. — Убьёте меня и кого тогда державным князем поставите? Вы же передерётесь уже к вечеру!

— Мы тебя и живым можем легко взять, — сказал Хотен Юрьев.

— Убьёте Всеслава, нашим договорам конец. Я сам с собой тогда покончу. Не сомневайтесь.

Чернек Озеров начал колебаться. С одной стороны, Всеслав живым никому не нужен.

Но при этом юнец полон решимости его защищать. А без Петра действительно некого посадить в Древгород. Вернее, родни у Строговых полно, плодовитый Дом, только никто из них не обладает авторитетом, равным сыновьям Лесьяра Строгова. На Петра как державного князя без возражений согласны все члены Вежинского содружества. Но в случае его гибели, каждый победитель сделает ставку на кого-нибудь своего. Пётр понимает расклады!

— Хватит дурить! — Видогост сорвался на крик. — Вас всего двое!

— Трое! — Волк Озеров, старший сын Чернека и наследник Суломатья взял в руки меч и встал рядом с Петром и Егором.

— Сын?! На тебе плохо сказалося пребывание в плену?

— Одно дело убить врага в бою. Совсем другое, прирезать раненого. Я не позволю так поступить. Всеслав показал себя честным и милосердным врагом.

Замершие до того момента в оцепенении юнцы, которых Пётр гордо именовал своей охраной, также выстроились вокруг своего господина. К ним добавились телохранители Волка Озерова. Один за другим в число защитников раненого князя вливались бойцы Старшей дружины Булатовых. Зима почувствовала, что она с мужем не одна, что их защитят. С неба густо посыпались крупные капли весеннего дождя.

— Ладно, ладно, спокойно, — Чернек Озеров решил загасить конфликт, пока он не вышел из-под контроля. — Никто Всеслава убивать не будет. Я клянусь благими богами. Он и его жена теперь наши почётные пленники.

— Спасибо, князь, — Пётр вежливо склонил голову.

— Всё нормально. Мы же люди чести. Всё, едем в Древгород. Видогост, — обратился Чернек к предельному князю Крайнесточья, — отправляйся на поля Дворцовой управы, будешь за старшего. У нас там несколько десятков тысяч бойцов без командования остались, — пояснил Чернек в ответ на вопросительный взгляд главы Дома Булатовых. — Прикройте Всеслава от дождя. И лекаря сюда!

Изрядно вымокнув под дождём, Видогост Булатов со своими людьми вернулись на поле боя. Как и любое другое место ратного побоища, оно представляло собой ужасающее зрелище. Множество убитых и раненых лежали иногда друг на друге целыми слоями. Мёртвые лошади, отрубленные конечности, изломанные копья, оперённые иголки стрел, потерянные мечи, топоры, брошенные щиты. Стоны искалеченных, разбавленные карканьем слетевшегося на жуткий пир воронья.

— наших раненых и убитых собирайте, — приказал Видогост. — Державников бросайте где валяются.

— Что, прямо бросать?

— Ага. Нечего на них лекарства и дрова тратить.

— А коли не разобрать, кто наш, а кто свой?

— Если сомнения есть, то пусть валяются. Это что там? — Видогост указал на толпу грязных безоружных людей.

— Пленные.

— Сколько?

— Около двадцати тысяч.

Видогост подъехал к пленным воинам Строговых, Волковых и Клыковых. Свирепые ратники, сражавшиеся за власть Всеслава и два года унижавшие и бившие своих

противников сейчас выглядели жалко. Предельный князь Крайнестьочья почувствовал бесконечное презрение к этим людям.

— А почему они у тебя в броне? Пусть снимают, их доспехи нам пригодятся.

— Будет исполнено.

Были отданы нужные распоряжения и вскоре толпа пленных приобрела ещё более жалкий вид. Видогост вновь посмотрел на них. Было уже поздно, солнце почти село за горизонт. Хотя тучи, принесшие дождь, более-менее рассеялись. Владыка Миргорода достал свой меч и взвесил его в руке. Около него было до трёх сотен младших и старших дружинников. Посмотрел на пленных, медленно поведив мечом недалеко от своего лица, так что клинок несколько раз прошёлся туда и обратно, закрывая собой всю толпу. Всеслав Строгов жестоко унизил князя в прошлом году. Разбил его войско, заставил запереться в Миргороде, а сам сыграл роль спасителя от кочевого войска. Люди в Крайнестьочье очень уважали державного князя и удостоили своего правителя неприятных эпитетов. Отдали налоги Всеславу, а его оставили ни с чем. Сегодня Всеслав вновь выкрутился, благодаря этому сосунку Петру, который не дал прирезать раненого брата. Строговым надо вырвать жало, лишить их возможности вообще вести войны и мешать жить предельным князьям. Видогост скомандовал атаку. Сотни конников во главе с князем набросились на безоружных пленных. Избиение беззащитных дело очень увлекательное и вскоре к ним присоединились другие воины, в том числе и пехота. Владыка Миргорода с упоением рубил своим мечом всех, кто попадался ему на пути. После четвёртого десятка он потерял счёт отрубленным рукам, пробитым головам и разрубленным телам. Кто-то пытался сопротивляться, но не имея оружия тут же погибал. Большинство пыталось спастись бегством. С радостными воплями обезумевшие от крови и безнаказанности вежинские ратники убивали пленных.

Глава 20 Участь побеждённых

В Древгород были введены Старшие дружины Юрьевых, Озеровых и Булатовых. Частично разместили Храмовые дружины и тяжёлую пехоту для караульной службы у резиденции. Остальная же масса вежинских войск разбила лагерь за стенами. Дворцовая стража заперлась в своих казармах и не высывалась оттуда. Мятежные купцы, сумевшие словами и золотом убедить победителей в своей полезности, расставили боевиков возле теремов и складов для их охраны. В остальных концах и слободах города усиливалась безнарядица. Никто из победителей не горел желанием брать на себя ответственность за поддержание порядка в столице Рустовеского государства, были дела и поважнее. Поэтому ратники Вежинского содружества, не особо стесняясь, отказывались платить в харчевнях, отбирали у жителей приглянувшиеся им вещи или еду. Появились случаи насилия над женщинами. Видя отсутствие стражи на улицах, к грабежам присоединялись и местные древгородские окаянники.

Пётр Строгов разместился в княжеских хоромы, в покоях своего старшего брата. Ложе занял раненый Всеслав. Здесь же ежедневно были лекарь, Зима с маленьким Красимиром и Егор Михайлов. Все они спали в этой же комнате, на сундуках и скамьях. У входа постоянно дежурила пара охранников Петра. Юный князь с горечью подумал, что эти покои единственное место в Древгороде, которое полностью находится в его власти.

Егор Михайлов ушёл в баню, Зима с ребёнком спали на придвинутом к ложу сундуке, лекарь же дремал на скамье у стены. Пётр сидел у постели брата, облокотившись на колени. В руках он держал кинжал, который бессмысленно крутил в пальцах и размышлял о дальнейших делах. Видогост Булатов был в бешенстве из-за того, что Пётр не позволил убить брата, даже разговаривать с ним не хотел. Но всё равно, нужно вывезти из Миргорода Веру, а также жену Егора, Агату. Потом надо как-то вернуть под свою руку военные отряды...

— Если хочешь меня прирезать, сейчас лучший момент, — раздался тихий голос Всеслава. Пётр от неожиданности едва не уронил кинжал на пол.

— Да... Всеслав! Я не хочу тебя убивать. Ты был без сознания и может не знаешь, но я...

— Ты спас меня и жену от расправы, я знаю, — Всеслав говорил тихо, на пределе сил, с трудом шевеля потрескавшимися губами.

— Если ты всё знаешь, тогда к чему это? — Пётр невольно тоже перешёл на шёпот.

— Ты... поступил как порядочный человек. Как брат, родич. По совести... благородно... Не дал убить беззащитного... Но твой поступок глуп, если смотреть на него с высоты престола. Ведь тебя сделают державным князем?

— Ну да, так решили.

— И для державного князя Петра Строгова живой старший брат это угроза. Что вы решили делать со мной?

— Тебя лишат всех титулов и сошлют в острог Яблочный.

— Яблочный? В устье Рустовеси?

— Ага.

— Далеко от Вежинского содружества, им будет начхать. А вот тебе опасно... Если я не умру, то рано или поздно между мной и тобой начнётся война.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Ты поступил честно и благородно. Я стараюсь ответить тем же. Мы уже не та семья, что дружно жила под защитой нашего отца. Война всё изменила. Ты спасаешь не жизнь брата, а жизнь будущего врага.

— Я спасаю брата. И если боги повелят нам быть врагами, то пусть так и случится, но потом.

— Твой выбор...

Повисла тяжёлая пауза. Пётр встал, отворил ставни и в комнату потянуло прохладой улицы, которая разбавила спёртый воздух, наполненный запахами пота, крови и лекарственных снадобий. Вернулся, сел обратно и решительно убрал кинжал в ножны.

— Что с моими войсками?

— Полный разгром. Вежинцы тоже понесли большие потери, но у твоих... В битве почти сорок тысяч убитых и раненых. По приказу Видогоста раненым никакая помощь не оказывалась, так что многие из них уже мертвы. А потом он набросился на безоружных пленных и перебил их... Почти всех. Кто-то сумел бежать.

— Сколько?

— Не знаю. Около пяти тысяч сумели бежать. А всего в плену было двадцать тысяч. Я буду державным князем без войска. Только стража осталась.

— Лютогост?

— О нём ничего не известно. Олег Волков погиб. Ростих Клыков в плену у Юрьевых.

— И как союзники держатся?

— Ну, пока не рассорились ещё. Хотен Юрьев требует заключать мир как можно быстрее. Ведь по его пределу целое войско сваяльцев сейчас ходит. И ещё тысяча или две из тех твоих ратников, что в битве уцелели. Я слышал, что они тоже в Густошумье направились. Чернек Озеров и Видогост Булатов уже отказались помочь Хотену против сваяльцев. Говорят, твой предел, твои заботы.

— Понятно, почему Юрьев так торопится.

— Они казну хотели поделить в качестве возмещения убытков. Но она пустая оказалась.

— Совсем пустая? — Всеслав, превозмогая боль улыбнулся.

— Кое-что осталось. Но намного меньше, чем по ведомостям Чеканной управы числится. Куда делись деньги?

— Откуда мне знать...

— Ну само собой, брат, откуда тебе знать? Они разделили то, что оставалось. Я теперь буду державным князем без войска и без казны.

— Выдавай жалование продуктами. Хлебом, картофелем.

— Похоже, придётся.

— По другому никак. Иначе от тебя все писари разбегутся и остатки ратников.

— Да... Ладно, спи. Завтра уже будем мир подписывать в Большом зале.

Ночью все крепко спали, когда Пётр услышал подозрительную возню за дверью. Он приоткрыл глаза. В покоях горела лишь одна свеча. Зима с Красимиром спали, его телохранитель Егор Михайлов дремал прямо на полу, прислонившись спиной к сундуку, на котором лежала жена Всеслава с сыном. Лекарь на эту ночь отпросился повидать семью. Дверь еле слышно отворилась. Может, он решил вернуться? Пётр приподнял над скамьёй голову. В проходе появился незнакомый человек в кафтане цветов Дворцовой стражи. В руках его тускло отсвечивал кинжал. Незнакомец огляделся, соображая что к чему. Затем, заметив Всеслава, шагнул к его постели. Пётр вскочил со скамьи, грохнув сапогами об пол

и доставая своё оружие. От шума проснулась Зима и закричала, следом заплакал испуганный Красимир. Пётр Строгов встал на пути убийцы. Злодей с силой врезал юноше кулаком в лицо, отчего он упал. В глазах потемнело, но Пётр ткнул наугад в сторону врага. Кинжал воткнулся куда-то и раздался сдавленный крик боли. Егор Михайлов сбил нападавшего ударом ноги и тот повалился на пол. Телохранитель выхватил из его рук кинжал и приставил к горлу. Пётр, шатаясь встал и поглядел под ноги. Из живота злодея торчала рукоять его орудия. Пол был залит кровью.

— Кто тебя послал? Отвечай! — Михайлов надавил убийце на живот. — Отвечай! Ты и так покойник.

— О... О...

— Озеровы?

— Купч... О... енег да... — только и успел сказать душегуб.

— Умер...

Егор выглянул за дверь. «Мертвы», — сказал он о дежуривших там стражниках. Пётр дотронулся до начавшего распухать лица. На пальцах осталась кровь. Зима с благодарностью обняла его и усадила на скамью, чтобы осмотреть фингал. В коридоре послышался шум, бежали другие телохранители. Юный князь встретился глазами со своим братом. Всеслав улыбнулся ему.

— Твой выбор.

— Знаю, — ответил ему Пётр, — больше не будем об этом.

Пётр Строгов восседал на отцовском престоле в Большом зале и осматривал затекшим глазом собравшихся. Распухшее от полученного в ночной схватке удара лицо сильно болело. Можно себе представить как больно Всеславу, если его так искромсали. Предельные князья заверили, что никто из них убийцу не подсылал и никто нарушать договор не собирался, тем более, в ночь перед заключением мира. Было понятно, что наёмник пришёл именно за Всеславом и имел категорический приказ не убивать Петра, поэтому лишь ударил князя по лицу, когда тот сам полез в драку.

У подножия престола, по правую руку, на особых скамьях уселись князья Вежинского содружества — Чернек Озеров, Хотен Юрьев и Видогост Булатов. Сзади них стояли воеводы Храмовых дружин. Чуть поодаль от них держали на цепи Ростиха Клыккова, предельного князя Хладоручья, одетого в платье грубой ткани, которые носят обычно узники в заключенницах. Всеслава Строгова, лежащего на носилках, положили у противоположной стенки, по левую руку от Петра. Рядом с ним была его супруга, Зима. Вокруг трона и вдоль стен выстроились дружинники Вежинского содружества. В конце зала, у дверей, стояла толпа почётных гостей из офицеров победившего союза и знатнейших людей Древограда.

Церемония началась. Вперёд вышел глашатай из Законной управы с листом бумаги в руках и хорошо поставленным голосом, так что было слышно любому в зале, зачитал:

— Сим высочайшим указом, одобренным всевеликими и благородными князьями Содружества Вежинского, провозглашается, что с дня нынешнего, с первого полносвета четырёхста шестнадцатого года во всей земле Рустовесской заканчивается война и начинается жизнь мирная. Князь-отступник Всеслав, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых лишается всех своих титулов, званий, земель и доходов и с женой своей, и с сыном их общим, и с сотней ратников, отправляется на вечные времена в бессрочную ссылку в

Яблочный острог, без права на возвращение. Новым державным князем Рустовесского государства и владыкой Древгорода провозглашается Пётр, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых. Земля Рустовесская на вечные времена отказывается от элаитства и держится только благих богов. Отныне и навеки все доходы от налогов и податей остаются в пределах и князя предельные ничем державному князю не обязаны. Вся власть в пределах отныне и навек признаётся лишь за предельными князьями. Рубежная и Тайная стража распускаются за ненадобностью. Державный князь остаётся как и во все времена бывшие хозяином земли Рустовесской, обязанным решать споры среди верных своих подданных. О чём вольные грамоты вручаются Чернеку, сыну Эстера из Большого Дома Озеровых; Хотену, сыну Стоума из Большого Дома Юрьевых; Видогосту, сыну Боримира из Большого Дома Булатовых.

Из-за престола вышли писари Законной управы и с нижайшими поклонами вручили предельным князьям грамоты, лежащие на серебряных блюдах. «Странно, что эти блюда ещё никто не украл», — подумал Пётр, безрадостно глядя как его подданные берут грамоты, гарантирующие им полную независимость.

— Большой Дом Клыковых, — продолжал глашатай, — объявляется лишённым всяких наследственных и владетельных прав на Хладоручье. Хладоручье не является более пределом, а землями его могут свободно распоряжаться Озеровы, Юрьевы и Булатовы, на основании взаимных о том договорённостей. Участь Дома Волковых и предела Солоплаж решаться будет в дальнейшем на переговорах державного князя и Вежинского содружества с наследником предельного князя Олега, его сыном Харитоном, — глашатай свернул бумагу. — Именем державного князя, прошу всевеликих князей предельных скрепить мирный договор подписями.

Первым подписался Пётр Строгов, за ним предельные князья и воеводы Храмовых дружин. Звякнув цепью и злобно покосившись на победителей, начертал своё имя на бумаге и Ростих Клыков. «Нужна ещё подпись бывшего державного князя», — писарь посмотрел на Всеслава, но тот был без сознания.

— Да пусть он к Килме в гости идёт, — выругался Видогост. — Зачем он нам вообще?

— Подпись нужна, — настаивал писарь.

— Я бы на его месте тоже сознания лишился, — съязвил Чернек, чем вызвал смех окружающих.

— Давайте я подпишу, — Зима сделала шаг вперёд.

— Женщина руку приложит к государственной бумаге? — усмехнулся Хотен Юрьев.

— Да пускай, какая разница, — неожиданно поддерживал её Видогост Булатов. — Какая разница, кто там напишет чего? Договор имеется, и у нас есть пятьдесят тысяч ратников для любого, кто усомнится в его крепости.

Под всеобщие насмешки, Зима Строгова написала имя своего мужа под мирным договором.

Ладья, обогнув несколько небольших островков, на которых виднелись разрушенные остатки сторожевых башенок, пристала к песчаному берегу, недалеко от острога с названием Яблочный. Он был основан больше трёх столетий назад для охраны устья реки Рустовесь от мирлийских разбойников. Позже в нём стали устраивать свои склады купцы, используя крепость ещё как торговое поселение. Но в последние годы Яблочный пришёл в упадок. Внимание державных князей было больше устремлено на борьбу с киврийцами, Вечерними

королями и кочевниками, а также на внутренние конфликты. По мере того как Рустовесь очищалась от лихих людей, значение острога как опорного пункта для купцов снижалось. Правящий здесь Малый Дом князей Копиных потерял почти всех своих мужчин во время Киврийской войны, чёрного мора и стычек с мирлийцами, после чего уже отец Всеслава Лесьяр Строгов был вынужден поставить здесь в качестве командира гарнизона служилого офицера из Рубежной стражи. Теперь офицера отозвали в Древгород, а его место занял бывший державный князь.

Прибывшие вместе с Всеславом воины и прислужники стали разгружать вещи и припасы. Князь, из-за продолжавших болеть ран, не смог самостоятельно спуститься с ладьи, его сняли на носилках. Из ворот острога, одна створка которых не раскрывалась из-за проржавевших петель, высыпали жители, чтобы поприветствовать сосланного государя. С трудом передвигавшийся Всеслав и его жена оказали простолюдинам честь, отведав поднесённые выбранным старшиной хлеб и воду. После чего Всеслав поклялся быть им честным судьёй, надёжным защитником и заботливым хозяином. Жители так же поклялись новому управителю в верности.

Зима обратила внимание мужа на маленькую деревянную бейту. Кроме неё других святилищ в остроге не было. «Мы все здесь элаиты, — пояснил старшина. — Давно уже все молимся Единому». Всеслав с трудом взошёл на крепостную стену, Зима придерживала его под руку. Стены были наполовину прогнившие и кое-как залатанные.

— Осторожнее, любимый, не упади.

— Ничего, — улыбнулся Всеслав, — оправлюсь от ран, наладим тут всё.

— Что всё, — не поняла Зима, — стены?

— И стены, и жизнь. Очень выгодное здесь местоположение!

— Ой, ты всё о своём. Война ведь кончилась.

— Нет, милая. Война может закончиться, когда есть один победитель. А когда их несколько, наступает лишь перемирие.

— Какой ужас!

Они обошли крепостную стену по кругу. Всеслав залюбовался видом Рустовеси, с её поросшими деревцами и кустарником островками, вливавшей свои воды в Полуденное море. И самим морем, отливавшим невероятно завораживающими оттенками голубого и синего. Тем более, что бывший государь не привык видеть такую массу воды. Деревьев — пожалуйста, но не воды.

«Приближается отряд!» — донёс один из караульных. Они прошли на западную часть стены. Вдоль берега моря двигались несколько сотен конных и пеших воинов под серебряной звездой на красном поле.

— Это что? Нас опять хотят убить? — Зима прижалась к супругу, одновременно прячась за ним и защищая. От её чрезмерно крепких объятий раны Всеслава разболелись.

— Вряд ли. Могли бы убить в Древгороде или на реке. А эти откуда-то с запада идут. К тому же у Петра нет столько войск, чтобы за мной их слать.

Спустя около получаса отряд оказался под стенами острога. Ратники выглядели весьма дружелюбно, никто не готовился к бою. Вперёд выехал офицер, в котором Всеслав признал полковника Дворцовой стражи, который был оставлен начальником гарнизона в храме Благопроявлений в начале прошлого года.

— Государь, — обратился полковник к Всеславу, явно радуясь, что не ошибся в своих расчётах, — мы прибыли служить Вам! Наши жизни, наши копыя, мечи и топоры в Вашей

воле!

Больше книг на сайте - Knigoed.net